

XXI ВЕК

ВОЛГА

7-8 2015

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Демченко – доктор филологических наук, профессор СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
И.В. Пырков – член Союза писателей России (Саратов)
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

САРАТОВ
2015

7-8 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Михаил МУЛЛИН. Золотая акация	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Александр НЕСТРУГИН. Донские отцветы	9
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Письма Николая Рыжкова	36
ПОЭТОГРАД	
Елена МАШУКОВА. Приметы родины моей	57
ОТРАЖЕНИЯ	
Виктор САЗЫКИН. Милый Паня и другие (Окончание)	62
ПОЭТОГРАД	
Карина СЕЙДАМЕТОВА. В неотмирной державе	97
КАМЕРА АБСУРДА	
Галина ДУДНИКОВА. Мелкий бисер	100
ПОЭТОГРАД	
Светлана ЛЕОНТЬЕВА. Люблю я эти небеса	113
ОТРАЖЕНИЯ	
Василий РЕСНЯНСКИЙ. Непутёвый Лёнька	116
В САДАХ ЛИЦЕЯ	
Евгений МЕЛЬНИКОВ. Дыханье земли	140
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Вугар АСЛАНОВ. Развозчик молока	144
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Татьяна ЛИСИНА. Невыдуманные истории	150
ПОЭТОГРАД	
Е. РУСЛАНОВ. Дуновенье творящего духа	160
К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ МУЗЕЯ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО	
Елена МАНОВА, Ирина СЕМЁНОВА, Наталья СОЛОВЬЁВА «Вот местности главного знакомства моего...»	163
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
Виктор ТОТФАЛУШИН. «Бодрость духа, грация и пластика»	171
РЕЦЕНЗИИ	
Сергей ФОЛИМОНОВ. Впечатления о «Впечатлениях»	176
Елизавета МАРТЫНОВА. Воля к жизни	180
Сны и сказки Кселены Литвиновой	182
ОТКЛИКИ	
«Других писателей у меня для вас нет...»	184

**Михаил
МУЛЛИН**

ЗОЛОТАЯ АКАЦИЯ

ВРЕМЕНА ГОДА

Ничего не отнять, не прибавить –
Всё по возрасту, всё по поре.
Упоительно пахнет грибами
Парк Победы на ближней горе.
Тополей серебристые лица
Чуть устали от летних утех,
И молчат присмирившие птицы,
Перед дальней дорогой присев.
Пожелаю пернатым удачи
И почувствую тяжесть их крыл,
Будто сам собираюсь куда-то...
А куда – я ещё не решил.
Гром не грянет, и филин не охнет.
Листопад прошуршать не готов.
Как предтечи багрянца и охры –
Огоньки редких жёлтых цветков.
Что хотят мне деревья поведать,
Понимаю спокойно теперь:
«Ранней осенью в парке Победы
Не печалься от близких потерь».

УВЕК

Повсюду мгла, один Увек ещё
В лучах заметен солнца уходящих.
Возможно, мы восход ещё обрящем,
Раз лоб горы к востоку обращён.
Погост молчит. За дымкой голубой

-
- Михаил Семёнович Муллин родился в 1946 году в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

Взойдѣт светить усопшим звѣздный Лебедь.
Но под крестами вечен их покой,
Как вечен их покой на Божьем Небе.
И хоть годин неукротимый бег
Тебе унять не нужно, да и нечем,
Ты вечностью не обойдѣн, Увек,
Свершеньями былого – не увечен!

Дома живых, преданьями горды,
Высоких дум за ставнями не скроют:
Ужель с дыханьем Золотой Орды
Минул твой век и время золотое?
И ханы, управлявшие тобой,
И строгий книжник – тѣмноглазый ребе,
Лежат в горе – и вечный *их* покой
Хранят Луна и многозвѣздный Лебедь.
Ты зришь свой сон счастливый наяву,
Когда играл с Пандорой юной в ящик.
И я склоню повинную главу
Перед тобой – былым и настоящим.

ПОТЕРЯЛ ОТЦОВСКУЮ ПИЛОТКУ

Жизнь швыряла, словно в море лодку.
Перезеды взяли много сил.
Потерял отцовскую пилотку,
А ведь я и сам её носил.
Почему про это вам поведал?
Оттого, что за парадом вслед
Шли в пилотках дети в День Победы
И гордились счастьем их надеть.

Я надел такую бы охотно,
Но в какой лежит она траве?
...Потерял отцовскую пилотку –
Впору плакать, как о голове.
И мгновенье только сердцу мнилось,
Что с ней жить бы можно не боясь,
Что она бы очень пригодилась
Мне в моих проигранных боях.
Да, словесных!
В сданных мной высотках,
Может, ты пропала не совсем,
Добрая отцовская пилотка –
Сокровенный богатырский шлем?
Цвета табака, знавала копоть
И бойцу служила как могла,
И ему под Харьковым в окопах
Голову наивно берегла.
Мне она, как помню, *душу* грела,

В ней я обретал геройский вид.
И звезда во лбу моём горела
И сейчас, невидная, горит.
А теперь вот и дала прозреньё:
Кто же я теперь в краю родном...
И пишу о том стихотвореньё –
Плач и покаяньё заодно, –
И читаю, будто с фронта сводку:
В долгом у беспамятства плену
Потерял отцовскую пилотку,
Потерял отцовскую страну...

***

Сыплет золотом с каждой ветки
На Пристанное и Увек.
Лучезарное бабье лето
Растянулось на бабий век.
Каждый возраст приносит знанье.
Понимаешь в такие дни,
Что в России и увяданье
Расцветанью всегда сродни.
Над лазурною гладью водной
Тройкой радуг висят мосты.
Время года – лишь смена моды,
С возрастанием красоты!
Полыхают под яркой синью
Парк Победы да ивы шёлк.
С Белой Индией по России
Тихий Ключев с утра прошёл.

ЗОЛОТАЯ АКАЦИЯ

Простите, братцы: только вкратце я
Упомяну кусочек края,
Где весь июнь цветёт акация
Не жёлтая, а золотая.
Её на зло нельзя науськивать –
Бессмысленно занятые это,
Её цветки – из сердца русского –
Из благородства да из света.
Не раз года случались грозные –
И кто-то сад переиначивал:
Тупой разбойный нож бульдозера
Её с корнями выворачивал.
Головотяп – серпом и молотом,
И бизнесмен неуважаемый...
Но снова проступало золото
И на земле уничтожаемой!
По саду, саженная лентами,
Она цветёт не позы ради,

Её аллеи позументные –
 Как офицеры на параде.
 «Куда хватил! Попроще, вроде бы...
 Уж ей ли гимн или прокимен?»
 Но рядовой кустарник родины
 Не предаёт и не покинет.
 Простите, братцы: только вкратце я
 Упомянул кусочек рая –
 А там всегда цветёт акация
 Не жёлтая, а золотая...

НАКАНУНЕ РАВНОДЕНСТВИЯ

Скоро – Спиридон. Сейчас суббота,
 И, по мнению всяческих наук,
 День короче ночи лишь на йоту,
 Лишь на «йот» – короткий самый звук.
 Надо жить и проще, и умнее.
 Милая, стряхни усталость с глаз!
 Даже слова молвить не успеешь –
 И прибудет солнышка у нас.
 Ты да я – ведь это, право, – сила!
 И за нами, вроде, добрый след.
 Много зим ты ласково светила,
 Согривал тебя я много лет.
 И сейчас... поленьев брошу в печку...
 А когда восстанем ото сна,
 То увидим утром, как навстречу
 Нам спешит прекрасная весна.

ПИСЬМО ПО ТЕЛЕФОНУ

«Я в театре».

(Из sms-ки, полученной в антракте)

Оно мне принесло немало сил,
 Хотя его я заслужил навряд ли,
 И всё-таки счастливо получил
 Письмо по телефону: «Я в театре».
 О, прима миа! Воплощеньем воль
 Каких богов всеильного союза
 Вам выпала нечаянная роль,
 Пусть взбалмошной и ветреной, но Музы
 Моей? Хоть непочтительной ко мне,
 Но эффективной и (о, да!) эффективной.
 И, вестью успокоенный вполне,
 Волнение скрываю незаметно...
 В театре Вы – и, значит, вместе мы.

Уж это не признать нельзя, не так ли?
Как утверждали лучшие умы:
Весь мир – театр. И мы пока в Театре.
Не сон ли в руку, то есть наяву,
Что радовал ночами неотвязно?
И ясно стало: я ещё *живу*.
И Вам отчасти этим я обязан...

***

То кукушка, то ромашка –
Достоверен их прогноз.
А и выпадет промашка –
Перетерпим – не вопрос!
Птица-ряба в тихой чаще
Знает так же, как цветок:
Люди врут гораздо чаще,
Будь учёный иль знаток.
Предрекали мне печали
Доктора, да всё не так!
А кукушки обещали
Щедры многие лета.
Оказалось, правы пташки.
Из любви, а не за страх
Попадались мне ромашки –
Нечет в жарких лепестках.
Лес, поляна – их отчизна,
Важным смыслом полны дни.
Ну, а что не вышло в жизни,
Виноваты не они.

ДВА ЛЕБЕДЯ

На пруд, где брода нет, мне боязно глядеть,
Но всё-таки застыли там удачно
Два лебедя на призрачной воде –
На «призрачной», а вовсе не «прозрачной».
Один белеет – с молоком налитым
Сосуд хрустальный так же бел на вид.
Другой чернее сажи, эбонита...
Но он прекрасен, как и визави.
Два совершенства, вписанные в круге
Пруда без брода. Образ их высок –
Как будто отражаются друг в друге,
Как антимир и мир, как чаши две весов.
Тревожусь я, на птиц застывших глядя,
И радуюсь за них и за людей,
Что нет морщинки-трещинки на глади –
Лишь отраженья... тех же лебедей...

А СНЕГ ИДЁТ...

Придёт, пожалуй, Новый год –
Иное было б странно.
Зато уж точно снег идёт –
Как гость давно желанный.
И месяц свет медовый льёт
По тополиным веткам,
А снег идёт, а снег идёт –
Кто не писал об этом?!

На встречу выйду с ним – и вот
Готов, как он, кружиться.
А снег идёт, а снег идёт –
И заодно ложится.
Его волшебная игра –
Серьёзнейшее дело,
И тот, кто злюкой был вчера,
Пушистым стал и белым.
А он идёт как бы во сне –
И высветляет лица,
Поскольку снегу, как и мне,
Не страшно повториться.
Одновременно свет и тень,
Он падает сегодня,
И что ему, что через день
Он станет прошлогодним?!

И все мы верим в свой успех
Какой-то высшей властью.
А ведь всего-то... выпал снег –
Как маленькое счастье!

**Александр
НЕСТРУГИН**

ДОНСКИЕ ОТСВЕТЫ

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Парадокс: воспитывают нас сказки, а жить-то приходится в жизни, которая так мало похожа на сказку. Но это так, к слову, уж очень сказочное оно, заметное то, что в заголовке.

Рыбачил этой осенью на Дону, под Монастырщиной. На высоком правом берегу испуганные домишки повдоль обрыва, дальше элеватор, широкими каменными лапами ухвативший крепко этот самый обрыв. Напротив элеватора, у выхода из ямы, мелководье песчаное, переходящее в заросшую кувшинками заводь. На мелководье том гуси домашние гоношата, плавают кругами, кугыкают возмущённо. А в заводь, метрах в двадцати от гусяного шаюгана, гляжу: лебеди!

Семья: двое взрослых, белого пера, и шестеро аж детишек-трубочистов. Детишки те большие уже, статью папе с мамой почти не уступают, но всё равно (не только по перу) видно: дети. Бултыхаются себе среди кувшинок безмятежно, корм выскивают. С ними мать, тоже голову окунает, но лишь изредка, всё больше по сторонам поглядывает. А отец в сторонке вдоль мелководья белым сторожевым катером курсирует, волну перед собой резко гонит. На гогот гусяный вроде ноль внимания, но это лишь

-
- Александр Гаврилович Нестругин родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Автор шести сборников стихов, вышедших в Москве и Воронеже. Стихи и эссе печатались в журналах «Дон», «Подъём», «Простор», «Русское эхо», «Гостиный двор», «Сура», «Огни Кузбасса», «Вертикаль—21 век», «Роман-журнал 21 век», «Новая книга России», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «На любителя. Русский литературный журнал в Атланте» и других; в газетах: «Российский писатель», «Литературная Россия», «День литературы», «Литературная газета». Лауреат премии Воронежского комсомола имени Василия Кубанёва (1988), всероссийской литературной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (2008). Член редколлегии журнала «Подъём». Член Союза писателей России.

с виду. А гуси тем часом, кричать не переставая, в треугольник серый сбились да и полулётом, с разгона – вперёд, на заводь, свои владения отбивать.

Впереди гусак, дородный, зобастый, тяжелокрылый, кажется, любого сомнёт-размечет. Да не тут-то было: рванулся, будто привстав над водой, встречу гусиному заполошному лёту лебедь-отец, ударил гусака грудью, сшиб, крыльями, кажется, прямо в воду вбил. Гуси, бросив вожака своего, колотя по воде култышчатыми крыльями, врассыпную. Да и сам вожак, с трудом вывернувшись из кружащегося, сметающего всё на своём пути белого смерча, так рванул от заводи – чуть из перьев не выскочил.

Сбились гуси опять на мелководье, кричат, возмущаются. Больше других их главный воитель глотку рвёт, дескать, вот я ему! А лебедь, крылья высоко взбив, скользит легко над водой к своему семейству. «Ки-ик, – говорит издали, – видели?» «Ки-ик, ки-ик», – негромко отвечает ему лебедушка. Лебедь разворачивается и молча плывёт к своему пограничью. Да и о чём, собственно, много говорить?

2007 год

КИВОК

Прошёл Новый год. Волею депутатов-народолюбцев – каникулы. Не знаю, как часто тем депутатам икается, но должно бы частенько. Они-то на горно-лыжные курорты, а остальным куда?

Январь. Бесснежье. Морозы дают. На утреннюю зорьку даже из тепла, из домашнего уюта глядеть страшно: такая она сквозь законную стынть кроваво-красная, прямо дымящаяся! Но, правильно говорят, охота пуще неволи, да и дома сколько высидишь? От тостов-застой и так голова кругом, а впереди ещё Рождество.

Охотиться я давно уже бросил, а вот без рыбалки никуда. Как в нежном возрасте втюрился, на свою беду, так по сию пору и страдаю: помяни её только – а внутри уже всё дрожит меленько от нетерпения. Страсть, ничего не попишешь! Да ничего писать и не надо. Ехать надо. И чем скорее, тем лучше...

Вот здесь, на выходе из ямы, до новогодья хорошо брала «королевская» густера – крупная, увесистая. Пробурил лунку, настроил снасть, сижу, от кивка глаз не отрываю. Место уловистое, должно клюнуть.

Но не клюёт.

Кивок с алым пенопластовым шариком на кончике не шевелится. Где-то за обрывами, за чернолесьем карабкается на небесную ледяную горку солнышко. Через часок скатится оно между прибрежными осокорями на лёд, оттеснит стужу под обрывы. А пока стуже самая забава. Лунка поминутно схватывается льдом, нужно очищать, но и на металлическом черпачке уже намёрзла уродливая белёсая гугля.

Пытаюсь схитрить, заговариваю с кивком:

– Что, брат, студёно? Вижу. А ты потянись, стань на цыпочки, потом поприседай!

И ухом не ведёт.

Захожу с другой стороны:

– Ладно, с рыбалкой не везёт, но ведь жить-то мы стали лучше, верно?

Результат тот же.

Я не унимаюсь:

– А президента нашего ты уважаешь?

И тут на «лице» этого красноголового уродца ни один мускул не дрогнул. То ли дурак, то ли отважный такой. Его бы в президентские советники. Или в депутаты выдвинуть. Те всё кивают и кивают, не дослушав даже; вот бы их местами с кивком моим поменять! Пусть бы хоть впусую кивали, как привыкли, я бы хоть погрелся.

2008 год

РУССКАЯ РУЛЕТКА

В аккурат перед Днём защитника Отечества это было, в субботу. Ещё не праздник, но ведь у нас праздники начинают отмечать дня за три, не меньше. Причём не только на работе или в семейном кругу, но и на природе. На природе непременно: ни тебе ментов, ни жены – воля...

Поехал я на рыбалку. Далёконько забрался, под Белую Горку. Там-то, думаю, хмельного люда, матерком сыплющего да швыряющего на лёд пустые бутылки, не будет. И точно: никого. Зато ветер по донскому руслу свищет соловьём-разбойником, прибрежный тальник гнёт. И – даром что февраль – дождь срывается. Оттепель. На льду лужи, «лица» у них хмурые, морщинистые, как у меня. Иду вдоль своего, левого берега к нижней пересыпке, с пешнёй, ощупкой. Лёд на Дону ещё толстый, но сверху рыхлый, теплом траченный.

Добрался до места, забурился, сижу. Внизу, километрах в двух, у противоположного берега, рыбачок чернеет, а больше нигде ни души. Клёва никакого, но мысли отрешённые, лёгкие. Клубятся, несут куда-то сердечко усталое, баюкают, как ребёнка малого. Ветер шумит, дёргает полы зелёного плаща-непромокайки. И вдруг почти у самого уха – голос, и называет по имени. Поднимаю голову: Борис, земляк, ляд бы его взял, напугал прямо! Спрашиваю:

– Ты откуда взялся?

– Сверху, с ямы. Там, понимаешь, клёва совсем нету.

– А намылился куда?

– Да на ту сторону, под кручу, может, голавль клонет!

Смотрю, а у него даже пешни нет, только ящик да ледобур.

– Брось, – говорю, – дурака валять, провалишься – там течение, промоины.

А он смеётся:

– А я по трещине!

И заскользил-засеменил, с трудом держа равновесие. Я о рыбалке забыл, слежу за ним. Вот он уже почти под тем берегом. Остановился, ящик поставил, крутанул ледобуром раз-другой. Отшагнув осторожно от лунки, ящик подхватил и – скользком-бежком назад, к нашему берегу. Не дойдя до меня шагов двадцать, кричит:

– Лёд там и правда тонкий – родники! Вниз пойдём...

И пошёл-покатился, лужи разбрызгивая. Пока я пару новых лунок пробурил да снасти перенёс, он уже с полкилометра отмахал. Голову поднимаю, а он всё правее, правее забирает – и пошёл опять через Дон, как глиссер. По трещине, видать, как по ниточке. Только и вымолвилось: «Вот дурень!»

Поймал я в тот день всего ничего, жене да коту напоказ: плотвичку да окуня. Уехал рано. По дороге всё размышлял об этой нашей русской черте – то ли удали, то ли дури просто. Смелость города берёт – верно, только это смелость разве?

По дороге решил заехать попутно на озеро Немереж: оттепель, вдруг подлецик пошёл? Озеро это было когда-то моим любимым, когда там народу поменьше бывало, да и народ тот вёл себя иначе. Ну, подъехал, смотрю, а там уже почти никого, человек пять-шесть всего осталось, вдали на яме мормышат. Да, видно, впустую: руками никто не машет, леску поспешно выбирая после подсечки. На льду бутылки, окурки, пакеты, бумага намокшая – смотреть противно, не то что ловить. Как же, популярное место отдыха! Нельзя разве убрать за собой? А ещё проще не свинячить, тогда и убирать ничего не надо будет.

Постоял, погоревал молча, да и пошёл к машине. И озёрные рыбаки стали тем временем снасти мотать, к берегу помалу двинулись. В дальнем конце озера, в ольхах, мотоцикл завёлся и резко, без прогрева, на газах пошёл в гору, по крутой лесной дороге. Не одолев подъёма, заглох. Тихо, как в немом кино, скатился к прибрежной полоске ольховника. Снова заработал мотор на пределе, рванулся тот мотоцикл, но уже не в гору, а на лёд, и пошёл полукругом, лихо забирая влево, к яме – для чего, зачем? Мотоцикл старенький – «ИЖ» с коляской, на нём двое местных, из ближнего села, по виду и крику вряд ли трезвые. Подумалось ещё: «Ну что ж это за день такой?!»

Тут мотоцикл, будто налетев на что-то, привстал на ведущее колесо и, кроша тонкий подтаявший лёд, начал оседать вместе с седоками в воду. Мотор заглох. Двое барахтались в полынье рядом с мотоциклом, казалось, они пытаются вытолкнуть тонущее железо на лёд. Длилось всё это каких-то несколько мгновений: находившийся метрах в тридцати от лихих мотогонщиков рыболов успел только встать и сделать несколько шагов по направлению к ним. Мотоцикл, глухо булькнув, ушёл на многометровую глубину, а две фигуры уже темнели на мокром льду по обе стороны полыньи. Повезло...

А ведь на той яме вода замерзает только в самые сильные морозы, уже ближе к середине зимы. Родники там сильные. Все об этом знают, местные – в первую голову. Значит, это и есть русская удаля: револьвер, один патрон, крутануть барабан вслепую и – дуло к виску?

Или с разгону на тонкий лёд?

Нет, не удаль это и не дурь даже, а подлость, предательство. Так мне кажется. Уже потому хотя бы, что нас, русских, с каждым годом чуть ли не на миллион меньше становится.

Русская судьба. Только подумаю об этом – и перед глазами опять та картина. Две тёмные фигуры на мокром льду по обе стороны полыньи.

2008 год

ЧЁРНЫЕ ИГОЛОЧКИ

Первый день весны, и, наверное, последний – зимней рыбалки. Перед этим несколько дней было уже по-весеннему тепло. Снег стаял, вода скатилась в низины. Посредине озера лёд приподнялся, вроде бы на цыпочки встал. А края его вдоль берега надломились, запали, талой водою их залило. У берега глубоко, на коренной лёд и в сапогах не забредёшь.

Ночью вызвездило, морозец ударил. Поверх прибрежной этой талой воды ледок схватился. Тонкий, как оконное стекло. И такой же прозрачный. Пробую ногой: испуганные трещины от подошвы во все стороны разбегаются. Молодое стекло это сразу не ломается, гнётся, но стоит стать – ухнешь в воду по колено. Пришлось таскать валежник, гать мостить. Намостил, зашёл. Иду осторожно, пешня впереди лёд выстукивает: весна всё же. Листья кувшинок, жёлтые с прозеленью, на белый свет вытаяли. Лёд в этом месте в глубоких оспинах: так эти листья солнце на себя тянут. Иду к противоположному берегу, там глубже и травы нет. Зато есть коряги. Бобры там живут, на крутом бережку. Они-то и валят вётлы. Какую на берег, а больше – в воду. Им так удобнее. И безопаснее. Во время кормёжки никакой враг не подберётся.

Пробую блеснить в коряжнике, и в первой же лунке зацеп. Ветка пружинит, кажется, вот-вот подтяну её к лунке. Однако у лески запас прочности меньшим оказался. Надо новую блесну привязывать. Достал из ящика коробку, склонился над ней, выбираю-примериваюсь, какая поуловистей будет. Распрямляясь, замечаю под молодым ледком какой-то промельк, быстрое движение. Интересно, что же там такое? Подхожу потихоньку – и глазам своим не верю: мальки. Чёрные, величиной с иголку, идут дружной стайкой вдоль границы старого и молодого льда, проскальзывают там, где, кажется, даже иголку не продеть. Интересно, как они сюда попали? Делаю ещё пару шагов, уже не таясь. Мальки-иглочки все разом скользнули на глубокое, под берег. Там почти вертикально изо льда ветка торчит, толстая и чёрная. А вокруг неё солнышко лёд прососало, на палец, не больше. В этот подлёдный переход иглочки мои и юркнули. Шустро так, будто растворились. Вот бестии! Видно, надоело им там, в зимней темноте, сидеть, обрыдло. На волю, на свет захотелось. Свежей водичкидохнуть.

А мы, люди, разве не такие? Из-под льда на свет так порой хочется проскользнуть, хватить волюшки задыхающимся жабрами. Вот только щёлку в том зимнем льду ищем поодиночке, может, потому и находим так редко? Если вообще находим.

2008 год

ЕСЛИ ВГЛЯДЕТЬСЯ...

Вторая половина апреля. Тепло. Половодье отступило, обозначив до боли знакомые донские озёра-старицы. Озёра начинают сниться, звать к себе. И я не выдерживаю, еду.

На озере Зёмкино, совершенно безлюдном, шумно, как в торговых рядах. На пригреве, в полузатопленных лозах ещё плещутся последние щучьи свадьбы. Цветущий ольховник полон птичьими голосами: высвисты, щебет, переливы, щелчки.

Но громче всех ведут себя лысухи. Они похожи на уток, но каких-то самодельных, что ли, грубо вырезанных: обрубковатые, неловкие, чёрные, только на лбу белое пятно. И ведут себя не по-утиному. Если спугнёшь, срываются с шумом, летят низко, по виду неумело, задевая воду крыльями. Крикливы, как базарные торговки. Брачная пора – всё им нипочём. Снуют то и дело от одного берега к другому, кого-то выкликают, доказывают что-то. Озеро пересекают уверенно, напористо, гоня перед собой углом упругую волну. Похоже, главными здесь себя считают. Мне это не нравится. Я лысух укоряю, покрикиваю даже, а толку?

Плыву вдоль берега, вернее, вдоль того, что берегом выглядит. Полуметровый пласт сросшихся корней куги да рогоза приподняло, оторвало от мягкого илистого дна полкой водой. Ветерок, волна поперёк озера, и берег этот слегка покачивается. И лодка покачивается. Первое время как-то не по себе. Кажется, что голова закружилась. Кое-где от сплошной этой плавающей береговой полосы оторвало куски, и они, сев на мель, стали островками. На одном таком островке среди белёсоломкой прошлогодней куги что-то чернеет. Похоже на шапку-ушанку, но не брошенную абы как за ненадобностью, а аккуратно положенную на сухое. Когда до островка остаётся метров десять, шапка эта вдруг плюхается в воду и, колотя по воде чёрными ушами, исчезает в береговых зарослях. Лысуха! Надо же, нашла место, где спрятаться! И подпустила так близко. Может, больная?

Подплываю к островку и вижу: гнездо, из сухой осоки сложенное. А в нём кладка: десять яиц матовых, с редкими чёрными крапинками. Ну надо же! Вот тебе и базарная крикуха, птица-шалопута! И как не боится на открытом, считай, месте гнездиться? А может, островок этот оторвало от материка уже с гнездом? Да, скорее всего так оно и было. Но ведь лысуха-то гнездо не бросила...

Отплыл я поскорее от островка, чтобы кладку не застудить. Дальше плыву, не оборачиваюсь, будто ничего и не заметил. Далёконько уже отплыл, потом только обернулся: чёрная шапка-ушан-

ка уже на своём месте лежит. И подумалось: а ведь сколько можно, оказывается, нового увидеть в привычном уже, давно знакомом! Если взглядеться.

2008 год

ХЛОПОТЛИВЫЕ МОИ ДРУЗЬЯ

Начало сентября, но ещё не осень.

Днём пригревает так, что можно на прибрежном донском песочке в одних плавках валяться. Ночи прохладные, росные. А утрами, перед восходом солнца, так до дрожи пробирает в машине под тёплым одеялом. И туманы над водой непроглядно-сизые, тяжёлые, приминающие звуки долу, как оставленное без пригляда коровье стадо – росную пойменную траву.

Время лециного клёва, но вода ещё не остыла, и рыба, за исключением расплодившегося донского карася-«душмана», снастей-приманок сторонится. На донки, правда, поклёвывает на кузнечика чехонь, но вяло. Да и мелковата рыбка, редко когда возьмётся настоящая, мерная, чуть ли не полуметровая, сильная рыбина, похожая на тяжёлый серебряный палаш иных времён. Донки с колокольчиками. Я сижу на берегу под вербами на раскладном стульчике да по сторонам поглядываю. Вот почти рядом слышатся знакомый посвист, потом лёгкое «докторское» постукивание по сухой вербовой коре. Это прилетели поползни, мои старые друзья. Их двое – семейная парочка. Скачут по вербовым стволам вверх-вниз, посвистывают, постукивают, корм ищут. Эти серенькие юркие птички-невелички – настоящие трудяги, ни минутки не посидят. Нравятся они мне, люблю за ними наблюдать. Нынче они, наскоро «выслушав» старые прибрежные вербы, дружно переместились к моему становищу. Там, на пеньке, лежит не доеденный мной арбуз. Над ним вьются докучливые осенние осы. Занятная картина: одна птичка – дозорный – остаётся на стволе ближней вербы, а другая спархивает к пеньку, делает головкой два-три быстрых кивка и летит к старой дуплистой вербе, растущей метрах в двадцати. На несколько мгновений пропадает из виду (за ветвями не видно) и тут же возвращается. И снова всё повторяется, с той только разницей, что теперь уже дозорным становится только что прилетевший поползень. Долго я приглядывался, всё никак понять не мог, что же это мои друзья около пенька добывают. Любимых ими короедов там нет. Может, ос ловят? Не похоже. Да и не их это промысел, а золотистых щурок.

Тут некстати зазвонила донка. Я вскочил, испугав поползней, и они улетели. Проверил донку, вернулся, а поползней нет. Обиделись, видно, на меня, да и верно: разве воспитанные люди так себя ведут? Вскочил, побежал как буря. Жалко мне стало, что загадка, которую загадали мне поползни, останется неразгаданной. Но делать нечего, время моей донской побывки вышло. Собрался, загрузил пожитки в машину. Решил перед дорогой умыться. А полотенце всё ещё на леске колышется, сушится. Леска натянута между двумя вербовыми стволами в сто-

роне от машины, метрах в трёх от пенька с арбузом. Подошёл, сдёрнул полотенце, а из-за пенька – порх – поползень! И не улетел сразу, как обычно, зацепился острыми своими коготками за морщинистый ствол стоящей рядом вербы и смотрит на меня. А в клюве... Что бы вы думали? Арбузное семечко. Чёрное, блестящее. Корки-то я убрал, а семечки на земле возле пенька остались. Разгадка, как всегда, проста оказалась.

«Спасибо, дружок», – тихо говорю доброму поползню, а того уже и след простыл.

По дороге домой я всё вспоминал эту историю. И улыбался: не иначе, решили мои хлопотливые друзья на следующий год меня своими арбузами угостить. А что, вон сколько семечек насобирали!

2008 год

ЭТО МЫ, ЛЮБИМЫЕ...

В конце августа приехали гости.

С двоюродным братом Анатолием и его женой Людмилой не виделись мы уже лет десять: возраст, болезни, дела какие-то, объявляющие себя всякий раз неотложными.

Живут они в небольшом курортном городке в предгорьях Кавказа. Дорога неблизкая, не враз соберёшься. А тут зятья, Юра и Костя, решили сделать им подарок и подарили поездку в наши срединно-русские места. На машине, меняясь за рулём, быстро домчали.

Ну, как водится, за столом посидели, повспоминали, фотографии на компьютере полистали. А дальше что – не всё же чай из рюмок пить? Мужской компанией поехали на рыбалку. Повёз я гостей дорогих в дорогие для меня места: на Дон, под Белую Горку. Ехали неспешно левобережьем: в Дедовочке набрали воды из родника, потом, миновав Глубокое, на скошенном пойменном лугу с шутками-прибаутками ловили кузнечиков. К месту рыбалки – песчаной косе между двумя донскими пересыпками – добрались не рано, часам к десяти. Дорога вывела к самому берегу, и открывшееся взору спутников моих впечатлило: белый намывной песочек в двух шагах, спокойное, затаённо-сильное течение облитой горячим солнцем былинной реки, а дальше – резко вычерченные, подступившие к самой воде меловые кручи правобережья. Постояли на берегу, дивясь этому чудополотну нерукотворному, вечному...

Впрочем, вечному ли?

На меловом крутогорье, меж редкотравья и мхов, – бьющие по глазам «наскальные надписи». Тут тебе и сердце с какими-то витиеватыми буквами посредине, и имена, и знаки, видно, магические. Нет, что-то было там и прежде, умельцев такого рода, долгими часами выводящих метровыми буквами на кручах: «Киса и Ося были здесь», у нас хватает. Но этим летом просто какой-то пещерных времён Мамай тут прошёл. И так всё это резало глаз, в таком раздоре было с неброской, некрикливой красотой Божьего мира, что я отвернулся виновато и побрёл к машине.

А тут ещё Костя, разгружая снасти, в ивняке возле машины целый склад мусора обнаружил: и «культурного» – в мешках и пакетах, и «дикого» – насыпом. А потом неподалёку, в зарослях чистотела, целую свалку бутылок, консервных и пивных банок и прочего непотребства... И так мне стало обидно, неловко за одних людей перед другими людьми, хоть плачь. Представил, как те, первые (думаю, молодые, сильные) дурачились тут, купались, костёр жгли. Потом, отмахивая течение ухватистыми саженками, на тот берег плыли. Нет, саженками – это вряд ли про них; скорее всего, плыли на лодке надувной, ведь им ещё какой-никакой инструментишко с собой захватить надо было. Потом по-первобытному, на четвереньках карабкались на крутизну и часами вырезали-выдалбливали по-живому. А как же, надо же увековечить факт своего исторического пребывания в этих дивных местах! Отличиться. Смелость выказать. Девушке Юле (имя-то хорошее) понравиться. Что ж, своего добились – такую красоту испохабил. Ещё, небось, и сфотографировались «на фоне» в позах победителей: поглядите, дескать, это мы, любимые! И наверняка «горячо» отметили своё творение, поистине церетелевского размаха, перебивая друг друга, шумно делясь впечатлениями. А остатки пиршества – банки-склянки – с глаз долой, в прибрежные заросли. Эх, люди, люди, да неужто пусто у вас в груди, как в пустоглазых избах усыхающих, навсегда уходящих от нас донских сёл? Разве можно так жить – пришельцами, бессердечными чужаками на своей земле?..

Рыбалка наша не задалась. Чехонь на донки не брала, насбивали поплавочными удочками за пересыпкой мелочишки: подлещик, голавлик, несколько плотвичек и окуньков – так, на жидкую ущицу едва набралось. Но Костя и Юра, покорённые всё ещё не склонившейся перед человеческим варварством красотой этих мест, загадали и на следующий год сюда приехать, уже не на один день. Костя так и сказал: «Хорошо бы пожить тут подольше, ну хотя бы пару-тройку дней. Только сначала прибраться хорошенько...»

2011 год

ДОНСКИЕ САЗАНЫ

1

С чего начинается роман «Тихий Дон»?

Первую фразу: «Мелеховский двор на самом краю хутора» припомнят, думаю, многие. Скажут и о пленной турчанке, которую взял себе в жёны казак Мелехов Прокофий. То бишь вспомнят предысторию. А современность в эпохальном этом повествовании с чего начинается, с какого события?

И не всякий припомнит, что начинается она с рыбалки!

Да-да, именно с неё, а вовсе не с описания, скажем, сенокоса или жатвы, не с батальных сцен, не с любовных. Вспомните: «Редкие

в пепельном рассветном небе задыбились звёзды. Из-под туч тянул ветер. Над Доном на дыбах ходил туман и, пластаясь по откосу меловой горы, сползал в яры серой безголовой гадюкой».

Утерпишь тут разве, усидишь дома?

И вот уже я, читатель, там, возле той самой меловой горы. И так ясно вижу, как ранним утром, захватив приваду – распаренное пахучее жито, Пантелей Прокофьевич и Григорий правятся на баркасе к левому берегу Дона, к Чёрному яру. Причаливают возле затонувшего вяза, налаживают снасти. И вдруг: «Возле баркаса, хлопнув, схлынула вода, и двухаршинный, словно слитый из красной меди, сазан со стоном прыгнул вверх, сдвоив по воде изогнутым лопушистым хвостом. Зернистые брызги засеяли баркас...»

Первая поклёвка, обручем согнувшая тугое красноталовое удилище, неудачная, с обрывом леси...

И удача рыбацкая такая зрима: «Большой изжелта-красный сазан поднялся на поверхность, вспенил воду и, угнув тупую лобастую голову, опять шархнулся вглубь».

Давно уже закончена та рыбалка, баркас причалил к пристани, и рыболовов самих не разглядеть, а мне всё видится-слышится давешнее, сладким холодком задевшее душу: «Около затонувшего вяза, в рукастых оголённых ветвях, одновременно выпрыгнули два сазана; третий, поменьше, ввинчиваясь в воздух, настойчиво раз за разом бился у яра».

2

Жизненная стёжка, которая вела меня к ним, была длинной и извилистой.

Родился я в междуречье Дона и Хопра, но что в один, что в другой конец до текучей воды добрая сотня километров. Село степное, на сухопутье стоит: ни речки, ни озера, ни даже пруда завалиющего.

Однако в половодье с низов из речки Толучеевки, а то и из самого Дона в русло давным-давно пересохшей речушки Криуши заходила рыба: шла «на воду» ополоумевшая нерестовая щука, а вслед за нею и множество всякой мелочи: плотва, краснопёрка, окуньки, вьюны. После спада воды немало мелкой рыбёшки оставалось в ямках и вымоинах. А небольшой, ещё не съеденный огородами участок русла ниже глинистого уступа Бурчака превращался в озерко, в котором вода всегда держалась едва ли не до середины июня.

Мы, местные ребята, не могли дожидаться, пока озерко это обмелеет и начнётся «рыбалка». В кавычки это слово беру потому, что занятие это никаких рыболовных снастей не требовало: во взбаламученной десятком пар ног воде рыбёшка поднималась к поверхности, и мы ловили её руками или небольшими «подхватками» из марли.

Правда, однажды, ещё дошколёнком, я смастерил бредень из старой гардины, которую мама хранила в сарае для каких-то хозяйственных нужд. Конечно, вечером за самоуправство пришлось держать ответ, но и сейчас памятно, сколько счастья подарил мне и моим приятелям тот тёплый солнечный день, та необычайно удачливая рыбалка...

Когда чуток подрос, рыболовная страсть не сошла на нет, как и у многих моих сверстников, а стала ещё сильнее. Хотелось рыбачить по-настоящему, да только как это сделать, если ближайший пруд в двенадцати километрах, в соседней области? Даже если отпустят, как туда добираться? Был у нас велосипед старый, весь обшарпанный, ещё, наверное, довоенных времён. Обычным способом, «на раму», я на нём ехать не мог – мал ещё был, ноги до педалей не доставали. Стал учиться ездить «под раму». Шишек набил без счёта, но научился.

И вот уже, отпущенный на волю, качу на велике по пыльному просёлку. Дорога неблизкая, да ещё Холодная гора впереди, а это километра полтора пешего хода. То еду, то веду своего коня, но на сердце всё одно погоже так, радостно.

Добрался. Но в конце нелёгкого пути ждало меня разочарование, да какое! Оказалось, что с моими снастями – парой «типовых» магазинных удочек с самодельными лозовыми удищами – делать на пруду нечего, разве что коту мелочовку с мизинец ловить. А настоящая рыба, как сказал мне местный мужик, помятый и небритый, с блёстками половы в редющей уже шевелюре, ловится только «на китая»...

– На китая? А где их берут, китаёв?

Местный засмеялся:

– В Китае, где ж ещё! Это страна такая. Сначала через центральную усадьбу, потом степью, напрямки. Может, стоняешь по холодку?

Как ни мал был, а всё-таки сообразил, что смеётся надо мной мужик, потешается. Обиделся. Отошёл в сторону, сел на береговой приступок и сижу, по сторонам и не смотрю вовсе. Однако ж замечаю кое-что.

У мужика того по всему берегу закидушки расставлены, с десяток, не меньше. Снасть вроде простая: дощечка-мотовильце, кленовый гибкий прутик в берег воткнут, в вершинке расщеп – он леску держит. Леска тянется в воду, а что там, в воде, не видно.

Время идёт, солнышко уже припекать начинает, сосед мой, уткнувшись лицом в фуфайку, похрапывает. Вдруг на ближней донке леска натянулась, прутик приклонила к воде, дёрнула раз, другой. Забыл я, что на соседа в обиде.

– Эй, – кричу, – дёргается!

Вскочил он, не поймёт ничего, озирается. А я уже возле закидушки той:

– Да вот она, вот!

Ухватился засоня этот за леску, выбирает её, выбирает, а она не очень-то поддаётся. Но всё же идёт потиху, выписывая полукруг, к берегу. Показался плавник, вода взбурлила, и вот уже на берегу бьётся-выгибается большая рыбина. Сазан!

– Понял?! – торжествующе улыбается мужик.

Понял я не всё, но пока он рыбу с крючка снимал, углядел: на конце закидушки кусок макухи размером со спичечный коробок и четыре крупных крючка на толстых нитяных поводках.

Когда повеселевший рыболов, отправив рыбу в садок, начал по новой снаряжать снасть, доглядел я и остальное. Оказывается, крючки нужно просто вдавить в макуху с четырёх сторон да зашвырнуть снасть подальше от берега – что, разве я так не сумею? Сумею, ещё как! Надо только лески крепкой добыть, да крючков больших, да макухи...

Искусство прудовой ловли сазана и карпа жмыховой донкой освоил я довольно быстро. Уловы случались порой и завидные, но на рыбалке скука одолевала: закинешь снасти и подолгу, бывает, часами ждёшь поклёвки.

Ляжешь навзничь на простеленную у воды телогрейку, глаза закроешь, и в полудрёме станет перед тобой, как наяву, запечатлённое на века волшебным словом любимого твоего писателя и давно уже твоё, заветное: раннее утро, донской крутояр, ветви полузатопленного вяза и меж них тяжёлые, рвущие загустевшую туманно-сизую воду на тысячи крылатых брызг тяжкие всплески.

Донские сазаны...

Увидеть бы наяву хоть одним глазком...

3

Попав после окончания университета по распределению в донские места, в Петропавловку, попытался я ловить сазанов на Дону, как прежде на пруду рыбачил, «на китая» не получилось.

Сильное течение сносило донку почти к самому берегу, быстро размывало жмых, поклёвки случались редко, да и цеплялась в основном мелочь – голавлики, подлещики.

Донская ловля была другой, и осваивал я её не один год.

Научился ловить на обычные речные донки леща, густеру. Успешно ловил на хлебную корку, «вглухую», без поплавок резвых забияк-голавлей. Окуней крупных ловил по осени в отвес на мормышку с мальком, ловил щук, судаков, а вот сазаны снасти мои обходили. Наверное, терпение моё испытывали.

И вот однажды...

Место это зовётся у нас Суходонецкой переправой – по названию села Сухой Донец, что виднеется вдалеке, за луговиной на правобережье. Прежде тут паром ходил, но я тех времён не захватил.

А место приметное: широкий донской изгиб, по нашему левому берегу – большая зелёная заводь с островками да протоками, ниже – глинистое крутобережье, зимовальная яма, глубокие омуты-водокруты один за другим легли. У нижнего края ямы той с подмытого берега клонятся к воде вязы-берестки; дубы какие-то, ухватившись за берег узловатыми корнями, уже в реке лежат, редкими ветвями, что над водой остались, течение метят, на полосы пластают.

А по правому берегу – песчаное мелководье, краснотал, полоска вётел, от разноцветных палаток и машин в глазах рябит пляж, бойкое место. По вечерам костры, музыка за полночь, брызги-взвизги, песни да разговоры. Но рыба к шумному людскому соседству, похоже, привыкла: тут и там морщат воду стайки мелочи, время от вре-

мени на мелком, чуть ли не под ногами купающихся ребяташек, лупит по воде хвостом жерех.

Конечно, соседство с пляжниками рыболовам не нравится. Только что ж поделаешь? Другого такого места вёрст на двадцать что вверх, что вниз по течению не сыщешь. Ведь рыбе тут, как говорится, «и стол, и дом».

В тот раз мы с приятелем ранним летним утром начали со «стола», то бишь с заводи. Там, в зарослях куги, оситняка и прочего речного травостоя вольно бродили ватаги душманов – так у нас кличут крупного речного белого карася.

Ловля простая: пробираешься с резиновой лодки в траве пару-тройку «окошек», бросаешь прикормку, становишься в сторонке и, когда всё успокоится, начинаешь эти «окошки» облавливать поплавочной удочкой.

Поклёвки душманов в тот день случались редко, всё больше мелкая краснопёрка поплавку дремать не давала. Поймав несколько карасей, я выплыл к краю травы, забросил наживлённую кучкой червей спиннинговую донку на чистое, поближе к кувшинкам, и решил перекусить. Пока мыл руки, кончик удилица легонько подрагивал – так обычно оббивает червей мелочь. Да и на что рассчитывать, когда время к обеду?

А кончик удилица всё подрагивает, не даёт трапезничать спокойно. Ну, я и поддёргнул удильник легонько...

Было это давно, почти двадцать лет назад, но некоторые впечатления время не стёрло.

Сначала несколько мгновений оторопь: после подсечки спиннинговое удилице рванулось на волю с такой страстью, что едва не вырвалось из рук. Катушка была застопорена, ставить её на трещотку я не стал, поскольку в такое время в мелководной заводи на поклёвку приличной рыбы просто нельзя было рассчитывать!

Удильце согнуло, могучая, толчками уходящая в сторону от лодки сила пошла косить леской кувшинки. Значит, я (когда же? – не помню!) уже успел снять стопор...

Удильце в правой руке, она затекла, очужела; левой же пытаюсь смирить рвущуюся, жгущую пальцы катушку, но она всё разматывается, разматывается...

Когда мне удалось – с третьего, с пятого, с десятого захода? – подвести своего визави поближе к лодке и он наконец «показал личико», холодок, стоявший у меня в груди и теснивший дыхание, распозлся по всему животу: «Сазан!» «Личико» это было настолько впечатляющим, что приятель, с интересом наблюдавший со стороны за трагикомическим действием в моём исполнении, резюмировал: «Дядька!» Такого не возьмёшь! Брось, не мучься, всё равно снасть порвёт».

Я же с окаменевшим лицом продолжал шаманские манипуляции: разворачивая «дядьку», поднимал удилице, сматывал несколько метров лески, потом снова отпускал леску с катушки, уступая яростному напору. Пакет с едой, который я успел достать из сумки, валял-

ся под ногами, из него выкатились два пупырчато-зелёных, с белыми метками-пролежнями на боках огурца...

Дважды я подводил «дядьку» к лодке, но «захомутать» не мог: много лет верой и правдой служивший мне подсачек тут оказался и узок, и мелковат. Когда с третьего раза я всё же поддел рыбину и попытался её приподнять, чтобы перевалить в лодку, обломившийся с одной стороны проволочный обруч подсачека обмяк. Я заорал что-то нечленораздельное, дуром рванул подсачек на себя и, стоя на коленях, успел подхватить сетку рукой и перевалить промедлившую сделать последний рывок рыбину в лодку...

На траве сазан, казавшийся в воде просто монстром, стал задрёмывать и как-то сжался, усох. Беспристрастный безмен, не желая тешить самолюбие победителя, показал «восемь с копейками». С точки зрения трофейных величин, наверное, не бог весть что. Но это вы сами скажете потом, когда такого же вытащите. И когда ваш разом севший голос перестанет предательски дрожать...

4

Донские сазаны...

Теперь эти слова уже не были для меня отвлечённым понятием. К тому же я полюбил зорями, а порой и ночами ловить леща с лодки, с кормушкой: короткий удильник с большим пружинным сторожком на конце, деликатная оснастка, тонкий полуметровый поводок, маленькая светящаяся мормышка, кажущаяся игрушечной. Удильник держишь в руке, и хорошую поклёвку не проворонишь, даже когда совсем стемнеет: характерная лещиная потяжка, согнув сторожок, тут же отдаётся в руку. Тут уж не зевай...

Сазаны, будто признав за своего, стали постоянно меня проводить. Случалось это обычно под вечер, когда солнце уже начинало приминать траву в дальней лесополосе, готовя себе ночлег. И повторялось всё как в кошмарном сне: засечка–рывок–обрыв. Если обрыва не случалось, начинался цирк на воде: чтобы погасить рывки сазана, удильник приходилось всё время держать на весу, пред собой, выписывая им замысловатые фигуры. Наверное, со стороны, с берега, на это было занятно смотреть, и без зрителей (и, понятное дело, комментаторов) сие действо не обходилось.

Представление длилось обычно минут тридцать-сорок, руки неме-ли, плечи начинало ломить, но разве можно, ввязавшись в драку, сдаваться после первого же синяка?

Иногда удавалось вконец умаявшегося «дядьку» поднять на поверхность, подвести к лодке, но тем всё и кончалось: слишком тонок был лещиный поводок, слишком слаба мормышка. За несколько лет таких «тёплых» встреч, ставших уже чем-то вроде священного рыбацкого ритуала, гостем моего садка стал всего-то один сазанчик, на три с половиной килограмма. Но я продолжал упорствовать: менял леску, подбирал мормышки, расписывал заранее стратегию и тактику сражения. И ждал, ждал своего часа...

5

Сазаны, донские сазаны...

Держатся они в самых неподходящих для ловли местах: в омутах с твёрдым, уступами, дном, в крепях-коряжниках – поди их оттуда вымани! Ниже устья одного из левобережных донских ериков (течёт он из старицы только по весне) места именно такие.

И вот летом минувшего года вдоль коряжника, на границе сильного стрежневого течения я пытаюсь ловить густеру, которая тут берётся такая, что, показывая размеры, до локтевого сгиба синяков на руке набьёшь. Но сегодня густера молчит. В садке пара скромных подлещиков, на часах – конец рыбалки.

Последняя попытка у нижнего края коряжника. Поклёвка–подсечка. Рывок – снасть уверенно и неуклонно движется к берегу, к ветвистому полузатопленному дубу. Давит так, что обжигает пальцы, удерживающие катушку. Наконец удаётся развернуть рыбину, по дуге она уходит вниз по течению, в глубину. Мелькает предательская мыслишка: «Опять нанайская борьба с хорошо известным финалом...»

Поднявшись наверх метрах в двадцати от лодки, сазан – ох, большой! – снова уходит в глубину, правит к берегу. Но вскоре движение замедляется, как будто там, у самого дна, кто-то схватил рыбину за хвост и держит – ни туда, ни сюда. Значит, завёл всё-таки то ли за ветку, то ли за перемёт. Всё, финита...

Пора домой. Но зачем-то достаю из сумки пакет с принадлежностями, подрагивающими пальцами вяжу новый поводок.

Меняю место. Забрасываю снасть. Поклёвка уверенная, один в один как та, недавняя, следует почти сразу. Вот везуха-то! Представление начинается, на арене снова я, рыжий клоун. Или белый?

На том берегу довольно молодая амазонка в штормовке, из местных, она приехала на велосипеде, рыбачит на фидер с берега. Встала, смотрит на меня во все глаза: дескать, чего это он там выделывает? Что ж, будем считать, что дорог не результат – дорого внимание...

Минут через сорок сазан впервые показывает спину метрах в десяти ниже лодки. Рук своих я уже не чую. На сколько ещё хватит терпения? Нет, только не спешить, не стремиться побыстрее подвести к лодке. Не давая воли, не отпуская далеко, водить и водить, как бодливого бычка, умять. Поводок-то такой без очков и не разглядишь: двадцать два миллиметра...

И вот он уже совсем близко – жёлтый, вызолоченный вечерним августовским солнцем, кольчужистый сазаний бок. Подсачек теперь у меня надёжный, с таким широким ртом, что и легковушка типа «Оки» проскочит без заминки. Он уже в воде. Нужно только развернуть этого умянного сражением подводного рыцаря, да так, чтобы он не сразу увидел подведённую к самому его забралу сетку-подхватку; после того, как он её увидит, до бешеного рывка у меня будет всего одно мгновение...

Когда плыл вдоль берега к своей стоянке, держак подсачека высовывался из лодки далеко вперёд, как готовое к бою носовое орудие. Вытаскивать сазана из сетки в лодке я не рискнул: очухавшись, он

стал вести себя буйно, всё норовил привстать и схватиться со мной врукопашную. Так я и вынес потом его, пыхтя, по крутым ступенькам на высокий береговой обрыв. Прикинул: чуток поменьше того, первого, с Суходонецкой переправы, но всё равно хорош!

Как ни устал, а всё-таки не удержался: отступив маленько от края обрыва, поднял живое золото удачи перед собой, показывая Реке: «Смотри, я сумел!»

Рыбачка с того берега молча помахала мне рукой...

2012 год

СТЕРЛЯЖИЙ МЫС

1

Стерляжий мыс, Стерляжье – так место это донское называется. Название говорящее.

Прежде этот левобережный донской выступ, уходящий вниз по течению длинным, поросшим дубняком обрывом, многим рыболовам снился, не только местным. И немудрено: место рыбное, дальнее, глухое. Станешь добираться не один, не два километра, придётся сначала поймой, а потом и береговым теснолесьем попетлять. А пойма после разлива, как обронённая в лужу варёжка, долго просыхает. Куда ни глянь с края соснового припойменного песчаногорья, всюду что-то блестит: озёра, озерца, налитые всклень прогретой уже водой луговые низины-саги, спешащие к Дону от озёр с мелеющими весенними новостями связные-ерики.

Только к середине июня, да и то не всякий год, начинала угадываться дорога – колеистая, юзящая, то и дело ныряющая в обмелевшие травянистые саги, будто перепрыгивающая с бугорка на бугорок. Транспорта тогда подходящего, «напроломного» мало было, пробивались к Дону первыми редкие счастливицы.

Впрочем, некоторые из местных рыболовов знали к Дону дорогу напрямки: тайными лесными тропами. Годилась там только лёгкая кавалерия: всякого рода мопеды-«дырчики», велосипеды, а то и просто резиновые сапоги-сороходы. Я, будучи «из пришлых», троп этих тайных не знал, да и вообще, тогда, в конце семидесятых годов прошлого века, донскую рыбалку только-только начинал осваивать. Об уловистых донских местах, в том числе о Стерляжьем, слышал не раз, тянуло туда, да всё дорога не выпадала.

И вот однажды (в июне это было) ранним утром приехал я на одно из пойменных озёр, хотел половить подлещика поплавочной удочкой. Озеро вровень с берегами, ближнее займище поднялось взрослому по грудь высокой луговой травой, тальники захлестнуло. Туман хоть кусками режь да на хлеб намазывай. Солнце сквозь него, как последняя мочёная антоновка в загустевшем кадушечном сусле, жёлтым боком едва проглядывает.

Тихо. А комарьё не вьётся, нет – комом падает, плющит тебя, долу гнёт, и вонючая мазилка не больно его пугает.

Наплевав на строгую рыбацкую заповедь, кладу удилище прямо на воду, выбредаю через береговой тальник на чистое, на ветерок подышать вольно хоть минутку-другую. И вижу: невдалеке мелькает в молоке низкого тумана, ныряя-выныривая, как проснувшийся куговый поплавок, чья-то чёрная кепка. Поплавок-кепку уводит сила неведомая через займище к лесу, который едва проступает, угадываясь вдалеке округлыми овершьями дубовых крон.

Это сюрреалистическое действие настолько захватывает моё воображение, что я не сразу догадываюсь включить голову: поплавок тот уводит в сторону Стерляжьего!

А в тяжёлой росной траве наверняка ясный след остался..

А туман уже редеет..

А раз так, чего думать-то?

Через пять минут немудрящие снасти мои были уже смотаны-увязаны, застоявшийся красный мой кузнечик – верный мотоцикл «Минск», радостно выдохнув сизое облачко, рванул в погоню.

Да не тут-то было!..

Нет, сначала всё шло замечательно: след, вернее, даже некое подобие узенькой стёжки, я нашёл скоро. Но стёжка та водила допрежь только велосипеда! Завела она меня, петляя между сагами, в лесную комариную звень да и юркнула меж двух почти сошедшихся безымянных озёр. Вот она, примятая осока, да только стоит она в воде по горлышко глубоко – с мотоциклом не сунешься.

Эх! Нужно возвращаться несолоно хлебавши? Столько было думок, и вот... Но сердце молодое своё стучит: не отступай!

Эх, молодость! Что за сила в тебе, что за крепость несокрушимая в помыслах! Что за вера в дальнее, светлое, вечное?!

Коротко помедлив, рванул я в объезд-обход вправо, краем воды, не то что по неезженому – по нехоженому. Ехал мало, всё больше вёл заляпанного грязью железного друга своего, перебрывая через хлюпающие под ногой, заросшие болотной дурниной усынки, сквозь гущину тальников да черноклёна продираясь. А черноклён как раз цветение празднует, весь в алых воскрылях, в пчелином гуде, нездешний весь, парящий в зелёных облаках листвы..

О времени я забыл, брёл, толкал, тащил, продирался. И когда заступил вдруг мне дорогу, широко сквозя солнечно-ландышевыми полянами, высокий, на сухом стоящий дубняк, чуть не расплакался. Тут-то и выяснилось, что силы мои кончились давно, остаток пути шёл на одном упрямстве. После, спустя годы, я прикинул по карте то памятное своё кочевье и попытался его повторить не в послеразливную пору, а уже посуху, в июле. Вернулся скоро, и трети дороги не одолел: бурелом, болотина, гущина непролазная..

Эх, молодость, молодость, где ты, кого ведёшь нынче дорогой нехоженой?

В дубовом редколесье сыскалась вскоре дорога-просека, подхватила легко моего железного кузнечика, повлекла, к высокому небу вынесла. Встал перед глазами, тесня дыхание, высокий берег, густо

заросший по краю не знающим косы пыреем. Из того вольного, росными волнами травостоя чуть не шагнул я прямо в солнечно-звонкий простор, в небо-русло, у самого края остановился.

Увидел широкую, ясную воду, всю искрящуюся под солнцем, всю льющуюся, спокойно-стремительную. А под обрывом, сразу за глинистым мысом-выступом, вода уже другая – полусонная, просвеченная поднявшимся солнцем глубоко-глубоко. И почти у поверхности стая-толчея неведомых мне рыб, серебристых, похожих на себешек-верховок, но таких крупных!

И куда всё недавнее делось: исцарапанные руки, пудовой тяжести пропотевшая штормовка-брезентуха, горящие от комариных укусов щёки? И снова я молодой, упруго-жильный, похожий на виснущую над самым обрывом ветку ближнего вяза. Бамбуковая удочка уже настроена, наживлена шустрым донским кузнечиком, и я тихо-тихо, боясь глубоко дышать, опускаю снасть с пятиметровой обрывной верхотуры на воду, стараясь положить наживку поближе к медленно текущей вдоль берега рыбьей стае.

Перьевой поплавок с красным кончиком я снял: при такой ловле он будет только мешать. А так не удержавшийся на краю обрыва кузнечик пытается оттолкнуться от воды, подпрыгивает раз-другой...

Удар серебряной молнии был таким резким, что поклёвки я не увидел, ощутил только, как дёрнулось в руке удище. Крутнувшись на месте, расступилась сонная вода, что-то узкое взметнулось над ней, осыпанное белыми брызгами.

Неужели удача?

Однако удача моя, прежде чем улыбнуться, радостно меня помучила: берег высокий, крутой, к воде не спуститься, а удочка без катушки, без колец. Вдобавок вяз виснет над самой головой – не развернуться. Поводил я добычу свою, умаял. Подвёл к почти отвесному берегу и, взявши в руки леску, потянул на себя потиху. Рыбина, оторвавшись от воды, изогнулась, забилась, роняя сухую глину, но я всё тянул-подтягивал тонкую жилку...

Наверное, попытайся я ещё девяносто девять раз повторить тот фокус, результат был бы иным.

Но тогда...

И вот она бьётся – теперь уже точно моя удача – в высокой траве, молотит хвостом по сапогу. Длинная, гибкая, пружинистая, она кажется мне большущей, просто огромной. Прежде мне таких рыб воочию видеть не доводилось, но книжные подсказки, крепко засевшие в голове, усомниться не позволяют...

Так вот ты какая, рыба-сабля – донская чехонь!

Так вот ты какой, мыс Стерляжий!

2

С местом этим многое у меня связано...

Иной раз закроешь глаза, ещё и подумать ничего не успеешь – а уж вот они, заветные те картинки, перед глазами стоят.

Утро июльское раннее, серое, туманом волглым плотно выстеленное. Я под кручей, ниже мыса, на донки рыбачу. Приехал вчера позд-

но, уже по темноте (вырвался!). Думал, донки закину, а там и костерок излажу, поговорю неторопко с огнём да ночной водой, смуту душевную утишу. Да только реке задумка моя, видно, не по нраву пришлась, и она мне это сразу дала понять: не успел я крайнюю снасть закинуть, как на первой колокольчик дёрнулся-захлебнулся. Пока снимал глубоко заглотившего крючок большого колючего носаря, соседний колокольчик, коротко звякнув, в воду улетел. Я заспешил, зажатый в руке носарь дёрнулся, и острые колючки растопыренного верхнего плавника прокололи, казалось, ладонь мою насквозь...

Так бывает: кажется, вот она, удача. Глаза горят, сердце бухает: «щас, щас!» – да не тут-то было! Кто-то неведомый, греховный порыв твой смиряя, тюкнет легонько тебя дубиной по темечку – и перед глазами радужные разводья...

Колючки у носаря мало того что острые, они ещё, говорят, и ядовитые малость. Насчёт последнего сомнения могут возникнуть, но лишь до того момента, пока сам не наколешься, не заорёшь дурным голосом на всю ночную реку: «О-о-о-о!..» Ну, и междометия ещё какие-то...

Левая ладонь, горевшая огнём, вдобавок ко всему вспухла, пальцы леску не держат, а одной рукой скоро ли тридцатиметровую жилку вымотаешь?

Так и промучился почти всю ночь, а улов так себе: с десятков густерок да белоглазок. Носарей (а они в ту ночь почему-то шли густо) я принципиально не брал. Обиделся.

Под утро, потеряв почти все крючки на жёстких, «кучерявистых» уступах дна, я успокоился. И боль в наколотой ладони попритихла. Свернулся я калачиком на сложенном вдвое армейском плаще, телогрейкой прикрылся и полетел. Сквозь сон расслышал звук мотора пробирающегося лесными просеками мотоцикла, но он, глухой и дальний, сознания не задел.

Из сна вынырнул неожиданно: той стороной, правобережьем, шла вверх по течению не видимая в тумане лодка с мотором, местные рыбаки, воровски ходившие вниз с сетями плавом, спешили вернуться до ясного дня.

Поднялся, потянулся. Плеснул в лицо донской водицей, рукавом утёрся. И чувствую, что губы сами собой в улыбку растягиваются. С чего бы?

По крутым ступенькам поднялся на кручу и вижу: выше по течению, метрах в ста, на самом мысу, знакомый мотоцикл стоит – старенький «ИЖ» с коляской.

Ну, ясно. Добрёл я по росной стёжке до мотоцикла и вижу под кручей привычное: за мысом в заводи сидит у самой воды сухощавый старик в выгоревшем добела плаще и сдвинутой на затылок кепке. Перед ним два длинных бамбуковых удилица с тонкими кончиками. «Вглухую» ловит, без поплавка.

Окликаю негромко: «Иван Александрович?» Поворачивается неторопко. Недовольно глядывается. Угадав, откликается тепло:

«А, Саша... Привет!» Больше мы не говорим, нельзя: человек делом занят! Собственно, о чём говорить? Всё уже давно сказано.

Река.
Утро.
Жизнь.

3

И другое вспоминается...

Речная жизнь уже к осени клонилась, но сдаваться никак не хотела: ночные заходи с выбеленными инеем берегами сменялись тихими солнечными днями с паутинным лётom, на ямах разбрызгивал серебро селявы жирующий судак, а ночами в каменистых донных крепях омутов, что ниже мыса легли, попадалась и та приманчивая рыбка, что название мысу дала. Стоит ли говорить, как сжималось-подрагивало сердечко в ожидании пятницы?

А в пятницу с утра небо стало супиться. Ветерок свежий дохнул, уже не летний. На работе неувязки чередой пошли, спутались, как борода из лески после неудачного заброса. Всё очень ясно показывало, только что не шептало: «Сиди, парень, дома, не дёргайся, не твой нынче день!» Пришёл домой, а там жена с укором, сначала отчуждённо-молчаливым, а потом и вполне разговорчивым...

Нужно ли объяснять, что через полчаса я уже студил лицо летящим навстречу степным простором? Средство передвижения всё тот же «Минскар» – маленький, но надёжный и шустрый. Всё своё с собой: рюкзак, снасти, телогрейка, плащ. Много не наберёшь, да и надо ли? Не такие ещё лета, чтобы домашний комфорт на волю за собой тащить.

Дорога сухая, доехал быстро. Остановился на самом мысу, у обрыва – ветер там не доставал: заслоняли росшие в ложбинке-ерике старые вербы, большущие, ширококрылые. Первым делом поставил палатку – самодельный, склеенный из толстой полиэтиленовой плёнки шалашик. Палатка на одного, низкая, только для «лёжки». Зато в любой дождь не промокает.

Сложил в палатку пожитки свои нехитрые, огляделся. Ветер крепчает, высокая верховая волна по Дону вразвалку вольно ходит, на том берегу лозу по грудь захлестывает. Тучи на верхушках верб зависли, убывающий вечерний свет чуть ли не в землю вдавили. У края мыса волна крутая бьётся-пенится, будто падучая у неё случилась. И никого вокруг, ни голоса, ни огонька... Одиночество на реке меня никогда не тяготило, а тут тревожно как-то стало. Будто не из-под одежки, а из груди тепло выдуло. Поёжился, зябко плечами передёрнул и юркнул под обрыв, к воде, будто она, пенисто-серая, ненастная, согреть могла.

Не согрела. А тут ещё моросить стало. Мелкий такой дождичек, въедливый, противный. Пару донок успел размотать – задождило по-настоящему. Держась за свисающие с берегового обрыва ветки и корни, дождь спешил спуститься к текучей воде, хмурые речные волны обнимал-выцеловывал.

Волнам такие вольности, может, и нравились, а вот мне не очень. Узкий береговой приступок заблестел намокшей глиной, заскользил под ногами – того и гляди в воду мелькнёшь. Пора наверх, в палатку...

Как это здорово: сжавшись в комок, подтянув колени к подбородку, смотреть невидящими глазами в колышущийся дождевой мир, сливаться с ним, растворяться в нём..

Дождь размашисто клюёт прозрачную скорлупку палатки, хочет, видно, забраться внутрь – вот глупый! Всех богатств у меня – свитер да телогрейка. И припасы самые скромные: хлеб, сало да луковица, прихваченная на ходу прямо с грядки. Насмотревшись на дождь, на ощупь (уже смерклось) режу сало, чищу лук, сглатывая слюнки. Как вкусна она, простая эта еда! Долька лука хрустит на зубах, горьковатый сок обжигает нёбо, но уже спешит на помощь сало домашнее, упругисто-крепкое, с прослойкой, пахнущее соломенным дымком. А к салу тому уже летит на крыльях наскоро отломленная вслепую хлебная корка прижаристая, с духовитой, когда разжуёшь, пшеничной сладящей мякотью...

Быстро стемнело. Заморив червячка, я повернулся на бок, закрыл глаза, да что толку? Сна и близко не было. Дождь налетал порывами, крепко схватившись за гриву дикого ветра. В отдалении глухо шумел дубняк, а вербы, к которым жалась моя палатка, гудели и клонились. Выше по течению, у полуострова, слепо вскидывались над тьмой рыбы-молнии, запоздалыми гулками всплесками гуляли раскаты грома. Всплески эти ложились всё ближе, будто стаю разгулявшихся диковинных рыб сносило течением. Ветер, всё крепчая, зло рвал закрывавший вход в палатку коротковатый полог, грозя потопом. Было не до сна. Одной рукой я держал вырывающийся край скользкого полога, другой придавливал днище к земле: казалось, что крепящие его лёгкие колышки вот-вот сорвёт и крохотный слюдяной кокон, подхваченный порывом стихии, оторвётся от береговой тверди, покатится вниз, к воде. Страха не было (со мною ничего не может случиться!), лишь мурашки от неловко подвёрнутой левой ноги стекали почему-то не вниз, а вверх, к сердцу.

И тут полыхнуло, ослепив и выбив опору; часть тьмы, подкошенная белым полымем, покачнулась и со страшным криком рухнула на меня...

Очнулся через мгновение. Свитер только вдохнул в себя густую дождевую сырость, но до конца не успел промокнуть. Ощутил себя лежащим ничком, по грудь «на улице», левая рука всё ещё крепко сжимала палаточный полог. Приподнялся, развернулся, на четвереньках вполз в палатку. Слух, почти потерявшийся, забитый, как ватой, нездешними шумами-шелестами, пытался вернуть себе реальность и страшился её: тьма гремела, гудела, с треском ломала и швыряла на землю тяжёлые мокрые ветки. Ветер дёргал палаточный полог, брызги летели в лицо, студили руки. Смирять вырвавшийся из повиновения полог, удерживать его не было сил. Отвернувшись от брызг, я натянул на голову плащ, закрыл глаза, сжался, исчез.

Когда очнулся, было всё так же темно, шумел дождь, но шум его изменился: он уже не грозил, а скорее предостерегал, томил. Было

одинок, зябко, жутковато, хотелось вырваться из сырой палаточной скорлупы, но куда, как пойдёшь в ливень, в темень, без огня? Тут и вспомнилось об «НЗ», что в кармашке рюкзака всегда со мной на рыбалке: огарок свечи да коробок спичек, в полиэтилен плотно завернутые. Достал, развернул, чиркнул спичкой...

Огонёк! И запах... такой не магазинно-отчуждённый, парафиновый, а свой, близкий, домашний. Отец всегда держал пчёл (для себя – три-четыре улья), и я с юношеских лет свечи делал сам, из воска. Горят они не бог весть как, зато запах, запах...

И встало рядом, перехватывая дыхание, давнее: отчий двор, сад, собственноручно сделанный брезентовый вигвам-шалаш, июльская ночь на излёте. Я только что вернулся не со свиданья – с «улицы» (так у нас говорят). Да только какая разница, как это назвать: кажется, что они всё ещё рядом, близко-близко – распахнуто-счастливые девчоночьи глаза, и потому пальцы, сжимающие спичку, подрагивают. Восковой «самокат», что стоит у изголовья в стеклянной поллитровой банке, разгорается неохотно, коптит, вздрагивает, пугается дыхания. Я откидываюсь на старую раскладушку, руки за голову, глаза закрыты – но до сна ли мне, глупому? Ухватившись за нитку-фитилёк, огонь медленно всасывает воск, и сладковатый запах, тревожный, влекущий, дурманящий, густеет, спекается в груди. Запах юности, запах надежды, запах скорого и неотменимого счастья...

Не знаю, сколько я просидел так, по-восточному скрестив ноги, закрывая, оберегая от ветра вздрагивающий, клонящийся язычок малого пламени. Щёки мои были мокры, но я не плакал – это искала путь на волю запутавшаяся в волосах дождевая влага. Почти не слыша себя, я что-то шептал: укоры ли неведомому обидчику, стихи ли чьё-то, молитвы... Оплывший, скукожившийся огарок стал потрескивать и брызгать воском, пришлось его задуть. И только тогда увиделось: там, за прозрачными крыльями палатки, спешит мне на помощь речной рассвет, ещё робкий, слабый, но неотменимо-верный, никогда не бросающий своих.

«Господи, неужели всё кончилось?» – прошелестел кому-то мой голос. Знаю, что говорил это не я: по-детски уткнувшись лицом в рукав телогрейки, я вдохнул впитанный сырой ватой запах неостывшего воска и в ту же секунду уснул.

Проснулся оттого, что щёку мою трогало своей тёплой рукой солнце. Выползти из палатки сразу не получилось – мешала невесть откуда взявшаяся вербная ветка. Отогнул её, вылез и замер: подломленная молнией громадная, с раздвоенной вершиной верба упала прямо на палатку и при этом даже веточкой её не задела. Спасла развилка: палатка вписалась в неё с точностью до двух-трёх десятков сантиметров. Будто кто-то, не страшась бушующей, обезумевшей тьмы, с линейкой и циркулем всё вымерял-вычертил.

А может, просто держал надо мной руку...

РИСУНОК В БЛОКНОТЕ

Как ни крути, а почти всё памятное связано у меня с Доном...

Василий Михайлович Песков не раз гостил в Петропавловке у моего товарища, натуралиста и фотохудожника Александра Фёдоровича Бровашова. Но «гощение» это было, как правило, рабочим: то фотографирует Василий Михайлович найденное Бровашовым на меловой круче гнездо филина, то очерк о зыбучих наших песках, «Донской Сахаре», пишет.

Но, видно, запали наши места ему в душу. И вот летом 2002 года решил Василий Михайлович вместе со своими друзьями – журналистом, издателем, государственным деятелем советских лет Борисом Ивановичем Стукалиным и заядлым охотником и любителем природы Анатолием Яковлевичем Митронькиным – бросить у нас якорь основательно, на недельку: всмотреться неторопливо в тихую нашу пойму, разглядеть озера-старицы, на Дону порыбачить. Время было выбрано во всех смыслах самое подходящее: конец июля–начало августа. Ни комаров, ни гнуса-мошкары, утренние зорьки уже прохладные, клёв, оборванный срединно-летней жарой, начинает потиху оживать. Правда, погода не всегда ведёт себя предсказуемо, а уж о рыбе и говорить нечего...

Накануне приезда гостей Саня Бровашов попросил меня выступить в роли эксперта-«донознатца», место для лагеря подходящее присоветовать. Перебрав с полдюжины самых клёвых мест, остановились на высоком, поросшем дубом и вязом крутобережье чуть ниже Суходонецкой переправы. Место, что называется, самое то: и тень есть – от дневного солнца укрыться, и под обрывом глубокие омота-водокруты, а выше по течению, прикрывшись тальниково-песчаной излучкой, зелёная заводь широко так, вольно легла. К этой заводди пересыхающим устьем Зёмкинского ерика выходит донская старица, давно уже превратившаяся в многокилометровую цепь озёр, больших и малых. А подле той старицы тальники, перелески, заливные дуга-займища, полузаросшие полынные озерца-саги – лебединый край, воля вольная...

Там, на Суходонецкой, гости наши и расположились. Всё необходимое, в том числе лодки, самые разнообразные снасти и наживки-приманки, они привезли с собой: Митронькин приехал в Воронеж из Саранска на «УАЗе» с прицепом, битком набитым всякой полезной всячиной. Главными рыбаками в той дружеской компании были Борис Иванович и Анатолий Яковлевич, и ловить они собирались не что-нибудь, а сомов-крупномеров.

Василий Михайлович, по-доброму посмеиваясь над своими увлечёнными друзьями, говорил, что сам он рыболов доморощенный и нужна ему всего лишь такая малость – поймать донского сазана на пуговицу. О том и меня спросил: можно ли так сазана поймать? Я удивился: что за странный способ такой?

Оказалось, что в странствиях своих повстречал Василий Михайлович где-то местного рыболова, ловившего сазанов особым китайским способом. Снасть-то давно и хорошо в наших местах известная – жмы-

ховая донка, но роль крючка в ней выполняла пуговица на крепком поводке: её сазан всасывает (вроде бы) вместе с размываемым течением жмыхом, а потом как несъедобицу выбрасывает через жабры. И таким вот необычным способом «засекает» сам себя: когда поводок натягивается, пуговица срабатывает как концевой стопор на кукане.

Рассказывал Василий Михайлович об этом без свойственной всем заядлым рыболовам охотничьей страстности, но живо, увлекательно. Чувствовался в его словах неподдельный интерес. Не «добытческий», а скорее азартно-мальчишеский: дескать, если и впрямь так ловить можно, то отчего же не попробовать, а вдруг получится!

Разговор этот зашёл, когда вскоре после приезда гостей заглянули мы с Александром Бровашовым и редактором местной «районки» Александром Поповым к ним «на донской огонёк». Заодно и жмыха привезли твёрдого, кругового, как раз для сазаньей охоты годящегося. Интересом своим Василий Михайлович и нас, абorigенов, увлёк. Стали размышлять-прикидывать, как самим такую снасть сделать. Василий Михайлович уточнил, что пуговица должна быть не простая, а «золотая» – большая, металлическая, солдатская. При скорых московских сборах у него под рукой таковой не оказалось, но Борис Иванович ради друга пошёл на крайние меры – срезал исконную пуговицу с мундира, в котором он, Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза в Венгерской Народной Республике, появлялся на официальных приёмах...

До проверки особого «китайского пути» в русской рыбалке тогда дело не дошло, поскольку беседа такая душевная началась – не оторвёшься. Мне, впрочем, оторваться пришлось. Дело в том, что накануне в общем рыбацком разговоре я упомянул, что успешно ловлю лещей, язей и ещё кое-что – только т-с-с! – на метелику. Василий Михайлович, хоть и думал, казалось, о своём, сразу заинтересовался: это что, дескать, за зверь такой?

Рассказал я тогда, что «метелика» (мытылыка, матылыка) – местное название личинки бабочки-подёнки. Личинка эта обитает на Дону не повсеместно, а лишь там, где проступает на береговых обрывах особая глина – синеватая, вязкая, на ощупь вроде бы маслянистая. Слои этой глины похожи на потемневший от времени дырчатый сыр – столько в ней норок-ходов личинками-отшельницами понаделано.

Василий Михайлович о подёнке, конечно же, знал, но видеть её личинок ему не доводилось, и он сразу загорелся: «А показать сможете?» Я пообещал. Теперь пришло время обещание своё выполнить. Достал из багажника «Нивы» специальную, с подогнутыми трубочкой краями лопату, приладил длинный держак из орешника и двинулся на промысел. А промысел тот – дело непростое. Нужно, стоя на краю обрыва, опустить лопату в воду и вогнать её с силой в вязкую глину почти отвесного берега, потом снасть свою повернуть-вышатать да на берег аккуратненько поднять. И потом уже, осторожно разламывая снятый с лопаты глиняный кругляш, добывать столь обожаемую рыбьим народом наживку.

На Суходонецкой метелики в тот год было мало, но я надеялся, что хоть пару-тройку личинок добуду, напоказ. Упорствовал долго,

из сил выбился, дело к ночи – и ни-че-го! Прежде со мной такого конфуза не случалось. Как будто чёрт под руку толкал.

Пристыжённый, вернулся я в лагерь. Повинился. Гости в один голос стали меня утешать: не беда, подумаешь, будет ещё случай! А Василий Михайлович тут же нашёл выход из положения:

- А вы нарисуйте!
- Что нарисовать?
- А метелику.
- Не умею я рисовать, совсем.
- А вы попробуйте!

И подаёт мне свой походный блокнот, который у него всегда под рукой был.

Что тут говорить станешь? Наобещал, оконфузился – давай теперь, хвастунишка, перевоплощайся в художника!

Взял я карандаш и давай выводить загогулины. То, что мне удалось изобразить, было больше похоже на большую сухопутную сороконожку, чем на обитательницу подводных донских глин. Но Василий Михайлович меня похвалил:

- Хорошо. Теперь понятно, о чём речь...

Пошутили ещё малость на тему моего художества да и к другим темам перешли. Расставаясь, договорились, что через день-другой я приеду на Суходонецкую с ночёвкой и мы с гостями порыбачим вместе на самых верных местах, по-серьёзному. Я и про метелику подумал, но теперь уже в свои задумки никого посвящать не стал...

Когда я спустя два дня вольным пятничным казаком, с банкой отборной, намытой на Стрибной яме метелики подъехал к Суходонецкой переправе, то уже издали разглядел, что лагерь друзей-«песковцев» исчез. Место было чисто прибранным и пустым. Уехали, но куда?

Ночь прошла в разговорах с другом-костерком. Утром, едва сереть стало, выплыл, стал на якорь выше притопленного вяза. На рассвете крупная густера на метелику не брала, а прямо-таки била: поклёвка так сильно отдавалась в руку, что и на кивок смотреть не нужно, только подсекай. И подсекал раз за разом. Но не было ощущения острой радости от счастливой рыбалки – может, потому, что не с кем было радостью той поделиться? А так хотелось...

Потом узналось, что московско-саранские гости наши просто не выдержали не столько зноя-бесклёвья (ни сомы, ни сазаны знакомиться с ними не захотели), сколько шумных соседей, с их оглушительной музыкой и хмельным гвалтом до утра, и откочевали в другие места, туда, где потише. Разминулись мы всего несколькими часами. Так и не удалось мне показать Василию Михайловичу метелику вживе. Но у меня есть утешение-оправдание – тот самый рисунок в блокноте, чем-то напоминающий наскальное творчество древнего человека. Готовя очерк о том донском путешествии, Василий Михайлович не мог не пролистать свои путевые записи. Увидел тот потешный рисунок и улыбнулся. Во всяком случае, мне так это видится...

НАМ ЗВОНОК

Календарь твердит мне, что уже осень, целая неделя прошла.

А я не верю.

Да и как поверить? Зной последних августовских недель спал, но дни стоят такие высокие, синеглазые, улыбочивые. От улыбок тех тепло и людям, и травам: повеселевшие, молодой отавой на цыпочки они легко так встают, всё к чему-то светлому тянутся...

Рыбалка, и без того дама ох какая приманчивая, хвори все заслоня-заговаривая, зовёт, снится. И ясно так вдруг увидится то место, где она тебя ждёт-пождёт: расступившиеся дубы и вязы выводят робеющую лесную дорогу сквозь лёгкое уже разнотравье к донскому берегу-обрыву – вплотную, чтоб разом дух перехватило...

Пора копать червей, вязать поводки, сносить в машину снасти. И трогаться утром, ещё по темноте. Мелькнут обочь летящего навстречу асфальта нахохленные лесопосадки, тёмные окна редующих, почти разучившихся вставать до свету безколхозных сёл.

И вот уже луговой туман, озоруя, дышит влажным холодом на стёкла. Не прозевать бы поворот с торной дороги на «кабанью». У высохшего полонного озера дикие кабаны ночами «чеснок сажают»: пашут-выворачивают луговину своими стальными рылами так, что машина, как ни злится, по этой пахоте еле-еле ползёт. Ничего не поделаешь, они тут хозяева, их огород.

Покачиваясь, свет фар находит прогал среди сросшихся ветвей приречных вязов, тянет за собой упирающуюся, привыкшую к луговому простору дорогу. Лесной тоннель скоро доводит до большой поляны и, мазнув веткой орешника по запотевшему стеклу, шелестит вслед: «Ну, с Доном тебя, дружище?»

Вот говорят который век уже с придыханием (и я туда же): «Рыбалка, рыбалка, о!» А что это за «о» – так никто путём и не скажет.

Волнение, томление, пригнутый росой ракитник, рассвет подслеповатый. Стульчик раскладной, пара удилиц на рогульках... Я до рези в глазах вглядываюсь в их неподвижные кончики. Напротив, на той стороне, проступают измятые сонные вёты, расплывчатое тёмно-синее пятно на их фоне выказывает себя выдавшей виды автомашиной «Нива». Рядом с «Нивой» угадывается фигура кутающегося в какую-то бесформенную хламиду современного кочевника, отпущенного веком в ночное. Кочевник немолод, он озяб, сморён полубессонной ночью, но, похоже, ему нет дела до такой ерунды. Он всматривается в береговую песчаную полоску, где затаились насторожённые им снасти-самолёты – шесть или семь спиннингов на подставках. Но тают, уносятся течением минуты, а ничего не происходит. Если не считать того, что стало уже светло. Тихую воду отмелей морщат то тут, то там стайки рыбьей мелочи, в заводи выше по течению окуневая стая своим охотничьим взбулькиванием привлекла ещё одного рыбака – ширококрыло текущую над водой скопу.

И вдруг звонок – там, на противоположном берегу. Резкий, требовательный: «Динь-дилинь-дилинь!» Задремавший возле «Нивы»

кочевник, смахнув с плеч куртку-хламиду, по-молодецки трусит к дальнему самолону. Но на полпути останавливается. Стоит, озадаченно что-то бормочет, потом, будто приняв на плечи привычный груз лет, согбенно бредёт к своему лагерю. Я не пойму, в чём дело. Ведь была же поклёвка, звонок сказал об этом ясно. Даже если рыба не засекалась, снасть нужно проверить, наживку поправить. А он – тоже мне рыбачок...

Через минуту снова «динь-дилинь» – и такая странная реакция «рыбачка»: не привстал даже. Посмотрел и отвернулся обиженно. Заинтриговал меня настолько, что я о своих снастях забыл напрочь. Долго ли, коротко, снова на том берегу зазвенело. Потом всплеск – и удаляющееся «пи-пи-пи», победительно-звонкое. Потом ещё несколько раз это повторилось: «динь-дилинь» – пауза – «динь-дилинь» – всплеск – «пи-пи-пи!»

Рыбачок ноль внимания. Я уже на ногах, о правобережный песок все глаза измозолил. Тут солнышко вышло, песок позолотило, и когда вскоре снова на том берегу зазвенело, увиделось: на кончике крайнего удилица блеснуло что-то изумрудно, качнулось пару раз вместе с удилицем, потом, резко так, – плюх в воду. Тут же это «нечто» будто пружинной из воды выкинуло с тем же самым победительным «пи-пи-пи!» Летит это «пи-пи-пи» над водой, трепеща крыльшками, а перед собой рыбёшку держит.

Господи, да это же зимородок!

На песчаной косе у воды ни деревца, ни кустика, как ему охотиться? Вот он для засидки своей и приспособил удилице. Важное, дорогое, с колокольчиком-самозвоном в сторожах. А я чуть голову не сломал. И человека, пусть мысленно, зря обидел.

Прости меня, коллега по недугу. Ты прав, торопиться некуда, но всё же сомни свою дрёму, вскинься, поспеши!

Ведь, пожалуй, это нам звонок.

Нам, уверовавшим слепо в свой железный век.

По извечному, по природному, по рассветному делу.

ПИСЬМА НИКОЛАЯ РЫЖКОВА

Ещё не столь давно написать письмо представлялось делом обычным. А в наше время люди, желающие общаться на расстоянии, чаще всего пользуются электронной почтой, традиционная переписка почти исчезла. Но никакое общение – ни с помощью компьютера, ни с помощью телефона – не даёт того наслаждения, которое мы получаем, читая письма дорогих нам людей.

Письма моего друга Николая Павловича Рыжкова написаны в духе посланий, которые так любили в те далёкие времена, когда культура частной переписки была довольно высока.

Н.П. Рыжков – тип интеллигента, который сформировался в 60-е годы прошлого века. Долгое время он работал редактором газеты «Заря молодёжи» и редактором Приволжского книжного издательства. Все, кто знал его в то время, отмечают высокую профессиональную квалификацию Николая Павловича. После выхода на пенсию он поселился в своём родном городе Хвалынске, в старом родительском доме и большую часть времени посвятил чтению и общению с интересными для него людьми.

Письма Н. Рыжкова любопытны тем, что в них в какой-то мере отражена жизнь провинциального города в начале нашего тысячелетия. Кроме того, они красноречиво отражают образ автора: перед нами самобытная личность, интеллигент, воспитанный на литературе, русской и зарубежной; талантливый и вдумчивый читатель (как точно характеризует он интересующие его новые книги) и способный стихотворец (как виртуозно подражает он пушкинским октавам).

Думается, знакомство с предлагаемыми письмами будет небезынтересно современному читателю.

Лариса Лукьянова

1

Дорогая Лариса Михайловна, салют!

После возвращения в пенаты моё жилище трижды меняло свой облик. Первые две недели оно было гнёздышком для двух юных существ, правда, очень милых: муж, нынешний помощник саратовского прокурора, спутница его жизни – тоже юрист, которой молодой человек решил показать Хвалынск, Черемшаны, где провёл детство у бабушки и был переполнен рассказами о своей безвозвратной поре и детских впечатлениях. Молодых людей навязала мне Лариса¹ по просьбе своей подруги, кстати, в юности влюблённой в Пятницкого-деда, моего нынешнего родственника (как короток мир!). У юных супругов была машина, они лихо докатили меня до Хвалынска, а я знакомил их с некоторыми моими земляками; молодые уехали удовлетворёнными (Боже мой, как длинна моя фраза!). По сему случаю я не уехал сразу же в Яблонку к своему другу, поселился у Полякова: его хватил радикулит, и я не смог его временно покинуть². Сам Поляков даже не мог перебирать струны своей гитары, я варил щи, супы и каши, его подкармливал, и мы болтали целые ночи, расположившись друг против друга на кроватях. Но в последний день гостевания молодых я отвёз их на рыбалку: помощник прокурора подсекал бычков, неведомо откуда появившихся в бывшем Хвалынском море, я же, сидя на камне, считал набегавшие к ногам волны, насчитал несколько миллионов и сбился со счёта, а, помню, ведь любил математику. Во второй раз мою келью преобразила внучка Вика, привезённая на десять дней Ларисой: раскиданные игрушки, книжки и постепенно спрятанные неведомо куда вещи. Я тоже водил Вику по разным знакомым, и она радостно визжала, завидев то корову, то лошадь, то уток, то черепаху. Сколько эмоциональных всплесков содержалось в этой крохе! По вечерам, положив голову на моё плечо, она раз двадцать прослушивала своё любимое:

*Плывёт, плывёт кораблик,
Кораблик золотой,
Везёт, везёт подарки,
Подарки нам с тобой.*

После отъезда Ларисы с Викой пошли дожди, я превратил комнату в рабочий кабинет, разложив папки с письмами, записями, черновиками, хотя трудиться не заторопился: нежился на диване, как Обломов. Прочёл в книжке «Нового мира» (десятилетней давности) роман полузабытого прозаика Серебряного века Бориса Садовского «Пшеница и плевелы» – о Мишеле Лермонтове и Николае Мартынове: демонический прощелыга Мишель и благородный Мартынов, выполняющий данную Богом миссию. Изящно-лаконическая стилистика, перенятая позже Тыняновым³ в «Смерти Вазир-Мухтара» и неко-

¹ Быстрова Лариса Семёновна, жена Николая Павловича, детский врач.

² Поляков Владислав (1936–2005), живописец и график.

³ Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943), русский писатель, литературовед.

торых исторических повествованиях; перенятая, заимствованная, как мне кажется, а может быть, и наоборот. У Садовского лучше. В часы чтения небо потемнело, воздух сгустился и ударил гром. Думайте, что хотите!

Итак, своё первое письмецо заполнил пустяками, исправлюсь и постараюсь быть помудрее впоследствии.

Ваш покорный слуга

P. S. Какое сегодня число, не знаю.

2

Дорогая Лариса Михайловна, грешным делом, подумал, что прошлый раз неправильно указал Ваш адрес на конверте, по памяти, не имея под рукой записной книжки. Получив Ваше письмо, обрадовался.

Кажется, недавно трепалось определение «атипичная»... Ныне атипично всё: природа, погода, лето; скоро будут бегать, наверно, атипичные собаки, атипично мяукать кошки и нетрадиционно летать птицы. От природы не то чтобы милости ждать надо, а просить пощады.

*Гроза в воротах! на дворе!
Преображаясь и дурея,
Во тьме, в раскатах, в серебре
Она бежит по галерее,
По лестнице. И на крыльцо:
Ступень, ступень, ступень. – Повязку!
У всех пяти зеркал лицо
Грозы, с себя сорвавшей маску.*

Пастернак прав: природа всё-таки эмоциональна. В эти грозы, иногда перемежающиеся градом, не выхожу из дома, перечитываю письма из заветного ларца Александры Николаевны, доставшиеся мне в наследство – этакий соглядатай! – письма её отца к ней (1917–1920), мужа (1937), брата (1941–1960), наши письма, моих же друзей и знакомых в юности (1960–1970), и думаю, что большинство людей всё же сотканы из противоречивых качеств; тем они и интересны, богаты на сюрпризы.

Вот Вы перечитываете дневники Толстого (я тоже читал их по давнему 90-томнику) – и не совсем правы, утверждая, что «так понимать души людей в своих художественных произведениях и так не понимать тех, кто живёт рядом!» Но тогда откуда материал, если не от знания близких и самого себя? Иного ведь нет. Меня больше затрагивает восклицание В. И. Ленина о Толстом: «Матёрый человечец!» Моё впечатление от дневников Толстого: большой человек создан из одного куска, может быть, двух огромных (кивок в сторону «двойственности натуры», хотя, впрочем, человеческая натура вообще двойственна, и в большом человеке калибр утерян). Мне представляется, что судить таким образом будет справедливей.

Что о себе? Чувствую, что одиночество моё скоротечно. Маша с Гришей собираются к концу августа приехать и родить мне внука

именно в Хвалынске. В каких-то сроках до 10 августа появится Костя Шилов,⁴ на именины Петрова-Водкина – 125 лет старику; вызвались на выступления – научная конференция! – многие. Я не пойду: бережёного Бог бережёт, пока милует. Поздоровел на нынешнем воздухе, и это состояние постараюсь сохранить.

Будьте здоровы и благополучны. Привет и добрые пожелания Максиму.

Ваш К.

P. S. Даты не знаю. Кажется, суббота, какие-то двадцатые числа июля.

P. S. Лукулла, то есть, что это я?
Тибулл! Тибулл! Тибулл!⁵

Я здесь у Полякова нашёл М. А. Гаспарова⁶ «Русский стих начала XX века в комментариях» – прекрасное исследование и справочник.

Вооружён!

3

Дорогая Лариса Михайловна! На какое-то время я забыл про Вас, занимаясь своими «чертежами». Ну, воистину Архимед, воскликнувший: «Только не трогайте моих чертежей!» – воину, ворвавшемуся в дом. Так склоняю свою повинную голову. Видимо, всё-таки ненастойчиво я зазывал Вас в гости. Есть объяснение: неважной, атипичной была погода на дворе, да ещё я долго ожидал перевода пенсионных денег, более двух месяцев. Небеса, посылавшие то грозы, то ливни, то град, успокоились, и я могу присовокупить к письму несколько небрежно срифмованных строк, адресованных и понравившихся Полякову:

*Здесь живописцу раздолье –
Кисти в рюкзак положи!
Белые вспышки нагорий
В глубь проникают души.
Этим блуждающим светом
Дальних хвалынских вершин
Манит грибное пьянящее лето
В сумрак росистых долин.*

К сожалению, я не чукча, который писатель, а просто вечно благодарный судьбе читатель, к сочинению собственных опусов непривычный. Из полученной наконец пенсии накупил книжек, в первую

⁴ Шилов Константин Владимирович, современный писатель, автор книг о Борисове-Мусатове, Петрове-Водкине, Марке Бернесе и др.

⁵ Тибулл (50–19 г. до н. э.), римский поэт.

⁶ Гаспаров Михаил Леонович (1935–2005), литературовед, переводчик, автор многочисленных трудов по стиховедению.

очередь – «Доктора Живаго» и знаменитый роман Булгакова в хорошем издании, книг, у меня бывавших и перебивавших, но всегда исчезающих с моей полки – возьмут и не возвращают, а я и не сетую... Оба эти произведения, по-моему, только и останутся из всего советского периода русской литературы, остальные ветром сдует. «Доктор Живаго», «Мастер и Маргарита» написаны людьми свободной души и не замутнены примитивной и ложной идеологией. Как помню, «Доктора Живаго» я впервые прочёл в тот же год, когда бушевал в советской печати пожар по поводу присуждения Пастернаку Нобелевской премии. Юра Болдырев⁷ отправился в Москву, где-то добыл слепой самиздатовский экземпляр, перепечатал на своей пишущей машинке и переплёл.

Постараюсь сформулировать свои тогдашние соображения и первое впечатление. Строго говоря, «Доктор Живаго» мне «не показался»: ожидал чего-то большего, острокритического, что ли. Ну, подумаешь, мол, роман о любви, причём нервической, болезненной, как мне представлялось; предметной социальности почти никакой, смутное время очерчено весьма обобщённо, а стилистика романа традиционна до банальности. Невдомёк для моего тогдашнего читательского восприятия была простая мысль-вопрос: почему три признанных поэтических гения разных эпох избрали для своих вершинных созданий в качестве героев времени лиц, по сути дела, в чём-то сомнительных – Онегина, Печорина, Живаго, родственных и одновременно оппозиционных друг другу, героев, действующих на точном, энциклопедически отображённом историческом пространстве?.. А в этом был внутренний толк.

Достаточно ли понятно изложил своё первое впечатление? Но, так или иначе, оно владело мной долго. Романа Пастернака я не перечитывал, никогда не упуская повода поставить его на свою книжную полку дома, как и поставил его в нынешнее лето. Перечитал медленным чтением в несколько дней и ахнул: где же раньше глаза мои были? Не сказал бы, что роман Пастернака прост, каким он представлялся и представляется априори. Он многозначно непрост. Чего стоят, например, размышления о пушкинском классическом стихе, о понимании Толстым хода истории, о христианстве, вообще философский дневник Живаго, и т. д.⁸ А музыкально-интонационная стилистика романа в его языковой стихии – не романтический ветерок, не гайдаровско-фадеевский, даже не книжный гриновский – отнюдь: явно подлинный, человеческий, чем-то преемственный от романов Жорж Занд⁸? Читал я Жорж Занд давно, много – в юности, забыл, но тональность её романов ощущаю именно так, как она присутствует в «Докторе Живаго», в стиле пастернаковской прозы.

Говорят, что этот роман включён в обязательную школьную программу, из коей исключена «Как закалялась сталь» Н. Островско-

⁷ Болдырев Юрий Леонардович (1934–1993), критик.

⁸ Жорж Занд, настоящее имя – Аврора Дюпен (1804–1876), французская писательница, поборница социалистических идей.

го⁹ (и это, кстати, правомерно, так как роман Островского весьма деревянный художественно и хунвейбиновский по смыслу); куда ярче и смелее в советском плане «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях»¹⁰, произведения, которыми мы в детстве упивались с Юрой Болдыревым!

Всё-таки получается так, что до сих пор ни одного толкового разбора «Доктора Живаго» я не читал, ни одной живой критической статьи, даже элементарной. Существуют ли такие? О чём же школьные учителя начнут говорить десятиклассникам? Дело даже не в толковых разборах, а просто в культуре чтения, эстетической воспитанности, в умении свободно выразить своё мнение. Мы живём в странное время, вне контекста преемственности, и удивительно, что недавно один министерский деятель от просвещения заявил (слышал по телевизору), что уроки литературы будут сокращены в школе до одного в неделю – увы и ах! Как бы хорошо написал о «Докторе Живаго» Марк Щеглов¹¹, в шестидесятые годы блестяще развернувшийся и рано, тогда же, ушедший! Впрочем, не собираюсь развивать эстетический трактат, ибо далеко не Чаадаев, который писал даме философические письма¹². Сменяю тему.

Общаюсь мало с кем. Неугомонный Поляков укатил в Москву и Питер, оставив мне в собеседники тоже художника – Губанова, учёного секретаря Петербургской Академии художеств и почётного профессора прочих зарубежных академий¹³. Невероятно робкий, неуверенный во всём, что выходит за пределы холста. Я ему подредактировал его доклад на научной конференции о Петрове-Водкине. Он, шестидесятипятилетний, лысеющий, с арийским черепом и мягким голосом лектор, безоговорочно соглашался со всеми моими замечаниями и смотрел на меня как на Бога. Напрасно я убеждал его, что настоящая редакторская работа начинается лишь с момента сопротивления автора, так как в его несогласии может быть нащупана индивидуальность, по рельсам которой уверенно катится и сам редактор. Вскоре Геннадий Губанов предложил посмотреть свой очерк о своих учителях – художнике и художнице Басмановых¹⁴; очерк предполагается включить в сборник, ныне выходящий в СПб и посвящённый их памяти. Губанов в шестидесятые годы бегал к своим учителям, подружился с ними и бывал у них в доме (бывший дом Бенуа) и постоянно сталкивался в дверях с вихрастым, огненно-рыжим парнем, оказавшимся Иосифом Бродским (последний дружил с дочерью старых художников). Почему я рассказываю об этом? Марина Басманова случилась той таинственной М. Б., которой посвящены почти все любовные стихи Иосифа Бродского, начиная с его юности, стихо-

⁹ Островский Николай (1904–1936), советский писатель.

¹⁰ Произведения советского писателя Антона Макаренко.

¹¹ Щеглов Марк Александрович (1925–1956), критик, литературовед.

¹² Чаадаев Пётр Яковлевич (1794–1856), публицист, автор «Философических писем».

¹³ Губанов Геннадий (род. в 1935 г.), современный живописец.

¹⁴ Басманов Павел Иванович (1906–1993), художник; Басманова Марианна Павловна (Марина Басманова) (род. в 1938 г.), его дочь, художница.

творения из ссылки и пронзительно-откровенные в эмиграции (вплоть до последних лет). Геннадий нередко навещает Марину, прочёл ей свой мемуарный очерк о её родителях – странно, что она высказалась безоговорочно против очерка, вплоть до «разнакомства». Это заставило меня задуматься, потому что я никогда не размахиваю дубинкой и стараюсь быть снисходительным к любому пишущему, особенно непрофессионалу, в письме.

Так заочно таинственная М. Б. перестала быть для меня неизвестным человеком. Я растолковываю Губанову стихи Бродского.

Не находите ли Вы, что я склонен к одомашниванию большой литературы?

Однако я заболтался, уже четвёртая страница. Кончаю, стыдно перечисть...

Покая Вам и воли. Пишите. Я здесь ещё два месяца.

*31 августа–1 сентября 03.
Ваш К.*

4

Сударыня!

Именно таким возгласом начинает своё знаменитое письмо незабвенный Пётр Яковлевич. Таких писем было, вроде бы, восемь, и называются они «Философические письма, адресованные даме». Количество этого уровня я, кажется, достиг. Соглашайтесь.

За присылку Тибулла я Вам более чем благодарен. Признаться, никогда не думал, что он звучит столь прекрасно в подстрочнике даже – наверное, больше ничего не надо. Совсем неожиданным поворот вечной темы чувствуется и у Лигдама¹⁵. Сколько труда невольно навязал Вам! Да ещё отдельно примечания, да ещё приложена ксерокопия оригинала по-латыни. Можно при случае заглянуть в латинско-русский словарь, чтобы поверить звучание и ритм подлинника.

Переводы Ваши вообще хороши. Перевод трактата Петрарки очень искусен¹⁶. Вы явно достигаете гармонии лаконичной прозы, пружинистости слога даже в синтаксически сложном построении фразы, например: «...ибо истинная цена камня неизвестна, может, он и вообще ничего не стоит; сколь губительно тщеславие, как неопределённая оценка камня, как колеблется его цена – по этому поводу не спорят и сами знатоки» и т. п. Жаль, что Девятайкина¹⁷, приводя характеристику любых, до мельчайших исторических подробностей деталей, содержательных реалий текста, ограничивается лишь одной школьной отметкой уровня перевода («прекрасно выполненный») и не описывает, как и чем отличен или не отличается стиль Петрарки от образцов древности, что внёс или не внёс (безразлично!) автор в язык иного времени. Во всяком случае, мне кажется, это было бы уместно, повы-

¹⁵ Лигдам (I век до н. э.), римский поэт, подражатель Тибулла.

¹⁶ Речь идёт о переводе сочинения Петрарки «Средства против превратностей судьбы».

¹⁷ Девятайкина Нина Ивановна, доктор исторических наук, исследователь творчества Петрарки.

шало бы методическую стоимость комментирования при демонстрации текста и лингвистических достоинств перевода. Что же до моих «замечаний», какие Вы заблаговременно назвали «высококвалифицированными», то все они представляются мне заведомо досужими, как исходящие от личного вкуса или от редакторского зуда (править во что бы то ни стало!): к примеру, дважды повторенное определение «чужое» («сломила чужая сила или чужое вероломство») мог сменить бы, словарного разнообразия ради, на: «враждебную силу и чужое вероломство», и так далее, и тому подобное, то есть замечаний, которые легко опровергнуть, сославшись на то, что диктуют, мол, сам материал и другой вкус. Замечаний просто не может быть. Серьёзно.

Ещё: спасибо за газетную вырезку со стихотворениями Болдырева, этих у меня нет, а есть другие: он посылал мне в армию, баловался тогда рифмами – значит, год 1956–1957. Забавно было вспомнить заодно Зотова и Хархардина!¹⁸ Кстати, на днях мне прислал стихотворный триптих, памяти Ю.Б. посвящённый, Костя Шилов – стихи, следует оценить, поразительные. Вот вам и игрун, каким он нам представляется! Напомните мне о них, когда появлюсь в Саратове, переписывание займёт слишком много места, несколько страниц. На мой взгляд, люди, имеющие склонность выражать себя в слове, так или иначе имеют навык в стихоплетении. Дисциплины ради. Или экономии концентрации впечатления. Так и к Тибуллу подходит.

Не хочется кончать письма в том же учёном духе, а посему – вариация с эпиграфом:

«Объегорить – значит плутовством обмануть». (В.И. Даль)

*Хвори пора объегорить:
Лечат, судьбе вопреки,
Белье всъязыки нагорий,
Волга, Хвалы́нск, родники.*

Итак, через пару недель прибуду в Саратов на зимовку: погода опять ухудшается.

Будьте во здравии и благоденствии. До встречи.

*Ваш К.
9.10. 03*

5

Дорогая Лариса Михайловна! Как там с публикацией фрагмента из Олеговой рукописи в «Волге»: решение, прохождение, сроки? Надеюсь на благополучный исход¹⁹.

¹⁸ Зотов Анатолий Павлович – административный работник, в молодости писавший стихи; Хархардин – его сокурсник, автор стихотворений, опубликованных в 60-е годы в газете «Заря молодёжи».

¹⁹ Речь идёт о фрагменте из книги Олега Лукьянова «Миф о планетарном космосе», который так и не был опубликован в «Волге». Книга полностью вышла в 2010 году.

А у меня вертится в голове один мотив из «Крестьянских детей»:

*Опять я в деревне, хожу на охоту,
Пишу свои вирши – живётся легко.*

Правда, всё это неправда. Хвалы́нск не похож на деревню, может быть, только на окраинах. На охоту я никогда в жизни не ходил и не знаю, что это такое. Вирши пишет только Поляков, так называемые акrostихи, по первым буквам каждой строки – то мне, то Ван Гогу²⁰, то Ван Гогу, то мне. «Живётся легко!» Тоже неточно: май месяц постоянно менял погоду, да и другая резкая перемена (Саратов не Хвалы́нск) сказала: болело сердце. «Дядя Коль, это ты надышался кислородом Хвалы́нска. Глотнул бы чуток саратовского воздуха из выхлопной трубы моего автомобиля...» – жизнерадостно сказал Дима, меня навестивший. Он уже майор, с чем я его и поздравил.

В двух моих маленьких комнатах живут лары – за фотопортретом отца (моей работы) и за книгами на стеллаже, сооружённом с помощью одноклассника. Во дворе – пенаты, а в горах – гении. Таким образом, сердечные боли скорее психологического свойства, и в них есть преимущество. Валяясь на диване, я много читал и перечитал наконец знаменитый, почти автобиографический роман Моэма (так считается, автобиографический),²¹ перечитал через пятьдесят лет; затеял обдумать фигуру Болдырева в моих записках. Ничего неприятного в персонаже – Филиппе Кара – я не нашёл: это была болдыревская самооценка припоминающего своё сиротство в письмах пятидесятилетней давности, своё уродство, когда ходил в гипсовом воротничке вокруг шеи, и трудные взаимоотношения с девушками.

Как Вы уже знаете, я не могу читать одну книгу, а читаю одновременно сразу несколько: писания курсовых работ для лоботрясов-студентов приучили. Так, параллельно листал исследование Ирины Паперно²² «Николай Чернышевский, человек эпохи реализма: семиотика поведения». Работа вышла в Англии в 1988 году, переиздана у нас в 1996 году в издательстве НЛО (журнал «Новое литературное обозрение», где я тогда же был на тусовке литературоведческой молодёжи и взял эту книгу, но прочёл только сейчас). Работа Ирины, конечно, вторична в концептуальном смысле, но вообще-то структуралистско-семиотические идеи с самиздатовских годов оказались весьма плодотворными (Тартуская школа, Лотман, Гаспаров и другие, применившие штудии Барта, Леви-Стросса на российском материале)²³. Ничего неожиданного в книге Ирины Паперно я не нашёл, истори-

²⁰ Ван Гог (1853–1890), голландский живописец, представитель постимпрессионизма.

²¹ Моэм Сомерсет (1874–1965), английский писатель.

²² Паперно Ирина Ароновна (род. в 1952 г.), историк культуры, литературовед; живёт в США.

²³ Лотман Юрий Михайлович (1922–1993), литературовед, историк культуры, структуралист. Барт Ролан (1915–1980), постструктуралист, французский критик, автор работ по проблемам социальной и культурной обусловленности символа и мифа; Леви-Стросс (1908–2009), французский этнограф и социолог, один из представителей структурализма.

ко-архивный материал мне слишком хорошо знаком (как Вы помните, я копался в пыпинском архиве в Москве и СПб, дружил с Адольфом Демченко²⁴, писавшим том за томом «научную биографию» Чернышевского). Но книга Ирины Паперно компактна, интересна и очень целеустремлённо написана. Вам следует её почитать. Чего в ней нет (и по историческому материалу, и по мысли), я и сам Вам доскажу.

Таковы мои вечерние развлечения, если погода не благоприятствует прогулкам. Поляков уехал в Петербург к заболевшей юной родственнице, в его доме живёт пока молодая семья из Петербурга. К этим молодожёнам я боюсь заходить. Молодой человек говорит, что пишет по шесть стихотворений ежедневно – и этого мне только не хватало! Я буду лучше общаться с местными художниками или уеду в село к старому другу. Жду, пока с помощью Димы мне перепашут огород хвалынские алкаши.

К.
26.05.04.

6

Безответная Лариса Михайловна! Впрочем, и я в это лето был не больно красноречив. Уже подумывал, что единственное моё письмо не нашло адресата, а Вы где-нибудь в Симферополе. Выяснилось, что мы оба самозабвенно занимались недвижимостью: Вы – продажей, я – ремонтом.

Особенностью хвалынской рыночной экономики (а может быть, вообще российской) является то, что совсем не нужно брать в голову телефонные переговоры с фирмами, базами, магазинами, а важно знать определённого человека, который ворует. Тогда добудешь и доски, и кирпич, и брёвна – быстро, с доставкой на дом и расчётом из кармана в карман. Я не сразу это постиг... Потом надо найти непьющую бригаду ремонтников. Также долгие поиски, порой безуспешные.

Ремонт квартиры в большом шатровом доме, где я занимаю одну треть с отдельным входом. Дом сооружён из толстых брёвен лиственницы, едва ли, как говорят, ещё в Петровские времена. Всего-то навсего – две комнаты, кухня, веранда. Крыша никогда не перекрывалась. В целом же в огромном доме в дореволюционные времена жил булочник, в подвале (четырёхметровой высоты) пеклись крендели и, возможно, работал Максим Горький (помните рассказ?) Напротив – красивый магазин «Копейка», ныне имеющий непонятное название «Престиж». Но кренделей нету – печь разучились.

В часы досуга пробовал читать «Улисса»²⁵, оказался по зубам, но сосредоточения не хватало. Отвлекаясь, читал Иннокентия Анненского, томик из «Библиотеки поэта»²⁶.

²⁴ Демченко Адольф Андреевич, доктор филологических наук, профессор Саратовского университета.

²⁵ «Улисс» – модернистский роман ирландского писателя Джойса (1882–1941).

²⁶ Анненский Иннокентий Фёдорович (1855–1909), русский поэт и переводчик.

Вроде бы Толя Кац²⁷ однажды обмолвился, что у тебя, мол, Николай, «хорошее ухо» на слово, на поэзию, вообще на литературный текст. Но стихи Анненского казались мне непреодолимыми, таинственными, и некоторые мотивы оставались загадкой. Но недавно я вернулся к сборнику очерков С. Лурье²⁸, прекрасного филолога с отличным слогом, блещущим остроумием. Книжка С. Лурье сравнима, пожалуй, только с прославленными «Литературными портретами» Моруа²⁹, но тот писал только о западных авторах. Не ценим мы собственного наследия... Дальше – не более чем импровизация.

Как известно, Иннокентий Анненский, только что закончивший университет, горячо влюбился в сорокалетнюю вдову с двумя сыновьями, репетитором которых он был. В этом браке родился ещё и собственный сын. Содержание немалой семьи целиком легло на плечи молодого мужа. В разных гимназиях он преподавал латынь и греческий язык – до 56 часов в неделю (Вы можете оценить, что это значит?), перевёл полного Еврипида³⁰. Пасынки, впрочем, женились на неких сёстрах Лесли. Можно сказать, что с невестками у Инн. Фёд. сложились необычные отношения: обе были влюблены в него. Вот письмо одной из них Вас.Вас. Розанову (обнаружено недавно в архиве; ведь Розановым стали заниматься недавно): «Вы спрашиваете, любила ли я Инн. Фёд.? Господи! Конечно, любила, люблю... И любовь моя «plus fort que la mort...»³¹ Была ли я его «женой»? Увы, нет! Видите, я искренне говорю «увы», п. ч. не горжусь этим ни мгновения. ...Поймите, родной, он этого не хотел, хотя, может быть, настояще любил только одну меня... Но он не мог переступить... его убивала мысль: «Что же я? Прежде отнял мать (у пасынка), а потом возьму жену? Куда же я от своей совести спрячусь?» И вот получилась «не связь, а лучезарное сияние». Странно, ведь в XX веке? Дико? А вот такие ли ещё сказки сочиняет жизнь?..»

Письмо как письмо. Женское, откровенное, несколько экзальтированное... Суть не в нём, а в понимании одного из важных мотивов «Кипарисового ларца». Приводя стихотворение Инн. Анненского:

*Довольно дел, довольно слов,
Побудем молча, без улыбок.
Снежит из низких облаков,
А горний свет уныл и зыбок.
В непостижимой их борьбе
Мянутся чёрные факты.
«До завтра, – говорю тебе, –*

²⁷ Кац Анатолий Иосифович, известный пианист, художественный руководитель Саратовской филармонии.

²⁸ Лурье Соломон Яковлевич (1890–1964), историк античности, филолог-классик.

²⁹ Моруа Андре (1885–1967), французский писатель, перу которого принадлежит ряд романизированных биографий писателей.

³⁰ Еврипид (ок. 480–406 г. до н. э.), греческий поэт, автор трагедий.

³¹ «Сильнее смерти» (фр.)

*Сегодня мы с тобою квиты».
Хочу, не грезя, не моля,
Пускай безмерно виноватый,
Смотреть на белые поля
Через стекло с налитшей ватой.
А ты красуйся, ты гори...
Ты уверяй, что ты простила.
Гори полоской той зафи,
Вокруг которой всё застыло...*

С. Лурье добавляет, что «в русской литературе нет стихов тише, трезвей, честней: «идеальное совпадение поэзии с правдой»... Вообще-то Анненский считается поэтом, впусившим в поэзию повседневность, мастером импрессионистического письма, если иметь в виду не живопись, а слова; и не случайно остался любимейшим автором всех поэтов Серебряного века, а никак не читателей.

Кроме Анненского, ничего не успел прочитать. Правда, Поляков, иногда балующийся сочинением романсов на переводные стихи (он прекрасно играет на гитаре), приобрёл где-то Верлена³² в переводах разных авторов, забавлялся тем, что проверял на мне, чей перевод лучше: Брюсова, Шенгели³³ или Анненского.

Ещё же я рассматривал том «Мёртвых душ» с рисунками (в лист) Марка Шагала³⁴. Их 93 Марк Шагал нарисовал. Интересно. Когда мимо моих окон в 5 часов утра пробегают к бывшему капитану местного «трамвайчика», когда-то бороздившего Волгу на переправе, Шаронову, нынешнему самогонщику (здесь сейчас зовут его «наш Шарон»), хвалынские мастеровые, а позже проплывают мимо моих же окон раскормленные административные дамы на свои чиновные места, то думаю, что гоголевская Русь ближе, чем «за холмом».

В конце письма несколько слов о делах невесёлых. Мне жаль Любу Сапожникову³⁵ – тихое, безобидное, никогда не ропшущее существо, как мне всегда казалось. Давным-давно за одним ученическим столом (парт в школе пятого квартала почему-то не было) сидели три девчонки: Лариса моя, Галя Фёдорова и Люба Сапожникова – и какие разные судьбы получились. Да и многое было на моих глазах: сближение Любы с Сашей («Нашли друг друга схожие существа», – говорили мы), радость Любы при рождении ребёнка, достаточно позднего, и всякие встречи... Вечная память!

Взял Ваше письмо и нашёл вопрос о Луговском³⁶. Под руками его нет, но я помню все обложки сборников, которые остались вместе со старой библиотекой у дочери. Вспомним: двадцатилетний, я взмахнул

³² Верлен Поль (1844–1896), французский поэт-символист.

³³ Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956), русский поэт, переводчик, критик.

³⁴ Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), русский поэт, один из теоретиков символизма в России.

³⁵ Шагал Марк (1887–1985), известный живописец и график.

³⁶ Фёдорова Галина Евгеньевна род. в 1948 г., искусствовед; Сапожникова Любовь Ивановна (1948–2004), художница.

³⁷ Луговской Владимир Александрович (1901–1957), русский поэт.

читал Луговского даме начала века Александре Николаевне, видевшей живыми Бальмонта, Северянина, Сашу Чёрного³⁷; и она разделяла мою увлечённость энергией стиха и красочностью видения мира у Луговского. «Еtc», – как писал в конце письма или фразы Пушкин.

*Итак, – К.
Не браните за скоротись.
7. 09. 04.*

7

С наступающим Новым годом, Лариса Михайловна! Как Вы уже поняли, я обосновался в Хвалынске. В окна брызжет солнце, улица необыкновенно бела, какой может быть только либо в деревне, либо в маленьком городке (моего детства и юности); утром, выйдя на крыльцо с веранды, отгребаю снег и с удовольствием оглядываю белые холмики над посаженными розами: перезимуют. «Пора возделывать свой сад», – как говаривал такой же змеегубый старец, как ныне я, Вольтер³⁸. Не знаю, получили ли Вы моё второе письмо, где я живописал свои домостроительные заботы, а более всего – своё прочтение Анненского...

Поляков дважды в мою бытность нырял в Москву на международные книжные ярмарки; обычно звонил Ст. Лесневский³⁹, приглашая его (для обслуживания собственного павильона на каждой ярмарке). Поляков обязателен, находчив, остроумен, а ведь книги, которые издаёт Лесневский, сплошь раритетные (переписка Белого и Блока, письма и проза Тютчева, и тому подобное, себе в убыток и в нагрузку своей сестре – Ирине Лесневской, держательнице РЕН-тиви). Может быть, Лесневский что-то и приплачивает Полякову, но последний возвращается из Москвы нищий и голодный, но с полной коллекцией прекрасных книг и альбомов; приходится моему другу рыскать по своему жилищу в поисках сухой корочки, а роль Ирины Лесневской – уже по отношению к Полякову – выполнять мне. Но это всё – мимо, мимо! – не о том хотелось бы написать мне. Прочёл я наконец паразитическую книгу – день читал, за полночь читал – и не мог оторваться. Это дневник московской школьницы, уцелевшие тетради из архивов НКВД (1932–1937) Нины Луговской, теперь изданные в Москве (2004) и одновременно готовящиеся к печати сразу в нескольких странах – в Италии, Англии, Франции, Германии, Швеции и других; название книги «Хочу жить», да и сама книга, пожалуй, только соотносима с дневником Анны Франк. Предисловие к изданному дневнику написала Людмила Улицкая⁴⁰ (как Вы знаете, писательница хорошая;

³⁷ Бальмонт Константин (1867–1942), русский поэт-символист; Северянин Игорь (настоящее имя – Игорь Логарев) (1887–1941), русский поэт; Саша Чёрный (настоящее имя – Александр Гликберг) (1880–1932), русский поэт.

³⁸ Вольтер (1694–1778), французский писатель и философ-просветитель.

³⁹ Лесневский Станислав (1930–2014), критик, литературовед.

⁴⁰ Улицкая Людмила, современная русская писательница.

только имейте в виду, что к известному поэту Луговскому эта семья – отец, мать, ещё две сестры Нины Луговской – отношения не имеет).

Так, четырнадцатилетняя девочка... «Множество дневниковых страниц, – пишет Улицкая, – посвящено отношениям с мальчиками – гормональная биография молодого организма: он вошёл – я посмотрела; я пошла – он посмотрел; я засмеялась иронически – он покраснел; он засмеялся – я вздрогнула... Тоска о любви, жажда её, ревность и зависть, влюблённость и разочарованность, новая влюблённость, новое разочарование – трудное взросление, мучительное состояние юности...» (Л. Улицкая). Какими подло-жадными глазами ползал по страницам следователь НКВД, клея «групповое дело участников контрреволюционной организации» и замысел террористического акта против Сталина! Вы знаете, что я относительно начитанный человек, но такого талантливого детского письма, такого блестящего психологического документа я не читал никогда (если я преувеличиваю, то немного). Разве только у Бориса Пастернака в его ранней повести «Детство Люверс» есть нечто подобное, но сам поэт строго оценил писания своей юности как «манерные», «общего греха тех лет», да и Пастернак, несколько подражая Льву Толстому («Детство, отрочество, юность»), даёт портрет девочки из благополучного, обеспеченного общества. Конечно, следователь НКВД нашёл, что ему нужно: и желание мести девочки за осуждённого отца, и хождение в «Политический Красный Крест»⁴¹, где сидят бездушные чиновники, и изумляющие девочку крики толпы после убийства Кирова⁴²: «Добить гадюку! Расстрелять Николаева⁴³ и ему подобных!» Есть гнетущие описания очередей за хлебом и восклицания: «Хочу жить!», «Хочу быть свободной!», «Ненавижу большевиков!» и т. д., и т. п. Но это даже и не преобладает: есть зоркий непосредственный взгляд, постоянный самоанализ, оценка происходящего, одновременно – великолепное ощущение природы, красоты. Ей-богу, не знаю более искренне звучащего развенчания мифа тридцатых годов. «Великая утопия обернулась кровавой историей», – заключает Людмила Улицкая своё введение к дневнику Нины Луговской.

Словом, талантливое письмо, поразительный документ. Прочсть книгу «Хочу жить...» стоит. Наверное, сможете найти в научной библиотеке, если она ещё имеет «право обязательного экземпляра». Выходные данные: Москва, изд. «Глас», 2004. Тираж, как известно, нынче не указывают.

Мой тёплый привет Максиму.

17.12.04. Ник.

⁴¹ «Политический Красный Крест» – организация, созданная для помощи политзаключённым и ссыльным.

⁴² Киров Сергей Миронович (1886–1934), член Политбюро ЦК ВКП(б); убит в Ленинграде; его убийство было использовано Сталиным для организации массовых репрессий.

⁴³ Николаев – партийный работник, обвинённый в убийстве Кирова.

8

Ох, госпожа, не нравится мне Ваше настроение; ну, ремонт, дурные впечатления (Романов⁴⁴ и пр.), пасьянс, который не сходится... Негоже... Ремонт, ну что ж? Он бесконечен, как Вселенная. Если есть конец, а что за концом, простите? Следовательно, опять бесконечность, а в этом обаяние мироустройства. Олег со мной бы согласился. И засмеялся, как только умел он.

Большое Вам спасибо за известие о Гришке⁴⁵. Лариса что-то упорно молчит, несмотря на мои постоянные запросы. Наверное, по какому-либо поводу опять на него негодует. Григория теперь будут учить непредвиденные обстоятельства, но он взрослеет, пусть и медленно. Вот когда мне было три года, я почему-то не говорил, не хотел, был упрям (что мог сказать младенец, впервые в жизни взглянувший на окружающий мир?) «Не явный ли дурак растёт?» – подумали отец с матерью и поволокли меня к психиатру, едва ли не дореволюционной выучки; тот заглянул мне в глаза, похлопал по щеке и сказал: «Молодец, силы копишь! Износу тебе не будет». Как сейчас помню.

Что мне делать, например, с Костей Шиловым? Летом прислал восьмистраничное письмо, его бисер я разбираю через лупу с восьмикратным увеличением, а разобрав, понял, что основное содержание восьми страниц – жалобы на собственные немочи, и пришлось немедленно устремиться на почту, чтобы подать срочную телеграмму: «Не волнуйся, Костя, напишу о тебе хорошие воспоминания». Он замолчал на три месяца, но недавно снова прислал восьмистраничное письмо с собственными стихами (кстати, они уже напечатаны в «Литературке» с напутствием Ваншенкина)⁴⁶. Стихи (без поддавков говорю) хорошие, в них есть какая-то лирическая магия, ранее Косте не свойственная, стихов этих не переписываю в письме – сам автор запретил. Костя обожает таинственность и всегда оставляет для себя возможность сообщить что-то по секрету.

Сожалею, что нагрузил Вас нелёгкой информацией о книге Нины Луговской «Хочу жить»; написал только о мнении Людмилы Улицкой, предисловие которой отчасти процитировал. У меня несколько другие соображения, но об этом потом, как и о поэзии Анненского: начал, было, о нём писать в одном из писем, сразу написал ещё два, но потерял, куда-то сунул в книжки (Поляков говорит, что у меня письма нужно отбирать). Поэтому ограничусь только откликом на несколько вопросов, которые Вы мне задали: живу простой и естественной жизнью в городе, где многие меня знают с детства, много общения. Стихи Ханьжова⁴⁷ я когда-то, лет десять назад, читал, даже писал внутреннюю рецензию для «Волги»; в его стихах чувствовалась некая взвихренность, грубая, неоформленная сила, и, если он избрал

⁴⁴ Романов Александр Иванович, общий знакомый.

⁴⁵ Сын Н. П. Рыжкова.

⁴⁶ Ваншенкин Константин Яковлевич (1925–2012), русский поэт.

⁴⁷ Ханьжов Александр Дмитриевич (1947–2002), русский поэт, живший в Саратове.

для себя жёсткую форму сонета, может быть, выросла и мускулатура, Дай-то, Бог!

Дружески расположенный к Вам. К.

Сожалеею, что не буду у Вас 2 января⁴⁸.

25.12. 04.

9

Дорогая Лариса Михайловна!

Пишу как живу и живу как пишу: диктует перо и бежит мысль; привычка сочинять курсовые работы для студентов настигает меня и тут. Сначала, ради введения, – две октавы из «Домика в Хвалынске»:

(и с эпиграфом):

*...Я хотел
Давным-давно приняться за октаву.
А в самом деле: я бы совладал
С тройным созвучием. Пуцусь на славу!
Ведь рифмы запросто со мной живут;
Две придут сами, третью приведут.*

А. С. Пушкин. «Домик в Коломне»

1

*Пусть опрометчиво заявлен образец!
Хотя мой слог частушечному ровня,
Рискну поколдовать октавой. Наконец
О нынешней обители своей напоминаю,
Я вторю, словно попугай-глупец,
Тройным созвучьям «Домика в Коломне».
Да вот беда: ногами еле шевелю,
Две рифмы догоняю, третью ртом ловлю.*

2

*Мой двор зарос крапивой, чистотелом...
Но в их развале воздух родниково чист.
Лишь струйку пряную добавил обалделый,
Скользнувший с ветки яблоневый лист.
Моей щеки коснувшись оробело,
Прошелестел: «Ты свой? Не стрекулист-турист?»
На свете, впрочем, нет завиднее пароля,
Чем пушкинский привет: «Покой и воля»!*

⁴⁸ День памяти Олега Лукьянова.

Ностальгическое чувство, возбуждённое ещё по дороге сюда, сразу померкло, стоило мне переступить порог дома, некогда бывшего родным: споткнувшись о сваленные в кучу багетки, запутавшись в тюлевых занавесках, тоже сброшенных на пол и небрежно истоптанных, будто сети на берегу (а я, неведомая рыба, в них барахтаюсь), очумело разглядываю огромное пятно копоти на печке, выходящей в коридор, опасливо двигаюсь дальше, ожидая любого подвоха. Зимнее хозяйничество моего «племянника», которому я дал ключи от квартиры, и его шальных гостей, явно вышло мне боком.

Моё родство с «племянником» Димой весьма неопределённо, как и сомнительна степень родства: сын сестры моей первой жены – другими словами, сын свояченицы, тоже бывшей, что, признаться, также не звучит. Но разве не узнал я в бравом капитане внутренней службы, начальнике паспортного стола, того шустрого черноглазого мальшаша (устойчивыми были только черносмородинки этих глаз), какого я вытащил из проруби четверть века тому назад? Представьте себе картинку: безбрежное ледяное пространство (так велика здесь Волга), яркое январское солнце, от которого я жмурюсь, подняв лицо, и вмёрзшие в берег глыбы льда, похожие на причудливые скалы, меня и маленького человечка в кургузом полушубничке, яростно вырывающего свою ручонку из моей руки. Как он нашёл единственную в округе прорубь, видимо, выдолбленную рыбаками, и туда незамедлительно нырнул – ума не приложу! Помню, вырвался, заметался как угорелый, пока не нашёл искомого. Я подползал к нему по хрустящему льду, вытащил за шиворот, задыхаясь, и потом нёс его под мышкой, мокрого, перепуганного и дрожащего. Натёте вот теперь: вибрирующий бас, иногда срывающийся в фальцет, впрочем, не теряющий музыкальность: «Дядь Коль, дядя Коль, дядьколь...» – этой интонацией он меня пленил, когда, не задумываясь, я передал ключи от своего дома. Сидел тогда в кабинете Димы, в кресле напротив, а он периодически ерошил взлохмаченный чуб, набычив голову (мне тут показалось, что он высунет язык, как в детстве, от усердия), выводил свою подпись на каждом из бланков, отодвигая один за другим в сторону той же левой рукой, которой только что шарил в чёрных вихрах. Каждый раз удивительной красоты, скажу Вам, вырисовывал он иероглиф! Как замороженный, я тоже наклонился к столу – не выводит ли Дима: «дядь Коль, дядя Коль, дядьколь»? Нет! Вероятно, всё же – «Дмитрий Климошкин» либо что угодно...

Но сейчас я бреду в паспортный стол, чтобы устроить «племяннику» головомойку за поломанные багеты, истоптанные занавески, чёрную звезду копоти на изразцах, не вникая в дальнейшие подробности. Вам они знакомы по ежегодным весенним визитам на собственную дачу... На высоком крыльце Хвалынского райотдела милиции – три скорбные, поникшие фигуры старушек в пёстрых платочках.

(Конец письма не сохранился.)

10

Дорогая Лариса Михайловна! Или, может быть, лучше: Дорогая Лара! Чего уж там! Друзей становится всё меньше и меньше, а мы уже с приличным стажем. Упростим обращение. По старому знакомству позволю себе разные вольности. Коротко и со вкусом. А не хотите ли, например, освоить для Хвалынска следующий церемониал: Вы приседаете в реверансе и кланяетесь; я с поклоном, сгибаясь, помахиваю шляпой? Правда, подходящей шляпы нет, а нога, как раз нужная, плохо складывается в колене. Ничего, потренируюсь. И Вы, конечно, заглянете в Хвалынск, ау?

За этим шутовством я скрываю даже некую растерянность, потому что онемел на полгода, хотя и думал о Вас, думал... Но вёл я действительно странный для себя образ жизни: ремонтировал недвижимость, которая не приводилась в порядок никогда, во всяком случае, при советской власти. Вы представьте себе: это я-то, равнодушный ко всякой собственности, вдруг ремонтирую фундамент, стены, ворота, крышу. Не я, в прямом смысле, а двое друзей-армян, способных на любое дело и мастеров на все руки: добывают кирпич, цемент, гравий, песок, доски и возводят пристройку, которая позволяет оснастить прежнюю халупу всеми удобствами, расширить прежнюю площадь в 22 м до 45, и т.д. Моя часть забот заключалась в волоките хождений по инстанциям: добиваться разрешения на то, другое, третье, поставить печати (за деньги), толкаться в приёмных... Например, нужно провести водопровод... Впрочем, объяснять это человеку, знакомому только с водопроводом в Древнем Риме, право, невозможно, ибо там явно низшая степень развития человеческой цивилизации. Кесарю-кесарево, депутату – депутатово...

Итак, сменим тему. Набрёл в своих папках на подстрочники и некоторые черновики переложений тибулловских элегий. Где другие, из-за ремонта ума не приложу. Кажется, эта нравилась Полякову – риску:

К Неере

*Я жесток лишь к тебе, в малодушье довольствуюсь тем, что имею,
Чем пресыщен – терплю и раскаиваюсь без стыда:
Боль и скорбь разрушают, даже сильная воля слабеет –
От тоски по единственной я не уйду никуда.
О последнем молю: когда вспыхнет костёр погребальный,
И душа отлетит, и обуглится тело в огне,
Пусть допустят тебя в одеянье печальном
Как супруга оплакать, взывая ко мне.
Я тогда буду знать, как прощальный обряд завершился,
Две любимых руки что от праха осталось возьмут,
Многолетним обрызнут вином, а затем, молоком окропляя,
Полотняную тканью, как будто сосуд, оботрут
И под мрамор кладут. Не случайно друзья начертали
На фронтоне о вечном для любящих зле:*

*«Здесь положен Лигдам. Умер он от любви и печали,
От разлуки с любимой, всего лишь одной на земле».*

Заметили, что, несмотря на то, что я ввёл рифму, осложнил предложенный Вами подстрочник другим мотивом? Недостатки налицо: не совсем обусловленные сокращения, несовершенная ритмика. Но главное, как я убедился: кроме добросовестного подстрочника, необходим хороший латинско-русский словарь. Какой бы ни был подстрочник, его определения гипнотизируют, ограничивают в поисках адекватных решений.

Холодно вато дома: газ-то я не провёл, лишь получил пакет документов; жгу электричество. А надо бы заняться Марком Щегловым (помните, был в конце пятидесятых годов такой замечательный юный критик, рано умерший?). Щеглов блистательно сокрушил «Русский лес» Леонова⁴⁹. Ради того, чтобы понять логику этого критика, я потрудился перечитать ещё два романа Леонова – «Вор» и «Дорога на океан». Любопытная получается картина!

А в общем, будьте здоровы и благополучны, подружка.

*Ваш К.
18.01.08.*

11

«Дорогая Лара!» – говорит чувство. Разум поправляет: «Здравствуйте, уважаемая Лариса Михайловна!» Пока Вы переводите с латинского все 254 диалога Петрарки, появляются апокрифы. Вот 255-й! Войдёт ли он в канон? Не знаю, не знаю.

Боже мой! Неужели 10 лет со дня ухода Олега? Не верится. Он жив, пока мы живы. Каюсь, что я не переложил толком строки Лигдама, потому что под текстом подразумевались: Олег – Лигдам, Лариса – Неера; мне показалось так по избранным Вами элегиям. К ним я ещё вернусь, остались ещё две.

Таким обращением на листочке из школьной тетради в косую линейку, оставшейся от начальных классов, я начинал и начинал письмо, но обстоятельства останавливали. Приезжала супруга, потом прислала Гришу, чтобы он выкопал мой дом из-под снега (сугробы в мой рост!). А ещё нужно топить печку два раза в сутки. Работает и масляный обогреватель, набирая до 1200 квт в месяц. Никуда не денешься: водопровод, вновь введённый, следует сохранить, а новостройка холодная. Борюсь за газификацию, хожу по инстанциям. Ругаюсь как сапожник, что не в моих привычках; на следующий день мне совестно.

Писать ничего не пишу. Читать стал много. Из новинок интересное «Евангелие от Иисуса» Жозе Сарамаго⁵⁰, португальского писателя, недавнего нобелевского лауреата. Невольно соотносил с булгаков-

⁴⁹ Леонов Леонид Максимович (1899–1994), советский писатель.

⁵⁰ Сарамаго Жозе родился в 1922 году, португальский писатель, автор романа «Евангелие от Иисуса».

ским романом. Множество евангельских сюжетов, жизнь Иерусалима и Древней Иудеи, семья Христа, родственники, рыбаки, ученики (...) есть и Дьявол – пастырь и пастух. Карательные экспедиции римлян. Казни.

По существу, герой максимально приближен к человеческому состоянию. Видимо, это – судя по аннотации – и вызвало раздражение католической церкви и даже скандал. Для меня главным оказалось другое: форма. Она и есть содержание. Новая художественная структура с иным синтаксисом в передаче диалогов и внутренней речи, симфония повествования с явным влиянием Достоевского. Перевод хороший.

Остальное чтение – *plusquamperfectum*, перечитывал Тынянова, Бахтина, Эйхенбаума⁵¹, отчасти эссеистическую прозу Лидии Гинзбург⁵², любимого филолога, которой у меня много здесь, если не всё... Почитываю «Литгазету», стихотворные подборки. Странно: фото-портреты лысых, усатых, мордастых мужиков – и как не стыдно так писать, нечто дискредитирующее поэзию вообще. Новость только Иосиф Бродский, у меня на полке он – полный, в нескольких томах, в издании Пушкинского дома, и с прозой вместе. Но я давно его читаю. Тут эпигоны невозможны.

С кем общался? Вы правы, утрата Полякова для города невосполнима. Да и близких людей у меня нет. Есть одна дама – приятельница преклонного возраста; распиваю с нею чай, стал знать немало её возрастных подруг: кое-кто из администрации, педагоги, директор здешней школы, ещё некая кандидат философских наук с неудачной женской судьбой, и прочее. Не буду жаловаться. Благодаря этому обществу, с его самодовольными и непререкаемыми мнениями и суждениями, столь присущими провинции, я стал знать жизнь города, в котором последние годы редко бывал. Самая неинтересная и бестолковая группа – это чиновники, коих тут много, как и везде. Культурной жизни никакой. Летом, слава Богу, снова наедут художники, студенты Строгановского и Суриковского училищ вместе с преподавателями.

Посылаю Вам – для дня рождения – один из рисунков Полякова, нечто из хвалынских видов. Можете вставить в крохотную рамку. Своеобразный.

10.02.08.
Ваш К.

Дорогая Лариса Михайловна!

Обстоятельства задержки опуса объяснит Вам Лариса; были и личные трудности с писанием, недели стояла проблема доставки и т. д. Посылаю третий вариант, хотя и он меня не устраивает.

⁵¹ Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975), литературовед и теоретик искусства; Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959), теоретик литературы.

⁵² Гинзбург Лидия Яковлевна (1902–1990), литературовед.

Второй раз прочитал Даниила Андреева⁵³, и вот о чём я думаю: нет у меня сомнения в том, что Андреев – это человек чистейший и честнейший, с тонкой, удивительно тонкой (тончайшей) душевной организацией, одарённый ею с детства. Если принять во внимание тяжелейшие условия его очень короткой жизни, то веришь, что потусторонние видения его посещали (а может быть, и мозг реально давал тот ресурс, который нами, грешными, не может использоваться). В это я серьёзно уверовал, когда второй раз (и внимательно!!!) прочитал «Розу Мира», может быть, столь же серьёзно, как и Олег. Тем не менее я сознательно избежал всей Андреевской терминологии и подчеркнул смысл Олеговской работы лишь двумя словами: «талантливая интерпретация».

Ещё хотел добавить: с Олегом мы чем-то схожи, оба начинали как технари (я, скажем, по начальной учёбе в автодорожном институте и как авиатехник – на службе в армии), оба вернулись к гуманитарному знанию, и всё-таки, предполагаю, и с Олеговой стороны, остались реалистами и материалистами. Это и ставит свою печать и на наше понимание «Розы Мира». Оно у меня, кстати, иное, чем у Олега, но я не стал об этом распространяться.

На одно замечание я, конечно, здесь, в письме, отважусь.

Во-первых, в «Мифе о планетарном космосе» автор приводит огромное количество цитат, особенно во второй части, однако цитаты непозволительно велики по объёму (каждая в отдельности) и критической оценки не подразумевают.

Во-вторых, верность суждений отдельных авторов крайне сомнительна. Например, та же пресловутая Блаватская⁵⁴, к которой Олег относится с почтением, перед смертью признавалась, что многое в «Тайной доктрине» просто навывдумывала, и это достоверный факт.

Ну, и так далее.

Так что примите эти замечания взамен трёх строк точек, какие я оставил в рукописи.

А в общем, я по своей привычке множить варианты на днях берусь за четвёртую редакцию своей рукописи и за всякие воспоминания.

Надеюсь увидеть Вас летом. Приезжайте.

Чмок-чмок.

14.12.11.
Ваш К.

(Публикация подготовлена А.М. Лукьяновой.)

⁵³ Андреев Даниил Леонидович (1906–1959), русский поэт; автор сочинения «Роза Мира».

⁵⁴ Блаватская Елена Петровна (1831–1891), русская писательница и теософ.

**Елена
МАШУКОВА**

ПРИМЕТЫ РОДИНЫ МОЕЙ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Поют поля. Весёлым взглядом
Свой первый день встречает лето.
Ещё никем он не разгадан,
Ещё на всех хватает света.

Ещё не выгорели краски,
Ещё не помутнели воды,
Ещё не омрачила сказки
Шальная пляска непогоды.

Ивняк резные свесил плети.
Янтарный шмель качает клевер.
И только облака да ветер
Торопятся домой, на север.

КРЫЛЬЯ

На снегу, на песке, на доске,
на вуали трёхдневной пыли,
на окошке замёрзшем в сквер –
тень светящихся полусфер

-
- Елена Анатольевна Машукова родилась в 1963 году в Орле. Училась в Орловском государственном педагогическом институте, продолжила обучение в Южно-Сахалинском педагогическом институте, который окончила в 1984 году. С 2012 года живёт в Орле. Автор книг стихотворений «На горячих крыльях» (2000), «Икебана из одуванчиков» (2003), «Лунница» (2008), «Рисунок на ладони» (2013), детской повести (в соавторстве с С. Голубевой) «Приключения Ромашки, или Тайна деревянной лошадки» (2014) и ряда литературоведческих статей. Произведения публиковались в журналах «День и ночь», «Дальний Восток», «Подъём», альманахе «Орёл литературный», литературно-художественных сборниках «Остров», «Сахалин» и др. Лауреат премии Сахалинского фонда культуры за вклад в развитие культуры Сахалинской области (2000), региональной литературной премии им. А. А. Фета (Курск, 2013), Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2014). Член Союза писателей России.

я тебе нарисую –
крылья
распахнутые,
чтобы цвели,
поднимали, парили, вели,
реяли,
воздухоплыли,
от темноты укрыли,
от любопытных глаз,
от неискренних фраз,
от грохота города –
до свечения в вышине –
к тишине.
Чтобы в час роковой –
спасли.
Чтобы вместе с тобой –
росли.

***

Десять минут до осени...
В кронах – эхо Россини
Плещется жёлто-синим
Пламенем будущей озими,
Полощется под колёсами,
В поле играет колосьями
Ветра горячая сила
За десять минут до осени,
За десять минут до выдоха,
За десять минут до выхода
Из ласкового в ледяное:
Прижали к сердцу – и бросили..
А мы не считаем времени,
Верим в миры параллельные,
Хлопаем пылью дороги,
Вприпрыжку бежим по просеке, –
За десять минут до осени
На Землю спускаются боги.

***

Белый камешек с Края Земли
Согласился стать талисманом.
Бьётся сердце его океаном,
А по венам бегут корабли.
Неприметный, у всех на виду,
Он таким переполнен светом,
Что легко морскую звезду
Превращает в звезду-планету.
Он такие дарует сны
И такие напевы помнит,
Что весенним вихрем наполнит
Вдох и выдох каждой струны.

На разломах небесных плит
Он любую беду переспорит.
Ждёт тебя на Краю Земли
Белый камешек с берега моря.

ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО

Так смотрит зимний день
через ледышки окон,
сквозь пропасти зрачков –
в нас –
    параллельный мир.
Так смотрит на людей,
с крючка сорвавшись, окунь,
на дачных светлячков
взирает ювелир.
В горсти твердеет снег,
чтобы истечь водицей.
Вновь на исходе год.
Но нам ли выбирать?
Теперь легенда – век,
в котором смысл – родиться,
и стал привычным тот,
в котором – воскресать,
чтоб в новый круг войти
под солнцем оловянным
солдатиком, из тьмы
упавшим в лабиринт,
и душу обрести,
оставшись безымянным.
Пока наивен мир.
Пока огонь горит.

***

На берегу рассвета
ветрено. Облачных башен
флюгеры медленно тают
в синих оазисах крыш,
запутался в прядях древесных,
шуршит журавлик бумажный,
а трепет трав лукоморных
то серебрист, то рыж.

На берегу заката
пустынно, но не тоскливо.
Можно сложить из листьев
костёр, из веток – шалаш,
из тишины – диадему.
На белый песок залива
ложится и тает в море
след невесомый наш.

ПЕРЕКРЁСТОК

Верно, спуталось время. Ты сегодня не спишь...
На каком перекрёстке в темноте ты стоишь?
И надеешься: где-то над зелёным прудом
Есть просторный и тёплый
твой бревенчатый дом.
В нём распахнуты ставни, есть и печка, и стол,
Пахнет ветром кедровым в светлой горнице пол.
Рушники, занавески, а в углу – образа,
Словно век утомился, оглянулся назад.
Сочно падают вишни сладким жаром в ладонь.
Станет грустно – сыграешь (есть под лавкой гармонь).
Тени дум не тревожат, и на сердце легко,
Если вдруг занеможешь – грей в печи молоко.

Осыпаются блёстки, обрамляя камыш...
На каком перекрёстке в темноте ты стоишь?
Может, спутались даты? Может, жизнь не твоя?
В непостроенной хате не раздуешь огня.

ЗИМНИЕ ОКРАИНЫ

Кристалльно-нордический окрик окраины ранит,
Под тяжестью инея гнутся, кряхтя, провода,
И так неожиданны яркие вспышки гераней
Сквозь мутную толщу оконного тёмного льда.

Лилейные думы, подобно волшебным растениям,
Над стылыми крышами вьются, творя полусвет,
А время крадёт по скользким, скрипучим ступеням –
Колючей позёмке не вытравить угольный след.

Становится зримым, молочно клубится дыхание.
Старик закурил и глядит из-под белых ресниц.
И пёс рыжеухий, зевнув, упоённо обляял
Величье холодное высокомерных столиц.

С ГОРЫ НА ЛЫЖАХ

Как радостно с горы катиться,
Разбрызгивать осколки льдин,
Как сладко сердцу колотиться
И замирать на миг в груди!

Слились в потоке декораций,
Мелькают мимо, мимо, вверх
Пеньки, дубки, кусты акаций
И падающий с ёлок снег.

Морозцем обжигает щёки.
Весь из невидимых пружин,
Скользишь непостижимо лёгкий,
Беспечным счастьем одержим...

Склон дальше повернёт в распадок
По снежным далям колесить,
И бесконечно жаль, что надо
Когда-нибудь затормозить.

ЗИМНИЙ КОСТЁР

Когда на дровах заискрится
Живая, текучая медь –
Прищуриться и сквозь ресницы
На острое пламя смотреть.
На злые, шипящие стрелки
В оправе вечернего льда:
На кобальтовой тарелке
Танцует морская звезда.
Мелькающий, жадный, быстрый,
Рассержен осиный рой –
Взметнутся слепящие искры
В туманность за «чёрной дырой»,
В седые, горбатые льдины,
Во тьму, над которой дымы
Неслышно и неотвратимо
Медведем встают на дыбы.

***

Приметы родины моей:
Уютность сонных деревушек,
Пустые звонницы церквей,
Глаза запавшие старушек.
За чёрной слякотью дорог
Грачи клюют каракуль пашни,
И еле видимый парок
Плывёт над ними.
День вчерашний
В озёрной глади отражён,
И долго слышен от колодца
Ведёрно-бабий перезвон.
И много,
очень много
солнца.

**Виктор
САЗЫКИН**

МИЛЫЙ ПАНЯ И ДРУГИЕ

повесть

Окончание. Начало в №№ 5–6 2015

Старший племянник Саньки Бонякова, Олег, служил в морской пехоте. Очевидно, за смуглую кожу, кучерявость и высокий рост его с юности прозвали Кубинцем. С некоторой досадой Боняков вспоминал, как однажды в шутейной схватке племянник чуть не вырубил его, Саньку, мастера спорта по боксу... М-да, возраст. А главное, всё это произошло при «молодухе», Санькиной любовнице Милице.

Олег тогда только что пришёл из армии. Смуглый красавец под два метра ростом, в чёрной униформе, тельняшке и в чёрном берете на кучерявой голове – кого-то напоминал он Саньке... Но кого?

У дядьки как раз были деньги – в обеденный перерыв на стройке он сорвал хороший куш в картишки, поэтому пригласил племянника в ресторан. «Дядёк, ты мне, в натуре, за отца был! – не сильно пьянея, хотя пил много, бил себя в грудь кулачищем племянник. – Я помню, ты учил меня: левой – по корпусу, правой – вразрез!..» Из ресторана рванули к «молодухе» – на хату, как любил по-блатному выражаться Боняков. Предварительно по инициативе лихого морпеха они немного пошалили, то есть слегка отутюжили в ресторане двух не понравившихся им лиц нерусской национальности, разбили зеркало и посуду. Но морпех небрежно расплатился (деньжонки у него, оказывается, тоже были), прихватили с собой ещё каких-то двух разбитных девиц, взяли такси и покатали.

● Виктор Алексеевич Сазыкин родился в 1956 году. Окончил Пензенский сельскохозяйственный институт. Учился на Высших литературных курсах при Литературном институте имени А.М. Горького. Член Союза писателей России. Живёт в Пензе.

И зачем только Санька приволок Олега к Милице, да ещё с девками? С того самого дня как-то и стали ломаться отношения с любовьюницей, всё реже и реже он стал заглядывать к ней. Конечно, была и другая причина. Однако надлом случился именно в тот роковой день.

Загуляли они с Олежкой что надо! Двадцатидвухлетний дембель, и вправду как будто не пьяневший от водки и дорвавшийся до девок «без комплексов» («Мы без комплексов!») – хохотали они за пьяным столиком и вешались на морпеха), не стеснялся ни дядьки, ни хозяйки. Более того, он и саму хозяйку, Милицу, уже не раз и не два весьма откровенно погладил по окатанному задку, так что Саньку это стало доставать. «Ну, сейчас посмотрим, что ты из себя представляешь...» – с тайным вызовом подумал он и, тоже не так чтобы сильно опьяневший, решил по привычке проверить племянника на силёнку. До армии он легко тянул его на руку. Взялись и сейчас. И, как ни странно, молодец-морпех и теперь не смог одолеть вроде бы постаревшего и подсохшего дядьку – вышла ничья. Дядька вдохновился ещё более и вызвал племянника во двор – «так, слегка помахаться». Ресторанные девицы захлопали в ладоши и осыпали бойцов поцелуями, причём одна решила болеть за морпеха, другая – за бывшего боксёра. Милица, правда, просила не устраивать драку. «Да мы так, поиграем», – самоуверенно отговаривались оба.

Вышли во двор. Стали финтить и кружиться друг возле друга, изредка нанося лёгкие удары, больше по корпусу. Длиннорукий племянник не подпускал всё ещё ловкого дядьку-боксёра в ближний бой, но Санька так-таки сумел пару раз хорошо достать морского пехотинца, и тот стал сосредоточенно звереть. Всё чаще удары его здоровенных рук обрушивались на Санькины предплечья, точно вывернутые из уключин оглобли. Боняков тоже стал менее игрив и наконец, сойдясь поближе, в полную силу пустил свою правую в голову племяннику, и вроде бы не специально, но попал в висок, и морской пехотинец зашатался, как царский опричник Кирибеевич, и наверняка, будь этот бой на ринге или на жестокой улице, Санька добил бы противника, но сейчас он снисходительно лишь оттолкнул от себя племянника и дал ему прийти в себя. Бывший боксёр не ожидал, что здоровяк морпех после его удара так скоро очухается. А тот и вправду встряхнул воронёной головой и вдруг в вихревом прыжке так звезданул дядьку ногой в грудь, что Боняков киношно отлетел на несколько метров и треснулся башкой о забор. Он тоже не потерял сознание, но встать почему-то никак не мог, будто с подъёмного крана сорвалась и упала на грудь ему железобетонная плита, придавила-обездвижила (однажды был он свидетелем такого случая на стройке). Возле него уже хлопотали Милица и деваха-болельщица, а племянник героем стоял напротив, поодаль, и кривовато ухмылялся, дескать, больше ты мне, дядёк, не учитель; ну, извини, что переборщил.

С трудом подняли женщины поверженного, ввели в дом, хотели положить на кровать, но Санька, перемогая какую-то слабость и тупую боль в груди, сел за стол, с бессильной досадой глядя исподлобья на пьющего и с аппетитом закусывающего племянника-победи-

теля. Попив-поев, Олежек утёр вывернутые красные губы, встал как ни в чём не бывало, отыскал взглядом свой чёрный берет, набекренил, обнял девчонок: «Пора и честь знать, крошки мои. А ты, дядёк, как, останешься?» – с явной ухмылкой спросил Саньку, не ожидая ответа, а уходя, опять так ласково погладил, сволочь, Милицу по попке...

Домой Александр вернулся поздно ночью, жене Людмиле сказал, что зашибся на стройке, отлёживался в вагончике, про стычку с племянником – ни слова.

С тех пор Боняков несколько и недолюбливает его. Но всё равно вроде как и любит.

В отсутствие собственных сыновей (а он так хотел, чтобы у него были свои сыновья!) он как будто действительно любил Олега и Ромку, пытался воспитывать их мужиками, особенно когда отец их, Иван, стал чахнуть после Чернобыля, а потом и совсем загнулся. Тут и жизнь началась чёрт знает какая! Чернобыльцам – ни лекарств, ни хорошей пенсии... Сестра Валентина на двух работах замосталась, пацаны хулиганить начали. Хорошо, он, Санька Боняков, несостоявшийся олимпиец, устроился работать сначала мясником в гастрономе, а потом заведующим складом в местном санатории. Кругом всеобщая нехватка, всё по талонам и по блату, а у него склад ломится и от продуктов, и от дефицитных товаров. Правда, чуть не залетел на серьёзный срок... Да, было дело, было.

Тогда, после неудавшейся спортивной карьеры, Александр на какое-то время впал, что называется, в депрессию: жил в деревне, не работал, сильно, правда, ещё не пьянствовал, но уже увлекался. Не столько мать Дарья Васильевна, сколько отец Павел Проккопьевич (уже больной-пребольной – сказались фронтовые раны, инвалидность, извечная работа и непрестанные магарычи) укорял сына и просил, требовал, чтобы Санька взялся за ум, то есть, чтобы женился, как и полагается в его возрасте, завёл детей, стал работать, иначе грозился проклясть неслушника. Санька любил отца, уважал, да и сам был не настолько дурак и слабак, чтобы не взять себя в руки. Надоело ему и с немолодой продавщицей-разведёнкой «*вожжаться*», как выражалась мать Дарья Васильевна. «Нашёл с кем! – укоряла она сына обычно в присутствии дочери Валентины или старшего, Николая, со снохой Татьяной, которые, как правило, вместе приезжали из города навестить Чертозелье, заодно поживиться родительскими прибавками к своему оскудевшему городскому столу и нищенской зарплате (отец и мать, несмотря на возраст и болезни, всё ещё держали скот, птицу, огород сорок соток и с пенсии подкидывали детям деньжонок). – Ей, Тоське-продавщице, сколько годов-то? За сорок ведь! Она тебе в матери годится, а ты с ней вожжаешься». Санька, наклонившись к брату, чтоб не слышали женщины, с ухмылкой шепчет: «...ровесников не ищет». Николай смущённо покачивает головой. Зато Валентина, догадываясь, над чем ухмыляется братец, закипает кипятком: «Сашка! Ты же дурак, идиот! Ты посмотри на себя в зеркало: у тебя же харя-то какая! В тебя же любая девка влюбится! А ты связался... И не стыд-

но тебе?» «Санёк, – подаёт голос с печи отец (он теперь и в летнее время греет там старые больные кости), – прошу тебя, за ради Христа: женись, дай напоследок на сыновней свадьбе погулять, уважь отца, помру же скоро. А то проклянута, растудыт-твою!..» «Ну, понёс и с Дона, и с моря», – ворчит Дарья Васильевна. «Мать, – на жалобный тон переходит Павел Прокопьевич, – уговори ты его. И... налей мне полстаканчика». «Ты и так уж выпил», – сердится старуха. «Душа мёрзнет, и тело всё ноет. Знать, шабаш скоро, капут Милому Пане, отвоевался». «Валентина, подай отцу», – говорит Дарья Васильевна. Дочь наливает неполный стаканчик водки: «Ой, папаня, ты, наверно, и в переднем углу лежать будешь, а захочешь выпить, и из гроба встанешь, насмерть всех перепугаешь», – Валентина тихо смеётся собственному воображению. Улыбаются и остальные. Старик, выпив, мусолит огурец. «Как припевает Польшка Стёпкина, – говорит он несколько бодрее, – пей здесь, пей тут, – на том свете шиш дадут. Эх, отпил, видать, отгулял, залётный. Санёк, – громче обращается он к сыну, – знаешь присказку про женитьбу?» «Ну, сейчас сморозит чего не след», – машет рукой Дарья Васильевна. «Ежели молоденьку взять, – начинает старик, – значит, пропасть; перестарку полюбить – сухую корку жевать; а чужую отбить – самому в дураках ходить». «И на ком тогда жениться?» – чуть ли не в один голос спрашивают мать и дочь. «А ни на ком пушай не женится, – укладываясь на печи, отвечает старик, – ну вас всех... к жеребьячьей оглобле!» Женщины смущены и возмущены. Николай и Санька смеются. Но младший вдруг решительно встаёт и идёт в переднюю избу, достаёт из шифоньера чистое бельё и костюм, переодевается, старательно причёсывает тёмные, густые, волнистые волосы, выходит на кухню – стройный и красивый. «Ты куда?» – опешив, спрашивает сестра. Сноха Татьяна молчаливо любит на молодого деверя: её Николай не столь хорош, как этот (она хоть и тихая, но в тихом озере черти водятся). «На Кудыкину гору, – сдержанно смеётся Санька. – Жениться пойду, раз отец просит!» «На продавщице?» – как бы ахает сестра. «Доставили вы меня с этой продавщицей! – Санька наливает себе водки, выпивает. – Сейчас в райцентр поеду. Встречу первую же шмару, понравится – и привезу вам. Женюсь!» Он выходит, ему как-то зло-весело. «Теперь нам только шмар не хватает! – слышится вдогонку голос сестры. – Весь чумной в папаню».

А Санька и вправду решил завтра же, пока сестра с братом и невесткой не уехали в город, привести в дом невесту. Ну, конечно же, никакую не «шмару», это он так, для словца брякнул, просто он почувствовал, что сегодня же непременно найдёт себе хорошую девчонку.

И озорное чутьё не подвело его.

В райцентре, на автовокзале, он увидел, со спины, высокого, не очень широкоплечего, но прямого и крепкого, как хорошо протёсанное бревно, солдата-краснопогонника, старшину по званию. «Внутренние войска, – с некоторой неприязнью подумал Боняков. – Либо в отпуск, либо на дембель». Но когда тот повернулся лицом, оба вмиг

признали друг друга. Это был Толька Воронов, дружок его из соседнего села, из Чернявки. В городе, пока армия не развела их, они тесно корешились: гуляли с девчонками, ходили в кино и на танцы. Правда, Саньке, по серьёзному счёту, не до этого было, потому что – спорт, спорт и ещё раз спорт! Всю юность он этому посвятил. Но и без известных радостей и шалостей юность не бывает. И Санька урывал их в компании друзей, среди которых в первую очередь были Толька Воронов и Ян Лактионов. А познакомился с ними очень интересно.

Александр Боняков среди сурградских боксёров уже был тогда знаменитостью. Формально он заканчивал строительный техникум, хотя фактически учиться почти не учился, зачёты и экзамены ему ставили автоматически, как замечательному спортсмену – честь и слава учебного заведения! Характером он тоже был неплох: сдержан, спокоен, хотя внутренне вспыльчив и горяч. Однако никогда и нигде драк не затевал и, будучи отличным боксёром, ни перед кем не задавался, не выпендривался. Так учил его и тренер, и отец Павел Прокопьевич, в детстве дававший ему простейшие боксёрские навыки. «Санёк, – обычно под хмельком внушал сыну одноногий фронтовик, – никогда не начинай драться первым. Но, если затронут, спуску не давай!» И Боняков-младший чаще всего и следовал этим правилам. Но однажды вот что случилось.

Как-то на тренировку в боксёрский зал зашли приклатнённого вида два парня (было это незадолго до окончания техникума, перед тем как Саньке пойти в армию): один длинный, кудрявый, чермяный, немного расхлябанный; другой пониже, стройный, женственно-красивый, но в глазах – нехорошее спокойствие, непредсказуемость. Посторонних тренер обычно не пускал. Но эти, пошептавшись о чём-то с ним, просидели всю тренировку, не спуская глаз именно с Саньки, который попеременно боксировал то с тенью, то с партнёрами, то долбил мешок или грушу. Под конец парни опять подошли к тренеру и опять о чём-то убедительно в сторонке поговорили с ним. «Всё на сегодня!» – объявил тренер спортсменам, но попросил не расходиться. Подозвал к себе Бонякова и, суховаато усмехнувшись, сказал, кивнув на парней: «Ты их знаешь?» Санька пожал плечами. «Говорят, земляки твои». «Мы из Чернявки, Санёк», – панибратски подтвердил кудрявый. Село это действительно было неподалёку от Чертозелья, километрах в восьми, но, в отличие от других окрестных сёл, общение с его жителями издревле было не очень интенсивным: просёлочные пути-дороги географически как-то не пересекались, коллективно-хозяйственная жизнь тоже, потому и браки почти не заключались, разве что в городе чернявские и чертозельские парни и девушки иногда знакомились. «Ну и что?» – спросил Боняков. «Да вот, Саша, – опять с улыбочкой пояснил тренер, – этот парень, – кивнул на красавчика, – хочет провести с тобой спарринг, пятиминутку без перерыва». «Из какого он общества?» – спросил Санька у тренера. «А не из какого». Боняков несколько удивился, с интересом посмотрел на красавчика: в спокойствии того чувствовалась какая-то упругая сила духа. «Да мы вот с корешем поспорили, – кивнул невысо-

кий на длинного, — что не только раунд, но и за пять минут ты меня не вырубишь. Идёт?» Санька снова посмотрел вопрошающе на тренера — тот улыбался веселее. «И на что же вы поспорили?» — с внутренней злостью спросил Боняков. «Да на бутылку водки, — осклабил белые крепкие зубы кудрявый-чермяный. — Ну что, слабо?». А стройный красавчик смотрел на Саньку всё так же спокойно и уверенно. Молча пободались непродолжительными взглядами. «Пойдём!» — кивнул Боняков в сторону ринга, с твёрдым намерением не то что за пять и даже не за три минуты вырубить наглеца, но сейчас же, за несколько секунд, во всяком случае, не более чем за минуту.

Тренер самолично забинтовал руки Санькиному сопернику, надел перчатки. То же сделали Саньке его друзья. И началось. О, как утюжил он чувака, как гонял по рингу! Впрочем, сказать, что «гонял», пожалуй, неверно: парень, как ни странно, не очень-то бегал от него. Какими-то не вполне боксёрскими увёртками он достаточно ловко ускользал от быстрых, как выстрел, выпадов Бонякова и даже сам умудрялся достать соперника. И удар у него был тоже хлесткий как кнут. И всё же спортивная выучка оказалась сильнее природной ловкости. И Санька в последние секунды уже с каким-то остервенением молотил красавчика и тем не менее никак — ну, никак! — не мог не то что вырубить, а даже ни разу не послал в нокдаун. «Всё, бой закончен!» — возвестил тренер, щёлкнув секундомером, и с нескрываемым уважением посмотрел на парня: настоящий боец-самородок! А Саньке было досадно. И ещё немного стыдно. Ему подумалось, что он избивал землячка, явно не боксёра, как-то уж слишком жестоко, неправильно, колотил, будто мешок с опилками в детстве на проулке. «Приходи заниматься», — сказал тренер парню. Тот ничего не ответил. Длинный хмыкнул. Оба ушли.

А через пару дней встретили Бонякова по пути на тренировку, будто выследили. «Здорово, зёма!» — протянул руку длинный, и ладонь у него оказалась шире лопаты. У красавчика же — небольшая, но, сразу чувствуется, очень цепкая и сильная, и лицо, кстати, недавно весьма измордованное, было чисто, свежо, без ссадин. «Как на собаке зажило», — малость удивился Санька. «Ты чего же так безжалостно земляка-то метелил?» — с усмешкой начал странный разговор кудрявый. «А кто первый напросился?» — Санька внутренне приготовился к драке. «Да это мы так, — отмахнулся тот. — Давай знакомиться: меня Толяном зовут». «А меня — Ян», — как бы с неохотой сказал красавчик. «Вообще-то вы с ним тёзки, он тоже — Санька. Вы чем-то даже похожи», — добавил Толян. «Перестань, — спокойно-приказным тоном сказал другу назвавшийся Яном. — Тут вот какое дело, браток, — каким-то особенным тоном заговорил он с Санькой. — Мы с Толяном живём в Заводском районе, на квартире в частном доме. — Он немного помолчал. — Местные пацаны буреть стали. Толяну месяц назад рёбра помяли», — Ян еле заметно улыбнулся. «Ну, я тоже в долгу не остался», — длинный показал свой широченный кулачище. «Только почему-то ты теперь с Маринкой в парк не ходишь, — опять улыбнулся Ян. — Короче, тёзка... — Он, как и тогда, перед спаррингом, спокойно и твёрдо посмотрел в глаза Бонякову. — Мы к тебе за помощью, по-землячески:

надо поставить эту шушеру на место. Я пару раз пером отмахнулся, чуточку зацепил одного... Но так и в тюрюгу залететь можно». Он то ли с презрением, то ли с отвращением сплюнул сквозь зубы. «А от меня-то чего вы хотите?» – Санька пытался догадаться, во что хотят втянуть его эти «землячки». «Послушай, браток, – Ян мягким движением взял боксёра под локоть, – я ведь не ради кайфа схлестнулся с тобой на ринге». «Поближе познакомиться хотел», – хмыкнул Толян. «Помолчи, – снова коротко урезонил его Ян. И опять к Бонякову: – Короче, потренируй нас с Толяном малёк, а потом...» – «Да приходите в секцию и тренируйтесь». «Ты не совсем ещё врубился, зёма», – снова вмешался кудрявый-чермяный Толян. «Увянь, говорю! – резче оборвал его Ян. – Короче так: ты немного потренируешь нас, точнее, потренируемся вместе, все втроем, спина к спине, а потом в парке встретимся с ними – их человек десять, не больше – и устроим им козью морду. Идёт? Не бойся, мы их отделаем! Мы им покажем, кто в доме хозяин!» В его вроде бы спокойных глазах горел какой-то страшный огонёк, но это почему-то и взвеселило Бонякова. «Ну вы даёте, земляки!» «Ну что, согласен?» – Толян почувствовал его настроение. «Только без поножовщины», – чуть подумав, сказал Санька. «Замётано», – парни засмеялись. А Ян, отступив на шаг, почти неуловимым движением выхватил из кармана именно нож, демонстративно щёлкнул выкидным лезвием. «А это – на крайняк». – «Я же сказал: без поножовщины». – «Я пошутил, тёзка, всё сделаем чики-чики».

Договорились, что Боняков, когда у него нетренировочные дни, будет приходить к ним: у хозяйки, где жили парни, двор небольшой, но чистенький и огорожен высоким глухим забором, там и будут тренироваться.

Вот это всё и вспомнилось Александру, когда он увидел на вокзале высокого, крепкого детину – Толяна. Вспомнил, как и в самом деле отметили они заводскую шпану, как безжалостно добивали неуспевших убежать, как ходили потом, что называется, в полный рост по Комсомольскому парку и местные пацаны шарахались от них и как, наконец, натравили те на удалую тройцу какого-то уголовного авторитета и Ян чуть не зарезал урку. И кто знает, чем всё это ухарство закончилось бы – парни явно вошли во вкус, – не подоспей к этому времени очередной армейский призыв. Санька Боняков оказался в спортроте, Толян – в частях МВД, а Ян, как выяснилось, угодил в Афганистан, а после...

Боняков и Воронов обнялись, перекинулись парой весёлых фраз и направились в «Чайную», неподалёку от автовокзала, отметить встречу.

«Чайная» кипела от пива и портвейна. На краснопогонника косились: не любили их в советское время, как и всю милицию. «Ты хотя бы переделся в гражданское, что ли, краснопёрый», – заметил ему Санька. Толян нисколько не смутился и не обиделся. «Пусть привыкают, – сказал он и ещё более выпрямился бревном. – Мне теперь без мундира нельзя: я ведь сверхсрочником остался. А через полгода – в школу милиции. Потом вернусь сюда, и вся шпана у меня по струнке ходить будет», – весело осклабился он и тотчас пустился

вспоминать про то самое, как три года назад они в Заводском районе сами шишку держали. Заодно рассказал про армию. Кстати, упомянул про Яна: возвращаясь из Афганистана, тот кого-то избил в поезде, из штатских, за оскорбление («Ты же знаешь, какой он: ему всё нипочём!») Дали ему три года, теперь сидит. Ворон с ним переписывался сначала, а потом переписка как-то прервалась...

Поговорили про армейскую дедовщину. Оказывается, даже во внутренних войсках («Не везде, не везде – я расспрашивал», – уточнял Толян) порядки порой зверские. «Меня деды тоже хотели заставить, чтобы я воротнички им подшивал, чтобы шестерил перед ними, ну и так далее. Я сразу послал их куда надо. Один раз после отбоя поднимают: «Пойдём в умывальник». Ну пойдём, думаю. Зашли, я сразу встал спиной к стенке, один рыпнулся – я как вneider ему снизу апперкотом и сразу прямым двойным в носопырник!.. Полчаса откачать не могли, и нос – в лепёшку, в госпитале, говорят, по косточкам собирали, а потом и совсем комиссовали. Наверно, мне бы – дисбат. Но тут как раз кампания по борьбе с дедовщиной началась. Замполит вызвал: мол, молчок, и всё. А через год даже старшиной поставил. У меня сейчас батальон лучший в части. Короче, месяц гуляю и возвращаюсь обратно, – закончил он и, узнав, что Санька, собственно, тоже вольный казак, предложил ему поехать в Чернявку: – Санёк, друган, гульнём на всю катушку!..»

А в самом деле, согласился Санька, гулять так гулять! Заодно попутно, может, и женимся. Санька помнил, зачем он поехал в райцентр.

К вечеру друзья уже были в Чернявке. Мать Толяна, как и в обычае у деревенских, при встрече с сыном плакала, а потом проворно засуетилась с закуской и выпивкой. А попозже вообще началась широкая гульба. Хозяин по-быстрому зарезал барана (Санька умело помогал разделявать тушу), женщины наварили селянки, появился заготовленный на этот случай самогон. Толян, так и не переодевшийся, носился по селу, приглашая на вечеринку родственников, друзей и подружек. Девчонок он всех называл невестами: «Невеста, приходи, не то обижусь. Кстати, у меня там такой жених из Чертозелья!»

«Жених» и вправду всем понравился, и одна из «невест», троюродная сестра Воронова, недавно окончившая медучилище, через месяц стала женой Саньки. Свадьбу сыграли перед самым отъездом старшины.

Скоро началась «перестройка». Офицер милиции Анатолий Воронов оказался в Фергане. И лишь спустя десять лет вернулся на родину. Вернулся седой, сильно постаревший и угрюмый. Судьба тоже не пожалела его, если не сказать вообще расправилась жестоко.

Времена уже были нехорошие, каша на окраинах империи круто заваривалась, и Москва направляла то туда, то сюда своих ментов-оперов – одних на время, других надолго. Воронова – на целых десять роковых лет. И сперва всё пошло было неплохо: освоился русак в нравственно-азиатских оазисах. К тому же, большой охотник до женщин, он умудрился жениться на дочери одного местного сослуживца, красавице учительнице Джамиле, таджичке («Знаешь, таджич-

ки – они красивее и туркменок, и узбечек», – много позже рассказывал он Бонякову). Такие браки у местных мусульман не поощрялись, но Ворон (это прозвище Толяна до армии – по фамилии и, похоже, за чернявость и крепкий, мужественный нос) сумел покорить не только сердце местной красавицы, но и её продвинутого отца. Без калыма, конечно, не обошлось, однако деньги у молодого следователя уже имелись, да и родители прислали. Свадьбу сыграли с восточным размахом. Скоро родился первенец. Но вот начались кровавые ферганские события, и всё обернулось трагедией: и мать, и малолетний сын были растерзаны уличной толпой – за что про что?..

Похоронив жену и сына, Воронов уехал в свои родные Сурские края. Как и принято у русских, от горя он полгода пил беспробудно, что-то натворил в родной деревне, чуть не попал под суд, но районное начальство отнеслось к несчастному с пониманием, его протрезвили, приободрили, взяли слово, что возьмёт себя в руки, посоветовали уехать в областной центр и позаботиться с устройством в органы МВД. А через несколько лет он стал участковым в том самом Пригородном посёлке, где жили все Боняковы. Судьба.

Воронов держал своё слово крепко: спиртное больше в рот не брал, дело своё знал, был на хорошем счету у начальства. Местная шпана его побаивалась и вроде бы уважала. Но времена уже были далеко не советские, а замашки, привычки у Воронова остались азиатские, да и вся новая система приобрела далеко не лучшие черты. Он осторожно, но охотно брал с кого надо взятки и умело делился с кем надо. Оно бы и ничего, да бандюков развелось видимо-невидимо. Группировки росли, плодились, враждовали, распадалась и вновь соединялись. Менялись лидеры: татары, русские, мордва. Участковый всех их знал. По мере сил придерживал от беспредела. Иногда проявлялся национализм в их среде. То татары ходят гордые, то в авторитеты пробьётся упрямый мордвин, то русские возьмут верх. Но в общем как-то ладили. Стычки случались серьёзные, но до резни ещё не доходило, пока в Пригородном не наметили открыть достаточно крупный рыночный центр, за который уже заранее и началась драка.

Воронов через стукачей и шестёрок знал подноготный мир преступных группировок. На крышевание претендовали главным образом сурградские воры и спортсмены вместе с татарской группировкой. Они то мирно сосуществовали, разделив сферы влияния, то вновь начинали разборки между собой. И тех, и других через соответствующие структуры контролировало высокое начальство. Но протуберанцы завихрились неожиданным образом с появлением братьев Стремаковых, которые сколотили из разрозненных местных шаек дисциплинированную группировку и не только полностью стали контролировать Пригородный, но и проявлять претензии на контроль будущего рыночного центра здесь (геодезисты уже разметили стройплощадку, а торговцы шмотками и продуктами неподалёку развернули свои палатки). Хотя формально лидером ещё считался татарин Равиль Чёрный, но заправилами были братья Стремаковы – Кубинец и Тесак.

Всё это знал не только участковый Пригородного – по долгу службы, но и Санька Боняков – от племянников. Да и вообще все эти местные бандюжата выросли на его глазах. Тот же Равиль, с детства друживший с его племянниками. Хороший парень, Саньку уважал: они, татары, вообще к старшим лучше относятся, чем русские. Саньке это было по душе.

Не раз пил он с ними водку, и бакланы-хулиганы хвалились ему: «Дядя Саня, если кто наедет, только свистни...» «Да я сам ещё на уши любого поставлю!» – хвалился он тоже. И они уважали его как отличного в прошлом боксёра и почти как отца братьев Стремаковых.

Иногда Боняков видел их скопом в местном, недавно поспешно отремонтированном соборе – и русских, и татар, и мордву, и какого-то здоровенного хохла. Зайдут кодлой, накупят свечей, зажгут и молча, угрюмо стоят или чему-либо ухмыляются. Или сдержанно гоготнут, когда пройдёт мимо них, дымя кадиллом, отец Семён (Ферапонтов) – среднего возраста, с проседью в аккуратно подстриженной бороде, тоже почему-то всегда угрюмый (это про него говорили, что он в опале у церковного начальства и служит здесь временно): «Может, тебя, батюшка, в штат взять – молиться за нас будешь? Га-га-га!» Священник не отвечал. Только однажды остановился возле ощерившегося татарина Равиля и спросил: «Ты ведь мусульманин?» «Мусульманин», – горделиво выправился тот. «А чего же сюда, а не в городскую мечеть ходишь?» «Туда далеко, а Бог один», – продолжал ухмыляться Равиль. «Ну, тогда давай я тебя окрещу». – «Ёк-ёк (нет-нет), я – татар-бала (то есть татарин)». И нарочито благочестиво сделал традиционный жест ладонями у лица. «Ну, как хочешь. Только знай, татар-бала, в рай свой с гуриями ты не попадёшь». И священник устало пошёл дальше кадить по храму. Татарин с внезапной тоской и злостью посмотрел ему в спину. Дружки подсмеивались над ним и небрежно кидали на поднос церковной старушке мятые купюры. Наблюдавшему эту сцену Бонякову отчего-то тоже сделалось тоскливо. Он редко захаживал сюда, но всё же бывал, обычно мимоходом, и то если под хмельком, потому что именно в таком состоянии иногда вдруг накатывала на него очистительная тоска, влекущая к Богу.

Однажды шёл он от «молодухи». Ночь была пьяная, шальная, скандальная. Утром Санька похмелился, а Милица не вовремя опять что-то ему сказала не то, Боняков закатил ей оплеуху и ушёл. Ему и домой не хотелось (Людмила будет молча укорять его, дочь Юлька язвительно посматривать, ухмыляться и презрительно не отвечать на его элементарные вопросы), и никуда ему не хотелось – в душе зияла какая-то дыра... Разве что взять бутылку – и к участковому, к другу, к Толяну зайти? Но тот не пьёт, а пить одному Саньке не хотелось. Вот и подвернулась церковь.

Народу было мало. Санька встал в дальний правый угол, где и вовсе никого не было, напротив распятого Христа. Он только раз и перекрестился. Стоял, как бы ни о чём не думая. Но душа почему-то набухла слезами, как полевая лощина подснежными вешними водами,

чтобы хлынуть мутным ручьём в речное раздолье. И Санька заплакал. Стоял и молча плакал. И сквозь слёзы ничего не видел, даже Распятие... Только мало-помалу то место, где было Распятие, стало как бы высвечиваться, и всё ярче, ярче... И тут то ли отец ему вспомнился, Павел Прокопьевич, то ли ещё что, но захотелось вдруг нестерпимо произнести вслух именно это слово – *отец*. «Отец, Отец!» – проговорил он, чувствуя слёзное сияние души, и относилось это *слово* уже не к его отцу, потому что... потому что увидел он воочию, как шёл к нему... шёл к нему с видом упрёка и прощения Сам Бог-Отец.. Но тут тронула сбоку за плечо Саньку пожилая женщина (он и не заметил, как она к нему подошла): «Сынок, наверное, и вправду веришь, если зовёшь *Ego* и плачешь?» Санька тихо кивнул, ещё немного постоял и, утерев слёзы, вышел из храма.

Потом как-то встретились мы с ним в Чертозелье, друзья прошедших дней. Я, как обычно, приезжал навестить старенькую мать, а он – уже могилки своих родителей. Взяли вина, закуску и вдвоём ушли на Окшу. Долго сидели на холодном берегу под высоким небом, жгли костёр, как в детстве, и о многом говорили. Вернее, преимущественно говорил он (я больше слушал), рассказывал и о своём славном спортивном прошлом, и о том, как чуть не вlepили ему срок «за хищение социалистической собственности», и про «молодуху», которая обещала ему родить сына и даже забеременела от него, и он бесстыдно говорил жене Людмиле: «Ну и пусть родит, возьму к себе, будешь водить его в садик, а я сделаю из него настоящего мужика, чемпиона». На что Людмила беззлобно стыдила: «Дурак ты старый и бессовестный». Но молодуха сделала аборт, и Санька её возненавидел, хотя по-прежнему захаживает к ней. Рассказал он мне и о видении в церкви. И когда рассказывал про церковь, глаза его были влажные, тёплые, грустные. Хотел было я возразить невоцерковлённому человеку, дескать, не всякое видение *истинно*, но подумал: а кто знает...

С тех пор мы больше не встречались, да и раньше – редко-редко.

***

На стройке мужики в перерывах или от безделья обыкновенно играют в карты. У Бонякова было особое чутьё при игре. Каким-то образом он умел просчитывать комбинации и даже знал несколько шулерских приёмов, но пользовался ими редко. Ну, если нужно обчистить какого-нибудь лоха, тогда пожалуйста. В карты он научился играть ещё в детстве. Телевизоров в Чертозелье почти не было – два-три на всё село, а зимние вечера долгие-предолгие. Сельчане по-соседски, по симпатиям, по возрасту и полу обычно собирались тут и там на этакие посиделки и нередко играли кто в лото, кто в карты, ставя на кон по копейке. Взрослые мужики и парни иногда жарились по-крупному (разумеется, по деревенским меркам) – аж до десятков рублей доходило! Любил Санька играть, когда жил у Андрониковых. В гости к ним частенько захаживал старый приятель их, чертозелец Оська Рыжий, «связка колхозный» – как презрительно за глаза называл его дядя Андрон. Это был один из той самой

компании, про которую рассказывал Санькин отец Павел Прокопьевич и которая по стовору продала и пропила новенькую колхозную упряжь, ну и поплатилась за эту аферу приличными сроками. Рыжий Оська отсидел за пару хомутов целых шесть лет, в Чертозелъе больше не вернулся, пристроился опять работать по торгово-кооперативной части в райцентре, неплохо обжился, купил домишко на соседней улице с Андрониковыми и по старой деревенской привычке частенько вечерами навещал земляков. Тётка Таша не любила его, «этого рыжего чёрта». Он всегда приходил с бормотухой и со своими ехидными шуточками. «Глянь на меня – сто рублей с тебя», – любимая была поговорка его (это ещё с тех пор, когда рыжий Оська – иначе в Чертозелъе его и не звали – работал продавцом в ларьке и ловко обдуривал малограмотных сельчан). Он и тут, когда соблазнял Саньку сыграть в карты под малый интерес – на щелбаны, на «ку-ка-ре-ку», на лай из-под стола, – старался как-нибудь обмануть пацана. Тётка не одобряла карты (насмотрелась, как резались урки-шахтёры в Воркуте и на курортах), но терпела и даже сама иной раз, за компанию, садилась играть с мужчинами в дурака. Санька и потом, когда стал спортсменом и много ездил на всяческие соревнования, всегда прихватывал с собой картишки, ловко втягивая тоже «под интерес» товарищей: у того выигрывает кеды, у этого – спортивную майку... Он и на стройке умел тонко подбить какого-нибудь олуха сесть сыграть в очко или свару. А если проигравшийся не имел возможности или не желал расплатиться – горе ему. Боняков давно усвоил и придерживался правила: карточный долг – дело святое. На стройке уже знали его нором. Если он не в духе вскинет взгляд на не понравившегося ему человека (особенно если сам подвыпивши), то трусливому становится не по себе, а кто посмелее, и того хуже: драка будет непременно, а поскольку он всё-таки был хорошим боксёром с нокаутирующим ударом, то схватка, как правило, заканчивалась жестоким избивением противника. Впрочем, не на всякого смельчака поднимал свою руку бывший панчер: у него было какое-то волчье чутьё, с кем можно схлестнуться, а кого лучше не трогать, если даже тот и слабее. Ещё он с некоторым уважением относился к мужчинам своего поколения, и особенно кто постарше. Но молодняк, «щеглов», считал, при первом же случае надо «ставить на уши, чтоб уважали». Причём предварительно подойдёт, нацелит устрашающе свой странный палец-коготь в глаз «щеглу»: «Выкогчу!» – прошипит. За это и прозвали его – Санька Коготь.

Коготь у него и вправду был несколько странен, если не ужасен. Дело в том, что ещё в молодости, когда он женился и сразу стал строить дом в Пригородном посёлке, строгал он доски на самодельном электрическом станке, и рука сорвалась... Отхватило ему ноготь правого мизинца. Сцепив зубы, он крепко замотал палец чистой тряпкой, залез в подпол, где стоял приготовленный для стройки самогон, выпил кружку и лёг спать, не ужиная. Ночью вставал ещё пару раз, но ни разу не застонал, и жена Людмила только на следующий день узнала про палец, но пойти в больницу так и не смогла его уговорить. Со временем на месте обрубка, очевидно, из оставшегося ног-

тевого корешка стало расти нечто и в самом деле похожее на коготь, и Боняков долгое время всегда старательно срезал несуразный отросток. Но когда попал под следствие «за хищение социалистической собственности», будучи завскладом, и немного посидел в тюрьме, то заметил, что иные из блатных специально, то ли для шика, то ли из каких других соображений, отпускают на одном из мизинцев длинный ноготь. Позже Санька, сначала так, ради забавы, стал отращивать своего уродца, аккуратно обтачивая его напильником, а потом как-то привык, и жена Людмила привыкла, и дочурке Юльке коготь стал забавой («У-у-у, закогчу сейчас мою маленькую!» – баловался он с малышкой), а главное, коготь придавал ему какой-то боевой и блатной азарт. «Глаз выкогчу!» – иногда свирепел он перед хорошей дракой. А драться ему теперь хотелось всё чаще и чаще. «Посадят тебя, дурака, когда-нибудь! – узнав об очередном безобразии брата, ругала его сестра Валентина. – Или не был там? Господи, да что ж вы такие непутёвые все!» – восклицала с горьким чувством, скорее уже имея в виду своих сыновей, Ромку и Олега. В ответ Санька иногда отгрызался: «Надоели вы мне все!» – и кичился, дескать, ни тюрьмы, ни зоны он не страшится. Но это обычно под хмельком. А на трезвую голову ему всегда было стыдно. Но поделаться с собой ничего не мог.

Временами в уме он проигрывал ситуацию: что бы с ним стало, не расстанься он с Маргаритой? Ах, Маргарита Семёновна, где ты теперь? Какими делами ворочаешь? С какими бандитами и аферистами якшаешься? Может, и надо было: или грудь в крестах, или голова в кустах?.. А может, и нет тебя уже в живых? Может, прикарманила ты во время весёлой неразберихи какой-нибудь московский рестораник или лечебный санаторий с помощью наёмных захватчиков, а тебя потом более ловкие ребята и убрали? И меня бы заодно ухайдакали, окажись я в липкой твоей системе... Эх, Рита-Маргарита!

В конце восьмидесятых он устроился завскладом. Устроился при таких обстоятельствах.

Молодой и красивый, с замашками крутого парня, при удобном случае, то есть когда появлялись в кармане лишние деньги, Санька любил шикануть в ресторане либо с женой Людмилой (она в молодости очень хороша была собой, и Саньке это льстило), либо с друзьями, а то и с молодыми бабцами со стороны.

Однажды оказался он за столиком в одной компашке, где тон задавала сорокалетняя, полнотелая, восточного вида красавица. Несколько мужчин, от седовласого до угодливого мальчика лет двадцати пяти, были к ней чрезвычайно внимательны и, казалось, готовы были удовлетворить каждый её каприз: то обслуживающему официанту новые блюда с апломбом закажут, то вокально-инструментальному ансамблю с небрежным вознаграждением – какую-нибудь песню. Другие дамы из компании, все пышные, в возрасте, тоже явно хотели угодить ей. Она же не то чтобы бесцеремонно обращалась с ними, но заметно повелевала. При этом водочку опрокидывала в ротик регулярно, но не пьянела, а лишь разгоралась. На медленный танец приглашали её поочерёдно то степенный седовласый, то угодливый мальчик, оде-

тый во всё фирменное. Под заразительные популярные песни компания выскакивала единой толпой и лихо отплясывала в центре зала. Под какую-то традиционную полуцыганскую плясовую, уже под закрытие ресторана, в их круге оказался и достаточно захмелевший Санька. Перед тем он уже не раз со своего конца стола переглянулся с разгорячённой повелительницей, а тут под цыганщину оба они и проявили завидный темперамент, выделявая друг перед другом такие выкрутасы, что все пляшущие невольно расступились, определив им особое пространство и статус как бы лучших танцоров. Так что за столик они вернулись в обнимку, и Маргарита Семёновна («Кому – Маргарита Семёновна, – кокетливо знакомясь, сказала она Саньке, – а для вас – Рита») не отпускала Саньку до самого конца. Более того, он оказался в её номере, причём без всяких административных препон (гостиница была в том же здании, что и ресторан, но работали известные советские правила, в частности, посторонним после одиннадцати ночи быть в гостиничных номерах запрещалось). И оба понравились друг другу: Саньке – её пышность, темперамент и бесстыдство в постели, Рите – его напор и тоже некая сексуальная раскрепощённость. «Мы, что же, первый год замужем, что ли?» – грубовато говорил он ей под утро на её ласковый шёпот: «Ах ты мой сладенький мальчишечка, да ты у меня вон какой развратник!» «Мальчишечкой» Санька себя не считал, а вот по её намёкам понял, что угодливый мальчик в ресторане был приглашён для неё специально (любит она это дело с молоденькими), но мальчик не совсем пришёлся ей по душе. Понравился Санька. Понравилось, как он хищно поглядывал на неё за столом. «А женщины любят, когда вот так – страстно и бесцеремонно! – хотят её, не зная ещё, доступна она или нет», – говорила Рита в перерывах, когда, накувыркавшись, оба отдыхали. А под утро она предложила ему... быть её постоянным другом, поскольку она теперь частенько будет приезжать из Москвы инспектировать кое-кого в этом захолустье.

Бонякову в то время перешагнуло чуть за тридцать. Он был в прекрасной физической форме, силен, красив, нагловат. Он рассказал ей, что когда-то серьёзно занимался спортом, выигрывал престижные соревнования, мог бы стать чемпионом... А вот теперь работает простым грузчиком и рубщиком мяса в гастрономе. Навар, конечно, бывает, но... Она задумалась. Потом предложила устроить его заведующим складом на одно хорошее местечко. И, смеясь, рассказала ему бородатый анекдот, как старый еврей Моня тоже устраивался завскладом. При этом его предупредили, что оклад у него будет всего лишь девяносто рублей. «Как, мне ещё и оклад будут платить?!» – закончила Рита с замечательным одесским выговором.

Местечко это в пору всеобщего дефицита окажется «золотым дном», а финансовую проверку регулярно будет проводить Маргарита Семёновна, московский ревизор. «И не всё-то в порядке бывает у здешних ребятюшек, – нежно говорила она, – но, учитывая хорошее обхождение с дамами, мы делаем им снисхождение. Разве я не права, Сашулечка? Так что соглашайся, золотой мой». И «Сашулечка» согласился.

О, поворочал он потом, точнее, поворочали они с Маргаритой потом делишками! Пошиковали в ресторанах! Не стояла жена Люд-

мила в бесконечных очередях. И семья овдовевшей сестры Валентины не впала в нищету благодаря Саньке, пережила паскудное время всеобщей нехватки самого необходимого. Потом Санька пристроил сестру поварихой в санаторную столовую, благодаря чему благополучно пережили они и ещё более паскудные девяностые годы. Валентина до сих пор там и работает. А вот пацанов, Олега и Ромку, так и не уберегли, хотя Санька вроде как и за отца им был, и строг, и в мужских разговорах поучал, предостерегая: «Лучше кусочек чёрного хлеба с простым салом на воле, чем на зоне – чёрную икру ложкой». Так когда-то приговаривал покойный дядя Андрон, царство ему небесное. Действительно, Санька не учил плохому племянников. С удовольствием боксировал с пацанами. И весь спортивный инвентарь, какой надо, купил им. Тайно надеялся, что если не из Ромки, то из длиннорукого Олега наверняка отличный боксёр получится. Но скоро заметил, что чисто спортивных пристрастий у братьев нет: они просто учатся драться и не более того. И уже стали доходить слухи до дядьки, что племянники шалят на улице, уже пошли повестки из милиции... Да, вроде, не учил плохому Санька Олега и Ромку, да вот только сам-то стоял на пороге тюрьмы, куда потом так-таки и угодил.

Хотя и прикрывала его махинации Маргарита Семёновна, но там, где можно украсть одному, всегда найдутся и другие желающие. Ну, и драчка неизбежна. Потом разбойное время перестройки обнажит российское рвачество до предела. Но Боняков к тому времени уже успеет слегка обжечься на воровстве государственной собственности. Да какое там воровство по сравнению с тем, что началось несколько позже! По сути, ничего он себе не нажил, не наворовал. Как была у него подержанная «копейка», так на ней и ездил, пока по пьянке прав не лишили, а потом продал за бесценок. Пил, гулял во всю ширь русской природы – да, это было! На этом отчасти и погорел.

Опротивело ему «обслуживать» ещё более раздобревшую москвичку (да и Людмила, зная о его похождениях, грозилась развестись, а у них уже была дочь), и постоянное пьянство надоело, и голову ломать он устал, как понадежнее скрыть то недочету на складе, то, хуже того, излишки – всё надоело! Маргарите в последний её приезд со злостью отказал «в услуге». Зелёному, но очень уж наглому обэхэсснику, который потребовал с него больше, чем Санька обычно отстёгивал ему, набил морду, и тот сдал его. Про морду, правда, не заикнулся, но «нарушения» предъявил, и Бонякова взяли под следствие. Кстати, обэхэссник был не кто иной, как тот самый угодливый мальчик из ресторана, некогда предназначенный для фининспектора Маргариты Семёновны в качестве сексуального наложника (тогда он был ещё лишь внештатником ОБХСС). Однако оскорбившего её Саньку она всё же постаралась, по возможности, вытащить из следственных клещей. Дали ему всего два года «химии». Срок отбывал «влёгкую», в соседнем райцентре, по выходным приезжая в семью. Разок инкогнито нагрянула к нему в общагу и Маргарита. Поворковала с дежурным, чтоб отметил, что Боняков на обязательной проверке присутствовал, сняла номер в местной гостини-

це, и сутки они провели как в лучшие былые времена. И расстались по-доброму, хотя и грустно.

Она говорила ему, что «скоро, Саша, начнётся такое, что и в страшном сне не приснится!» «И что же такое начнётся?» – не понимал он. И Маргарита подробно, будто кто таинственно посвятил её, рассказывала, как будут рвать страну на части пираньи всех мастей; огромные богатства будут переходить из одних рук в другие; начнутся бандитизм и беспредел, и тогда военные возьмут власть в свои руки, найдётся свой Пиночет, если не новый Сталин... О Сталине она говорила с каким-то священным ужасом. «Но время будет весёлое, – оптимистично закончила она. – Наше время, Саша! Держись за меня».

Всё потом так и случилось, как в воду глядела. Кроме Сталина и Пиночета. Бонякова же освободили досрочно по несуразной причине: статья о хищении социалистической собственности после краха системы вдруг стала недействительной. Но с Маргаритой Семёновой Санька больше так и не захотел встречаться (разочек она позволила ему на домашний телефон – Санька вежливо попрощался с ней, и ша!). Не тюрьма, не «химия» напугали его – душа нагулялась, намаялась и стала остывать. Но на остывших местах, как зелень плесени, стали проступать злость и какая-то обида на жизнь. Но жить-то как-то надо. Он чувствовал ответственность и за свою семью, и за семью овдовевшей сестры. Он снова взял себя в руки и кое-как приноровился к проклятым годам «реформ». Даже умудрился дать дочери высшее образование. Но душа уже катилась куда-то под откос.

В пятницу, после аванса, ехал он со стройки домой. Перед тем крепко выпил с мужиками в бытовке. Как всегда, завёл разговоры о мужской смелости, силе, сноровке, вызвал потянуться на руку молодого здоровяка, недавно устроившегося на стройку подсобником, но с нагловатыми замашками на лидерство, легко завалил его, похлопал по щеке, полушутя ткнул ему в живот и сделал пару финтов возле физиономии, тем самым и дал понять тридцатилетнему «щеглу», кто здесь главный. Расстались, впрочем, вполне дружески, хотя настроение неуловимым образом подпортилось у всех. И он это почувствовал, и ему самому сделалось немного неприятно, но вместе с тем внутренне и взвинтило его. Уже на остановке он выискивал, к кому бы прицепиться ещё.

Когда уже ехал в маршрутке, напротив сел парень – рослый, плечистый, свежерумяный, но всё же, на опытный взгляд, рыхловатый, хотя, чувствуется, тоже с гонором. Ещё эта бабья косичка на затылке, эти наушники, эта жвачка... Жвачка особенно раздражала Бонякова. Чего они её жуют? Ладно бы дети. В детстве и они, деревенские пацаны и девчонки, с удовольствием жевали пахучую чёрную смолу, потом с трудом отковыривая её от зубов. Но то в детстве, а эти же... Вот он какой осёл-переросток вымахал и сидит жуёт, жуёт, как телёнок. А ведь пару раз на турнике, уверен, подтянуться не сможет. Тогда как он, Санёк (Боняков любил и вслух, и в уме называть себя *Саньком* – так звал его покойный отец Павел Прокопьевич), в его годы каждое утро подтягивался по сотне раз, долбил боксёрский мешок,

пока не взмокнет, поэтому и тренер лишь за него одного из секции ходил в военкомат просить, чтобы взяли в спортроту. А потом чуть не попал на Олимпиаду. Оттуда и наколка.

Впрочем, это уже после он сделал, на память. Санька тогда раздражительный был, после отборочных: не прошёл, не повезло. Хотя все шансы были: удар отменный (не зря его сравнивали со знаменитым Попенченко), на ногах лёгкий, быстрый, и спортивной злости хоть отбавляй. Но в характеристике уже стояла пометочка, что был задержан за хулиганство и чуть не попал под следствие... Да и врачи выявили у него что-то неладное со зрением – и Саньку списали. Ладно бы проиграл, зато остался бы в памяти друзей, родственников и сельчан как участник великих состязаний. А то ведь *списали*. Теперь он вроде как и не боксёр, не боец, и даже физически неполноценный парень. По селу пустили слух, будто у Бонякова-младшего что-то с головой, «отстучали», мол, головушку-то. На самом деле ничего серьёзного со здоровьем у него не случилось. Просто врачи перестраховались. Но олимпийской славы, к которой Санёк готовил себя с детства, уже не видать ему как собственных ушей. Он мог бы продолжать заниматься спортом, мог бы стать каким-нибудь другим чемпионом, потом работать тренером и вырастить своего олимпийца. Но ему самому хотелось взойти на высший пьедестал почёта – только самому и только на олимпийский. И когда срезали его в полёте к цели, сила души как-то разом сникла, но разгорелись в ней несуразные злость и обида! А ещё этот обременительный стыд... Стыд перед сельчанами и, прежде всего, перед отцом – фронтовиком, разведчиком. Это он учил сына первым боксёрским приёмам, он поставил ему на проулке турник и сшил из кожаных доскутов от колхозных хомутов первый в деревне боксёрский мешок и перчатки: тренируйся, щенок, мужиком будь, а не бабой!

«А эти косички отпустили и жвачку жуют, как телята», – Александр перекошил бровь и недобро зыркнул на парня напротив. Тот сидел, откинувшись на спинку сиденья, широко расставив колени, двигал челюстями туда-сюда и, закрывши глаза, слушал не слышимую другим музыку. «Интересно, что он там слушает?» – со злостью думал Боняков, и ему невольно воображался известный певец, знаменитый своей нетрадиционной сексуальной ориентацией. «Педерасты стали знамениты больше, чем олимпийские чемпионы», – думал он, с ненавистью, исподлобья глядя на парня, выуживая из памяти имена знаменитых «голубых» певцов. Чего он ноги-то перед ним раскорячил, как баба, тоже, что ли, «голубой», или его, Саньку, за такого принимает?

На очередной остановке стала выходить пожилая женщина с сумками и попросила парня убрать ноги, дать ей пройти. Тот неохотно убрал, но женщина нечаянно зацепила его сумкой. Парень вполголоса выматерился. Но опять закрыл глаза, откинулся на спинку, выдвинул раскинутые ноги, невольно касаясь Санькиных колен.

– Слушай, чувак, – Боняков похлопал парня по коленке, – ты чего на пожилых женщин выражаешься? Тебя в школе этому учили? Или

у тебя папа крутой? И вообще, ты чего передо мной ноги раскинул, как шлюха!

Колени Бонякова стояли между длинных ног парня, и Санька, резко раздвинув свои, с силой ударил колени долговязого. Тот несколько опешил, на секунду перестал жевать жвачку, снял наушники и оценивающе уставился на Саньку.

– Ты чего, мужик, нарываешься, что ли?

Ему показалось, неказистый с виду, далеко не молодой мужичок не представляет ничего внушительного. Ни спортивная майка, ни спортивная сумка, которым Санька по старой памяти предпочитал всё остальное (они сравнительно молодили его), ни наколка – густо-лиловый олимпийский факел на предплечье, а главное, ни этот настырный, звериный взгляд не насторожили, похоже, парня.

– Ты чего? – повторил парень без особого, впрочем, вызова.

Боняков краем глаза увидел в окошко, что они подъезжают к остановке, где ему надо пересаживаться.

– Пойдём выйдем, – сказал он парню, уже заранее зная, как он его вырубит.

– Да пойдём, если хочешь, – ответил тот, тоже кинув взгляд за шторку – очевидно, и ему надо было выходить.

Вышли. Санёк огляделся. Улица была достаточно многолюдная, но можно было завернуть за угол дома, а там частный сектор, прохожих мало.

– Пойдём, пойдём, – придерживая левой рукой сумку на плече, отчего малость кособочась, направился он за угол.

Чуть сутуленький, рослому парню он показался даже жалким и стареньким, такого и бить-то, пожалуй, зорно. Но раз напрашивается мужик... Однако только завернули за угол, бывший *ударник* с такой резкостью с разворота саданул ему по корпусу, что тот сразу рухнул на колени, будто бычок у забойной сохи. С презрением Санёк ткнул его подошвой кроссовки и свалил на выщербленный тротуар. По-прежнему придерживая сумку, он ухватил парня за косичку, поднял его, упёр глаза в глаза, как учил его тренер перед боем, потом нацелил коготь: «Выкогчу сейчас!» – и с силой ударил губами о вывороченный бордюрный камень. Кровь брызнула ему на джинсы, и он с отвращением отёрнул ногу и отпустил косичку парня. И как-то враз почувствовал себя хмельным, усталым и удовлетворённым. Его даже закачало. Но он тут же пришёл в себя, мгновенно огляделся – нет никого – и упругой, звериной рысцей пустился к своей остановке, на ходу вытирая носовым платком бурые пятна на джинсах, взял такси и поехал «к молодухе». С женой Людмилой, которая была ему ровесницей, но теперь как-то неестественно растолстела и состарилась, он уже почти не спал, но знал, что никогда и ни за что не бросит её, не променяет ни на какую молодуху, потому что Людмила любит его, потому что всю жизнь ему верна была и простила ему все его безобразия. Ну а что до «молодухи»... У него и отец был такой, полдеревни баб перелюбил, несмотря на то, что с фронта вернулся без ноги. Ох, мать и настрадалась с ним!

***

«Молодуха» Милица, лет двадцати пяти красавица, появилась в Пригородном года три назад. Поселковые сразу прозвали её Цыганкой – смуглая, яркогубая, пышноволосяя. Может, и текла в ней цыганская кровь, но говорила она о себе, что наполовину русская, наполовину молдаванка. Из Молдовы они с матерью и приехали сюда. Беженцы беженцами, но явно с деньжонками. Сразу купили себе в посёлке, на отшибе, поближе к заповедному лесочку, этаким небольшой недостроенный особнячок в псевдорусском стиле с аляповатыми дверными и оконными арками и башенкой в виде остроконечного колпака. Раньше здесь, возле пригородного лесного массива, ни поселковым, ни дачникам-горожанам строиться не разрешалось. Однако наступили хищные времена, и некий новоиспечённый нувориш сумел пробить себе заповедный участок – поближе к ягодам, грибам и озону. Со взгорочка приземистый особнячок в смешном колпаке теперь взирал на посёлок как бы несколько свысока. К нему уже наметилась наезженная дорога, которую, по слухам, скоро должны были асфальтировать за счёт местного бюджета. Но не успелось. И всласть пожить нуворишу не пришлось, и табличку, как мечталось: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ВХОД ЗАПРЕЩЁН!» – поставить на опушке леса не удалось, и само строительство особнячка не завершилось, ибо дефолт девяносто восьмого подчистую разорил спекулятивный бизнес торгового дельца. А скоро он и вообще невесть куда пропал. Через какое-то время в рекламной газете «Из первых рук» появилось объявление: «Срочно продаётся коттедж в п. Пригородный, недостроенный, недорого, участок 10 соток, рядом лес, ягоды, азон» – так и было написано: *азон*, через «а». На это объявление и наткнулись беженцы из Молдавии. Деньжонок у них хватило и на покупку недвижимости, и на завершение новостроя.

На работу Милица устраиваться не спешила (да и куда?) и никаким мешочным бизнесом (Турция, Китай, Черкизово) пока не занималась, хотя по ухваткам явно была из этой категории: у себя на родине вроде бы промышляла мелкой контрабандой сигарет из России в Польшу через Украину и Приднестровье, но Санька подозревал, что Милица грешила чем-то более серьёзным – не наркотиками ли?.. Тем не менее без суеты оформляла она гражданство себе, а матери-старухе (да не так чтобы та была старухой – не более пятидесяти) – пенсию, якобы по инвалидности, хотя «старуха» и по виду, и по темпераменту могла дать фору любой молодой.

Поскольку Цыганка частенько из Пригородного на автобусе ездила в город, а Александр каждый день туда же на работу, то вскоре он и познакомился с ней при случае, когда несколько молодых местных ребят – здоровые такие акселераты – попытались нагло пристать к смуглянке. Санька, конечно, встрял (по правде, это и не требовалось: смуглянка с уверенным презрением реагировала на приставания молокососов), дело до драки не дошло, пацаны ретировались, поскольку слышали про Бонякова, что он боксёр, а главное, знали про его племянников-бандюков...

Ну, а через пару дней под хмельком Санька и завалил под вечер к новосёлам, с вином, конфетами и цветами (нарвал у знакомых в саду).

Мать и дочь охотно устроили «заступнику» застолье (мать, кстати, потом уехала в Молдову, якобы за какими-то необходимыми справками-документами, и так до сих пор не вернулась). И домой Боняков пришёл только на следующий день к полудню.

Людмила хотя и беспокоилась за пропавшего мужа, но не так чтобы сильно, так как знала его выверты, знала про его супружескую неверность. Он и в молодости, хорош собой, изменял ей при всяком удобном случае. И сейчас, уже седой и выцветший, любит похорохориться перед молодыми девицами, иные из которых отвечают ему взаимностью... Скоро прознала она и про Цыганку, молодую любовницу. Видела её: красивая – такая любого прельстит, ведьма! И если мужа не бывает дома, значит, у неё. Да он, бесстыдный, и не скрывает этого. Одно лишь твёрдо знала – и верила! – Людмила: Саша никогда не бросит её! А одинокой старости она боялась больше всего. Дочь? Да что дочь!.. Нет уж, пусть бесстыжий гуляет, пусть выпивает, лишь бы не бросил. Хотя измучилась с ним, паразитом, донельзя. Потому давно и смирилась, только горько упрекала иной раз: «Дурак ты седой! Тебе сколько лет-то уже, а всё не угомонишься. Постыдился бы перед дочерью». «Перед этой? – говорил со злостью Санька. – Я ей свадьбу сыграл, думал, внука родит, а они – зад об зад и разбежались. Я ей теперь сыграю!» – грозился он.

Действительно, Юлька, красивая, своенравная, два года назад окончив финансовый институт, устроилась бухгалтером на хорошую работу, вышла замуж, но и полгода не прошло, как развелась с мужем. «Сколько денег на свадьбу угрохал!» – негодовал отец, а ещё больше досадовал, что дочь не родила ему долгожданного внука – то ли аборт, как и любовница его Милица, сделала, то ли предохранялась. «Курва, – подвыпивши, ругался он на дочь-разведёнку, – научили вас трахаться, а детей иметь не хотите. Вам волю, вам красивую жизнь подавай! Да я бы сам его вырастил, копейки с тебя не потребовал!..»

В самом деле, ему, Саньке Бонякову, всегда хотелось сына, но жена Людмила только и смогла родить одну дочь. Да и та лишь по барам шляться горазда и отцу дерзить, со злостью думал Александр.

Насчёт дерзости он был прав. Чем взрослее и независимее становилась дочь, тем непослушнее и стержознее делалась. Раньше как девушка, по сравнению с другими сверстницами, она всё же вела себя достаточно прилично. Но вышла замуж, развелась – и понеслось: и курить стала, и выпивать, и ночами напролёт «у подружки» – это обычный её ответ.

В предпоследний раз у отца с дочерью опять произошёл скандал, чуть не закончившийся трагедией.

Юлька заявила домой в воскресенье к полудню, явно всю ночь куrolесила в какой-то компании и, кажется, была ещё под хмельком.

– И где ты шлялась? – спросил отец, тоже слегка опохмелившийся после вчерашней гульбы на стройке.

– Да пошёл ты... – она выругалась матом.

Уж этого отец никак не ожидал от неё. Правда, он привык к тому, что современные девицы и с парнями, и между собой *обыкновенно* разговаривают матом. Да что там девицы – дети, школьницы и школьницы, не стыдясь, сквернословят не только между собой, но и при взрослых, словно так и надо! Юлька в своей комнате, когда приходили подружки, приносили пиво, врубали музыку, раскрепощались, рассказывая друг другу какие-то непристойные вещи за закрытой дверью, тоже иногда запускала матерком. Но чтобы *так* на отца, с такой злостью: «Да пошёл ты...» На одно мгновение у него всё как бы помутилось в голове... Не помня себя, схватил он кухонный нож со стола и, коротко размахнувшись, ударил сверху вниз, метя дочери в сердце. Но то ли она увернулась, то ли он подсознательно не хотел убить родное дитя, попал нож в плечо Юльке, и хорошо, что лезвие было шести-семи сантиметров (жена Людмила обыкновенно картошку им чистила, выковыривая «глазки»), так что рана оказалась нестрашной. Прибежавшая из залы на вскрик дочери мать торопливо, но умело оказала первую помощь ей, хотела тут же вызвать «скорую», но сначала позвонила участковому, Воронову, и тот сразу прибыл, однако настойчиво отговорил подавать заявление и потом даже сам привёз знакомого хирурга, так что Юльку и в больницу не пришлось отправлять. И никто про тот случай, по сути, не узнал, кроме близких родственников, которых посвятили, чтоб те оказали воспитательное воздействие на изверга. Но куда там!

– Он весь в отца пошёл. Вылитый папаня! – ругалась по этому поводу сестра Валентина, с одышкой держась за сердце. – Энтот, помню, в бане чуть нас заживо не спалил, и этот, гад, такой же!

– Дядя Саня, ты чего, в самом деле, в натуре, беспредельничаеть?.. – наезжали на него и племянники-бандюки, сыновья Валентины.

– Идите вы отсюда! А то опять возьму сейчас тесак... – неуверенно огрызался Санька.

На самом деле ему было и стыдно, и страшно: чуть не зарезал родную дочь! «Вот сволочь, вот сволочь!» – внутренне казнил он себя.

– Дядёк, – смеялся младший племянник Ромка, по кличке Тесак, – ты чего же дразнишься? Достать хочешь?

– Да пошли вы все... – Санька собирался и сам уходил... к «молодухе».

Ушёл и сегодня, хотя давно уже собирался завязать с ней. Но Милица всё ещё тянула его к себе. Собственно, и дочь отчасти поспособствовала тому, что отец снова оказался у любовницы. А дело было – как обычно.

Как обычно, Юлька пришла утром «от подружки». Отцовская отметина впрок не пошла ей. Рана уже зажила, остался небольшой шрам. И дочь на очередное его замечание опять что-то сдерзила ему. Слово за слово...

– У нас в роду таких не было! – оскорбил он Юльку.

– Что ты! – съязвила она. – А тётка Валя в молодости Олежку от святого духа, что ли, родила? Как будто мы не знаем. Тоже мне – святое семейство!

Александр опешил. В другой бы раз он просто прикрикнул на дочь, как, бывало, прикрикивал на домашних отец Павел Прокопьевич: «Ты у меня, курица, петухом не пой, не то я тебе перья-то повыщиплю!» Но теперь язык у него вдруг прищемило. Во-первых, никто и никогда не вспоминал о том, что Валентина и вправду неизвестно от кого родила Олега. Во всяком случае, Санька так и не добился *тогда* от неё признания, кто отец мальчонки (старший брат Николай, кажется, и вообще не пытался разузнать). Санька мысленно негодовал на сестру за то, что опозорила семью на всё село. Но вскоре Валентина вышла замуж за хорошего парня, и тот растил Олега как своего; и никто в родне никогда даже и не заикался, что мальчик *приёмный* у Ивана Стремакова. К несчастью, после Чернобыля недолго протянул Иван, а сыновья, Олег и Ромка, без отцовского надзора всё-таки подались в уличные бойцы, как ни старался удерживать их дядя Саня. Младший скоро за поножовщину попал на зону, старший тоже чуть не угодил туда же, но вовремя, по настоянию участкового Воронова, очутился в армии. Однако оба, вернувшись – один с зоны, другой со службы, – взялись за старое, хуже того, стали чистые бандиты. И вот теперь дочь Юлька в сердцах напомнила отцу забытую семейную тайну, забытый семейный позор.

– Он на кого похож-то, не видно, что ли? – выкрикивала дочь. – Участковый Воронов чего всё возле тёти Вали крутится? Помоложе, что ли, не найдёт себе? Ты вон находишь, а он – нет? Сыночка, видите ли, решил на старости лет воспитывать. А не поздно ли?

– Не понял? – наконец выдал из себя Александр. – Толян Воронов – Олежкин отец?!

– Отец, отец. Как две капли воды похоже.

Дочь зашла в свою комнату и закрылась на замок.

Александр, посидев одиноко в недоумении (Людмила была на работе), собрался и пошёл к сестре. Вот тебе раз: Воронов – отец Кубинца!

Сейчас ему не терпелось грубо отчесать сестру за то, что все эти годы она ему не говорила про Толяна. Да он и не расспрашивал её больше с того момента, когда, родившая Олежку, она свирепо отрезала: «И тебе не скажу, и никому не скажу! И не донимайте меня, а то завербуюсь и уеду отсюда куда глаза глядят». Санька знал характер сестры: если что задумает – не свернёшь! И больше про отцовство не спрашивал. И другим не рекомендовал, в том числе матери Дарье Васильевне, которая сперва устроила дочери выволочку со слезами, а потом кудахтала вокруг неё как курица-наседка. Больной отец на печи по поводу незаконной беременности дочери только вздыхал или безобидно подсмеивался: «Как *курушка*-то назовёшь? Олешкой назови – у нас в роду Олешков ещё не было; или Ольгой, ежели *курушка* родится. Помню, в госпитале сестричка была, Оленькой звали, ласковая такая. А красивая – ни в сказке сказать, ни пером описать!»

Назвала «курушка» Валентина именно Олегом. Несмотря на странный и порой даже неприятный характер отца Павла Прокопьевича, она любила его и обычно во всём слушалась. «Курыш» вымахал в двухметрового красавца. И вот папаней его оказался Толька Воро-

нов. «Ну и дела! Когда же это они успели снюхаться?» – думал дорогой к сестре Боняков. И вдруг догадался: на его же свадьбе! Выходит, когда Санька в брачную ночь распаковывал свою Людмилу, друг его Толян на сеновале распечатал его сестру Валентину? Помнится, утром, на другой день после свадьбы, когда по чертозельскому обычаю родственники невесты должны были прийти «искать ярку», то есть вечерашнюю невесту, которая, переодевшись из свадебного платья в платье поскромнее, должна была где-нибудь спрятаться во дворе жениха или у соседей, её, смеясь, повели на сеновал. И в этот момент оттуда, заправляя рубашку в брюки, не проспавшийся и почему-то немного смущённый, вышел Толян. Бабы ещё посмеялись над ним: «Сколько девок вчера было, чего же ни одну не уговорил с собой? Потискал бы». «Да меня вчера самого хоть тискай – не помню ничего», – весело ответил Толян. Санька тогда ещё подумал, что Ворон явно врёт. Толян был шафером на свадьбе, сидел рядом с ним, пил немного, слегка ухаживал за Валентиной, кажется, и танцевал с ней. Впрочем, танцевал он со многими... но, выходит, на сеновале-то в ту ночь кувыр-кался с сестрёнкой его. Ай да сестричка! Ай да Ворон! А потом тотчас и укатил, собака, и – ни слуху ни духу. Зато ровно через девять месяцев (Санька, вспоминая всё это, загибал, подсчитывая, пальцы: сентябрь, октябрь, ноябрь...) и родился... воронёнок. Ну и ну! «Сейчас я тебе, сестрёнка, устрою разборки», – шёл он и думал.

Но зазвонил мобильник. Отставив подальше телефон на вытянутой руке (в последние годы у него стало падать зрение), он прочитал адресат: «Ворон». «Ну, прямо в тему!» – ухмыльнулся Боняков.

– Да, братело, – на фамильярный лад ответил Санька, хотя с некоторых пор они обращались друг к другу посдержаннее, посуше, особенно участковый.

– Ты где сейчас, Александр? – явно торопясь, спросил тот.

– Да вот... – Санька, ухмыляясь, хотел как-нибудь иронично намекнуть на открывшееся родство... Но вдруг озлился и сказал: – Я к тебе иду. Потолковать надо.

– Меня нет дома, Александр. Но я скоро буду. Теперь слушай внимательно.

– Чё такое?

– Срочно иди к своей «молодухе»...

– Кому «молодуха», а кому... – ещё больше стал злиться Боняков. – Ты чего-то стал мне указывать, друган.

– Перестань. Дело очень серьёзное.

– Какое мне дело? Куда хочу, туда и иду.

– Саня, друг, прошу тебя, выслушай: дело касается...

– Да пошли вы все!..

Боняков отключил связь и какое-то время стоял в раздумье, куда пойти: к сестре – да чего теперь бузу тереть? К менту этому? Да пошёл он!.. «Молодуха, молодуха... Вот к ней и пойду!» – решил Боняков внезапно.

По грунтовке в лес на взгорочек этой стороной раньше редко кто ездил – из-за речушки-ручейка в три аршина шириной. Была объезд-

ная дорога. Но когда нувориш начал строительство коттеджа, через ручеёк в качестве моста были переброшены две старые железобетонные плиты. Однако новой дорогой никто почти так и не пользовался. На развилке к Милицыну особняку стоял самодельный съёмный шлагбаум – полосато выкрашенная выцветшей краской обыкновенная полуторадюймовая труба, которая периодически снималась, когда заезжали в особняк машины со стройматериалом, и с лязгом вновь водружалась, когда выезжали. Пока аляповатый коттедж стоял недостроенный и непроданный, дорога затянулась травкой, но с появлением новых хозяев опять приобрела нормальный вид, хотя мимо коттеджа всё равно редко кто проезжал: по-прежнему пользовались объездом.

Вот и сейчас за развилкой, за кустами Санька мимолётно обратил внимание на грязный задок старенького «Жигулёнка» с перебитым бампером. Где-то Санька видел этот «Жигуль»... «Кажется, кто-то из местных торгашей ездит. За маслятами, что ли, кто? Говорят, маслята в лесу полно. Надо бы сходить».

Боняков с детства любил ходить по грибы. Мать Дарья Васильевна была большая охотница, она-то и пристрастила сызмальства всех ребятишек к этому делу. Скопом, бывало, ходили в Чертоземье, в дальний, заречный лес. Мать знала его вдоль и поперёк (после войны сельские девки по наряду заготавливали бересклет, собирали шишки, участвовали в расчистке делянок и посадке саженцев), потому никогда и не заблудится в нём, поэтому и соседских ребятишек с лёгким сердцем отпускали с ней. Иные сельские, тоже заядлые грибники, кодлой-скопом обычно не ходили, тем более чужих с собой не брали. А Дарья же Васильевна, собираясь, обязательно соседских детишек, которые постарше, покличет: «Ну-ка, сорванцы, айда за грибами!» И места знала самые грибные. Иной раз, если год удавался урожайный, и отец Павел Прокопьевич тоже порывался пойти. Но куда ему на протезе! «Сиди уж, ходок», – мягко остужала его старая. «Эх, через пень тебя в хомут, – пьяненько досадовал отец, – где ты, моя ноженька? В Польше спишь-полёживаешь, собака растакая! Э-эх, был бы лес-то поближе! Да куда мне и вправду?!» Лес в Чертоземье и в самом деле был далековат. А тут, в Пригородном, – прямо под рукой, и Санька, невзирая на постоянные пьянки и работу, любил непременно ходить: в июне – за маслятами, а в августе–сентябре – за боровичками и груздями. А вот Милица к дарам природы, кажется, не проявляла никакого интереса.

За шлагбаумом (от основной грунтовки – полста метров до забора из листового профиля) дорога явно знала недавние колёса машин – значит, Милица опять что-то привозила...

Тронул калитку – не заперта (обычно хозяйка запирает, и приходится пользоваться кнопкой электрозвонка или мобильником, чтобы открыла).

Но только Санька вошёл во двор, как «молодуха» живо выскочила навстречу и встала так, точно не желала впускать его в дом.

– Ты чего с утра-то? – спросила резковато.

Тон её как-то особо чувствительно ранил его. Чуть исподлобья, внимательно посмотрел он на Милицу и решительно подумал:

уйду! Сегодня насовсем уйду! Но тут на кухне, в окне, выходящем во двор, мелькнула мужская фигура. Неужели нашла другого хахаля? И кто же это? От внезапно вспыхнувшей ревности внутри всё задрожало. Он рывком отстранил Милицу с пути и пошёл в дом.

На кухне за столом сидел азербайджанец Ахмед. На рынке он держал палатку, в которой торговала апельсинами и мандаринами наёмная местная жительница. Так это его за кустами «Жигулёнок»? Неужели Милица променяла его, Саньку, на этого?! Ладно бы на кого другого... Бонякова охватила такая злость! И тот, видно, сразу понял тоже: без драки не обойтись, но встал всё же с достоинством, неторопливо, по-мужски – кавказец! К счастью, Милица зверьком вернулась между ними.

– Саша, перестань, Ахмед ко мне по делу...

– По какому? – Санька легонько пытался отстранить Милицу.

– Я буду принимать и хранить его товар у себя, – торопливо объясняла женщина.

– Товар, говоришь? И что, у него *товар* лучше моего? – Санька похлопал себя по ширинке.

– Ну перестань, прошу тебя.

– Дядя Сань, – послышалось сбоку, – хватит, в натуре. – На пороге другой комнаты в одних спортивных трусах стоял... племянник. Олежек, Кубинец. – Ахмед здесь ни при чём. А вообще, пойдём потолкуем во дворе. – Он выжидательно и чуть насмешливо смотрел на дядьку. – Ну, так пойдём?

Санька сразу понял всё: Милица спит с Олегом. Поэтому-то, хотя изредка и принимала его, Саньку, но чувствовалось, уже не та она. «А этот, – Санька с ненавистью смотрел на племянника, – вроде как опять вызывает его сразиться?.. Ну что ж, в прошлый раз я пожалел тебя, и ты вырубил меня, посмотрим, кто кого сейчас!» Боняков почувствовал в себе такую звериную силу, такую ярость, какая в нём была раньше только в юности, когда он выходил на ринг и в упор, как бы испепеляя, смотрел на противника.

– Пойдём, – сказал он и машинально размял пальцы рук. – Сейчас посмотрим, кто кого!

– Олежек, прошу тебя, не надо!

«Э, – с ещё большей, уже какой-то весёлой свирепостью подумал Санька, – да она, не его, Саньку, просит, а племяша-морпеха, лапая за молодую мускулистую грудь. – Ну, посмотрим, посмотрим сейчас!..»

Племянник и Санька вышли во двор, встали друг против друга на расстоянии двух шагов. Странно, но Кубинец как будто и не собирался драться с ним. Он чуть отвернулся, опустил голову и так стоял, скрестив руки на груди, как будто собираясь что-то сказать примирительное. И наконец произнёс:

– Дядя Саня, не ходи ты больше сюда. Старый ты для неё. Она теперь моя. Извини.

«Не ходи»? «Старый»? Вот оно как! Значит, *стисали* его?.. И ещё горело ревнивое сердце, ещё кипела обида в груди, но сказанное племянником вмиг перемололось в уме и вот уже студило Санькину душу, выдавливало на губах невольную улыбку поражения. Он ещё не знал,

как поступит. Но вплотную подошёл к племяннику, посмотрел-посмотрел ему в зеленоватые в тёмной опушке век глаза и несильно ударил его ладонью по щеке, почему-то зная наверняка, что тот не ответит. И Олег не ответил. Санька молча направился на выход. Но тут опять зазвонил мобильник.

– Саня, друг!.. – послышалось из телефона.

Боняков с трудом узнал по-прежнему взволнованный голос Воронова. Чего это он привязался? Запил, что ли? Ему захотелось спустить кобеля на бывшего друга. Бывший? Почему – бывший? Ах, теперь же он родственник, а не друг! Санька с каким-то мстительным чувством обернулся к племяннику.

– Знаешь, кто звонит? Твой отец.

– Чего? Какой отец?

– Участковый Воронов. Крёстный отец, – ни к селу ни к городу добавил Санька.

– Я сам себе крёстный отец! – с вызовом сказал Кубинец, – Скоро весь рынок ляжет под меня. Хочешь, поставлю тебя смотрящим?

– Ссмотрящим? – переспросил Санька. – А не кажется тебе, племяш, что ты слишком много берёшь на себя?

– Не говори мне только про кусочек чёрного хлеба и икру на зоне, – отмахнулся Кубинец, – Мы это уже проходили.

– Так поговоришь с отцом? – Санька протянул племяннику телефон.

– Какой отец? – стал злиться Кубинец, – Чего ты пургу гонишь?

В это время во двор, запыхавшись, вломился младший племянник Ромка, Тесак. Оглянул дядьку и брата, с ходу сообщил:

– Татарина замочили!

– Кто?! – вырвалось у Кубинца.

– А я откуда знаю? Уже пустили лажу, что это мы.

– Чё?!

– Да чего ты расчёкался? Ты же знаешь, он с ворами снюхался. Его давно бы надо завалить.

– Равиля убили? – переспросил Боняков.

– Равиля, Равиля, – со злостью подтвердил Тесак. – Только вот кто? Он же и с ворами, и со своими татарами тёрся... Я случайно узнал. Меня гаишники тормознули, а я с бодуна, и денег почти ни копыя. Дыши, говорят. Да пошли вы!.. Кинул им ключи: потом, думаю, тачку заберу. Такси поймал – и домой. А таксист дорогой спрашивает: «Ты Равиля Чёрного знаешь?» Ну так, немножко знаю, – прикидываюсь мешочком. А чё, говорю? Да сегодня ночью, говорит, грохнули его возле казино. Свои же, говорит, пригородные: не поделили чего-то. Да ты чё, говорю, мужик, гонишь?! Я чуть не придушил его. Откуда, говорю, такая лажа? Вижу: струхнул. Я, говорит, от знакомых ментов слышал. Ну, домой приехал, а тебя нет. Значит, у Милицы, думаю. – Ромка невольно взглянул на дядьку. – Ну, я – галопом быстрее сюда: мобила в отключке, а такси отпустил. Таксист, фраер, даже денег с меня не взял, обделался, наверно.

– Вчера ночью, говоришь... – торопливо обдумывая что-то, сказал Кубинец.

– Чё «вчера ночью»?

- ...татарина грохнули.
- Ночью, сказал.
- Непонятно. Ничего непонятно. Я вчера с Яном встречался около десяти. Опять был базар... И насчёт Равиля тёрли.
- Вот они его и грохнули.
- Но за что?
- Чтобы нас с татарами и «олимпийцами» сравнить. А чего ты с ним встречался-то? А я не в теме.
- Тебе и необязательно. И вообще, ты где три дня оттягивался? – строго спросил Кубинец у младшего брата.
- Да с тёлками на Прудах. Как будто ты не знаешь.
- А почему мобильник не работает?
- Да фиг его знает, разрядился, наверно.
- Братан, мне всё это надоело уже! У нас серьёзные дела начинаются. С ворами надо перетереть о прежних договорённостях. Азеры не хотят под крышу Яна. Они готовы лечь под меня. Но я им тут не дам свои порядки устанавливать. Пригородный – наш, и хозяевами будем тут мы! Но воры на рынке пока будут контролировать челноков. Мы в эту сферу не лезем. Пусть смотрящим ставят у себя Равиля. Мы не впрягаемся. У них – своё, у нас – своё.
- Равиля уже грохнули, – напомнил Тесак.
- Значит, ворам я предложу смотрящим... тебя. Надо собрать всех наших. Сейчас же обзвони, чтоб через десять минут были здесь, на машинах. Понял?
- Понял, да мобила же в отключке, говорю, – раздражённо ответил Ромка и как-то подозрительно посмотрел на брата. – А может, это ты Равиля?..
- Заткнись, чума! Мне чего, подставляться хочется?
- Да вот и подставились, блин! Теперь разборки начнутся, мало не покажется!
- В голосе обычно бесшабашного племянника Санька услышал тоскливые нотки, значит, смерть татарина – дело плохое. Ещё слух у него зацепило имя Ян... Кто это? Тут он вспомнил, что не отключился с Вороновым.
- Ворон, Ворон?.. – позвал он в телефон.
- Да, да, я слышу, – отозвался тот. – Ты чего замолчал? Ты где, с кем?
- С племянниками, с Олегом и Ромкой.
- Они мне и нужны! Передай им...
- Слушай, участковый, – не дал ему договорить Боняков, – ты в курсе, что убили татарина Равиля, ну, горбоносого такого?..
- В курсе, в курсе, – явно торопился Ворон. – Я просил тебя... Ты, кстати, где?
- У «моло...», у Милицы.
- Валите, все валите оттуда! Или подождите меня, я сейчас подъеду. Уже еду!
- Да в чём дело?
- Я знаю, кто убил Равиля. Дело – дрянь, Саня, – усталым голосом закончил Воронов. – Ждите, я сейчас.

– Это ты с кем, – подозрительно спросил Тесак, – с участковым, что ли? Ты чего, дядёк, с ментами кентуешься?

– Да заткнись ты! – попытался прикрикнуть на племянника Санька.

– Ты меня не затыкай! – с угрозой ответил племянник.

– Он сказал, что приедет сейчас, – не обращая внимания на Ромку, сказал Боняков Олегу, пряча мобильник в карман. – Он знает, кто убил Равиля.

– Да я его самого здесь, волка драного, грохну! Он чего возле нашей матери крутится? Я их обоих, в натуре!.. – Тесак стал звереть.

После четырёх лет исправительно-трудовой колонии для малолеток и взрослой зоны он пришёл весь в наколки и с развинченной психикой. Иногда в нём пробуждалось какое-то бешенство, а после крутых пьянок изредка наступали эпилептические припадки. Вот и сейчас губы, кажется, начали синеть. «Обречённая скотинка уже не животинка», – с невольной жалостью вспомнил Санька поговорку, не раз слышанную от покойного отца Павла Прокопьевича.

– Всё, успокойтесь! – скомандовал Кубинец. – Я что-то не врубаюсь: чего он хочет?

– У него жену и малолетнего сына в Фергане убили, – вспомнил Санька.

– Ну и чё? – вставил Тесак.

– Через плечо. – Санька вдумчиво прищурился. – Говорит, валить вам отсюда надо.

– Ему-то, ментяре, какое дело?

– Не знаю. В молодости мы были друзьями. – Санька остановил изучающий взгляд на Олеге и только теперь вполне отчётливо увидел, что смуглый, кудрявый, высокий Кубинец ужасно похож на молодого Тольку Воронова. Вылитый Толян. Правда, тот такой же высокий, долгий (Долгим его окликали ещё до армии), был весёлый, неунывающий зубоскал, а этот, морпех, суров, как обмёрзшая водонапорная башня.

– Валить, валить! – повторил Боняков, нутром почуяв угрозу.

По голосу его, по виду почуял, наверное, и Кубинец. Занервничал ещё более и Тесак. Санька стоял, что-то обдумывая. Затем снова вынул и раскрыл мобильник:

– На, позвони ему сам, расспроси... – протянул телефон Олегу.

Тот в некотором недоумении взял.

– Кому позвонить, участковому, что ли? – спросил с еле заметным презрением, но вместе с тем и с растерянностью. – Да ты чего, дядёк?

За забором у шлагбаума тормознула машина. Это Ворон, подумал Санька. И точно: во двор стремительно вошёл в гражданской форме участковый.

– Быстро, быстро собираемся!

– Ты чего тут командуешь, мент? – у Ромки вкривь повело губы, они и вправду посинели, значит, сейчас будет припадок.

Так и есть: все движения стали замедляться, как у быстро пьянеющего человека; глаза с невозможно расширенными зрачками остановились в незримой (или, наоборот, только ему одному зримой!) точке, помутнели; из уголка губ, пузырясь, потекла слюна; и пальцы

рук в наколках стало корёжить, особенно как-то зловеще вскоготился указательный на правой, с «перстнем» в виде остроконечного сизого ромба с незатушёванной полоской наискосок. Через несколько секунд он упал и забился в припадке, изо рта пошла пена.

– Дай какую-нибудь чистую тряпку! – крикнул Милице Олег.

Милица бросилась в дом.

Послышался свист тормозов – это подкатила к шлагбауму чья-то другая машина.

– В дом! – рявкнул Воронов и, схватив в охапку выскочившую с полотенцем в руках Милицу, потащил её обратно в дверь.

По-звериному зыркнув глазами в калитку, морпех вскочил, но во двор уже вломилось несколько человек. Первый – невысокий, юркий – вскинул ствол и выстрелил в него. Но с невероятной ловкостью, стремительным боксёрским нырком Санька рванулся сбоку к племяннику и закрыл молодое, сильное, обнажённое тело морпеха. Шилом пронзило спину, и грудь разорвало, как бычий пузырь на пылающем костре. Точно в боксёрском клинче Санька повис на руках племянника. Сознание уплывало от него навсегда. Нокаут, нокаут...

– Ша! – выкрикнул один из ворвавшихся, очевидно, главарь. – Не стрелять! Чекерь, на шухер! – С пистолетом в руке он подошёл к Кубинцу. – Кто ещё в доме?

Морпех молчал.

– Кто в доме, спрашиваю? – Он навёл ствол в голову Кубинца.

– Ян, не стреляй, прошу тебя! – из двери, показывая пустые руки, вышел Воронов. – Они не виноваты в смерти Равиля.

– Ты кто такой? – спросил главарь с лицом постаревшего голливудского киногероя. То ли выгоревшие на солнце русые волосы, то ли волосы седые от дурного времени, были гладко они зачёсаны у него и уложены под гель. В синих глазах – осенний иней. Одет отменно.

– Князь, да это же мент, участковый! – шепнул ему тот, юркий, который насмерть уложил Бонякова.

– Ян? Лактионов? Ты не узнаёшь меня?

Участковый вышел во двор. Высокий, седой, по тёмным впадинам небритых щёк – кривые лощины морщин.

– Воронов?! – Ян чуть отвёл в сторону ствол.

– Отпусти их, – снова попросил участковый, кивнув на братьев Стремаковых.

Ромка затихал в судорогах. Олег, с мобильником в руке, молча стоял в напряжении, готовый рвануться в смертельную схватку.

– Это – мой сын, – указал глазами на него Воронов, и Кубинец тоже ошарашенно вскинул на него глаза. – А это... – кивнул участковый на убитого. – Помнишь Саньку Бонякова?..

– Князь, пора когти рвать, – шепнул юркий. – Или мочим, или... Имей в виду, у нас уже мокруха.

– Отвянь! – обрезал его главарь и со злостью сквозь зубы процедил: – Я же тебя, шизика, предупреждал: без приказа не пулять!

– Князь, мне показалось, у него волына, – «шизик» глазами указал на раскрытый мобильник в руке Кубинца.

Главарь коротко махнул рукой – мол, все отвалили!

Воры рассыпались по двору.

– Живой? – спросил он про Саньку у морпеха.

Тот покачал головой: нет.

– А это кто?

– Брат, – процедил сквозь зубы Кубинец. – Он эпилептик. Сейчас придёт в себя. – И торопливо добавил: – Он никого и ничего не запомнил – не трогай его.

– Кому звонишь? Дружкам?

Олег молчал. Ян требовательно взял из рук его мобильник: номера не высвечивались. Сунул себе в карман.

– Кто убил Равиля? – холодно приступил к допросу, опять держа наготове оружие.

– Не мои, – сумрачно ответил Кубинец.

– А кто?

– Не знаю.

– Ян, это операция спецслужб, – сказал участковый.

– Доказательства?

– У нас ведь тоже есть неписанные правила...

– Доказательства?! – повысил голос главарь.

– А ты поверь без доказательств. По старой дружбе...

– Вор менту не друг.

– Тогда, когда он нас тренировал – помнишь? – Воронов опять кивнул на убитого Бонякова, – я ещё не был ментом, а ты не был вором. Мы были друзьями. Ради того времени – поверь. И уезжайте, прошу вас. Я всё оформлю как надо. Мало ли сейчас убийств? Верно?

Они с недоверием смотрели друг на друга – бывшие друзья-земляки.

По матушке России всё ещё шла неясная, незримая миру гражданская война. Кто развязал её, кто? Одно несомненно: бунты, революции, войны и смуты, перестройки, кризисы и голодоморы, гугаги и зоны – «се же бысть за грехи наши», как писали древние. О, Навна! О, чёрная душа моей Родины, светлой моей Родины!

***

Зазвонил домашний телефон. «Наконец-то подключили», – несильно обрадовался я. А чему радоваться? Скоро опять отключат: деньги кончаются, работы нет – всемирный кризис, ё-моё!

Звонила Тациана. На ночь глядя. Голос непривычно грустный.

– Кауров, – смиренно сказала она, – я прочитала твой рассказ.

– Наверное, не понравился?

– Напротив, – вздохнула редакторша, – я так плакала, так плакала!

Ну, просто как дура. Немного успокоилась и думаю: а чего я плачу? почему? Герой, думаю, самый настоящий преступник (ненавижу я этих воров, грабителей, насильников, а у него же целый букет статей за спиной!), и прирезали его дружки за дело: он же сдал их, чтобы выкупить себе предсмертную свободу. Так ведь? И всё равно жалко его почему-то, беспутного. Ну почему, думаю? И вдруг поняла: мне *не героя* жалко – мне всю *жизнь* жалко. Бог создал такую красоту вокруг нас,

а мы!.. Ты так нежно, так тонко изобразил детские воспоминания этого рецидивиста!.. Этот утренний робкий рассвет; этот пупырчатый, весь в холодной матовой росе огурец на бесформенной грядке, возделанной потрескавшимися руками его матери, этот сладкий хруст под юными зубами, этот запах!.. И я вспомнила, я где-то читала, что Бог создал красоту, чтоб человек лучше понял Его, Бога. И вот этот твой злодей, он ведь всё-таки, пусть неосознанно, но познал Бога в творении Его, хотя и продал душу как будто дьяволу. А эта баба Настя! Эта её развалюха-избушка! Эта её провалившаяся завалинка и веточка бузины в руке! Я о ней плакала, Кауров. Она в любви рожала детей, а дети вышли *непутёвые*. Ты намекнул, что в молодости у неё был грех... Кто не грешит, Кауров? – Тациана помолчала в трубку, послышался вроде как всхлип. – Но я вот что хочу спросить: как ты думаешь, Бог простит твоего героя? У него же и кличка – Бес.

– Я за Бога не могу решать, – попытался отшутиться я.

– Неправда. Писатель полностью отвечает за своих героев и должен знать даже о том, как осудит их Бог.

– Ну, вы преувеличиваете, Тациана Владиславовна.

– Нет, нет, я чувствую, что я права – не спорь! Вот дружок, поделник его, который зарезал его на смертном одре по приговору воровской шайки и как бы выполнил законную воровскую месть, я уверена, Бог его должен осудить. И не за то, что убил, а... Он не человека убил, Кауров, он священную детскую память о красоте жизни *в себе* убил! И Бог это не простит. Тот, кто не понимает, не видит, не чувствует красоту, точнее, кто сам в себе разрушил это природно-божественное чувство восприятия красоты, тот и будет осуждён. Бог выблует его из уст своих, как ни холодного, ни горячего. Или я неправильно прочитала твой рассказ?

– Текст больше автора, – процитировал я кого-то из современных классиков.

И почему-то стало грустно, несмотря на то, что, по сути, рассказ мой вон как расхвалили: автор – что женщина – любит ушами. Но я уже догадался: Тациана сейчас сообщит что-то неприятное. И мне захотелось переменить тему.

– Ну, какие там новости насчёт очередных «страшилок»? Есть достойные осмеяния? – спросил я, пересиливая себя и пытаюсь улыбнуться невидимой собеседнице.

За молчанием послышались облегчённый вздох, затем лёгкое похихикивание, опять выжидательное молчание, наконец...

– Кауров, тут мне такое принесли!.. Полный отпад! Графомания! Духовная клиника! Восхитительная ахиня! Я обалдеваю! Приходи – посмеёмся.

– Да я хочу завязать с литературой, – вдруг невольно вырвалось у меня.

– Перестань! – сердито и требовательно сказала Тациана. – Если не такие, как ты, то кто будет писать? Ты хочешь меня сдать графоманам на съедение? Предупреждаю: не шути со мной!

Я понимал, Кадомцева пытается ободрить меня, но чувствовалось, что и её что-то напрягает. Помолчав, она сказала:

– По правде, знаешь, Шейгин, наверное, не напечатает твой рассказ. Почему? У тебя слишком много откровенностей, слишком раскован язык и обнажена тема, а он же боится всего этого, боится, что его опять турнут из редакторов и вообще прикроют журнал.

– Да знаю я всё это, – ответил я Кадомцевой, чувствуя в душе какое-то раздражение. – Меня возмущает другое: он же себя мнит демократом, а где же их хваленая свобода слова и печати? Все уши прожужжали!..

– Да какая, к чёрту, свобода, Кауров! – тоже с раздражением ответила Кадомцева. – Как говорят грузины, кто за дэвочку платит, тот дэвочку и танцует. Нас же министерство культуры содержит, к тому же для дурацкого эффекта приклеили ярлычок: «Журнал для семейного чтения». Как будто и вправду наш журнал читают всей семьёй! А у меня, если честно, такое впечатление, что нынешние дети вообще ничего не читают, тем более провинциальные журналы. Им глянецвые бездумные, бездушные, с желтизной и обнажёшкой подавай. Однако наткнётся какой-нибудь резонёр-семьянин на твоё крепкое словцо в нашем журнале, накапает в министерство: как, мол, *такое* – и в семейном журнале? у нас ни мата, ни секса нет и не должно быть! А там, в министерстве, насколько я знаю, на тебя уже давно обратили внимание, и не по поводу откровенных сценок и крепких словечек (по фигу им всё!), не-е-ет: жизнь в России всегда по неправде идёт, и хороший писатель вместе с ними по течению никогда не поплывёт. Вот и вся логика. Ведь твой герой, вор-рецидивист, душой чище нынешних «героев» – наших политиков, бизнесменов, чиновников, потому что они память потеряли, личную и историческую, они все манкурты и смердяковы. Ты извини, Кауров, я, может, лишнего чего наговорила... Но я ведь тоже кое-что понимаю и в жизни, и в литературе. Думаю, по поводу твоего рассказа Шейгин извиняющимся тоном скажет, что, мол, «не в формате нашего журнала», и, скорее всего, поручит мне передать это тебе. Так что заранее извини.

Она опять на время умолкла.

– М-да... раньше была честная цензура, а теперь неопределённого окраса формат, – промямлил я. – А что там со спортивной рубрикой? – напомнил я про журнальный проект.

– Спорткомитет денег не даёт. Так что и тут – извини. Ну, ты хоть на меня-то не обижайся, я же подневольный и бесправный человек. Если честно, я уже жалею, что приехала сюда... тем более у меня с моим другом сейчас, мягко говоря, разлад... Но я люблю своё дело, Кауров, люблю литературу, люблю талантливых авторов, как ты... Не обижайся, пожалуйста. Не будешь?

Я буркнул, дескать, не буду.

– Ну, и славненько! – оживилась она и перешла на сладкий шёпот. – Слушай, Кауров, есть и хорошая новость: Шейгин, возможно, скоро опять перейдёт на телевидение, там и оклад поприличнее, и всё такое прочее, а главным редактором журнала поставят...

Она назвала имя. Я хмыкнул:

– Хрен редьки не слаще.

– ...А главное, Кауров, – продолжала она, – мне сегодня выплатили пол-зар-платы (если хочешь, я тебе дам займы) и обещают весь гонорар отдать за мои рассказы – приглашаю завтра отметить. У-ра-а! – запела она в трубку.

Потом скоренько добавила:

– Пока, Кауров.

И сообщила, что уже открывает «Улисса» и засыпает, засыпает, засыпает... И напоследок звонко хихикнула своим неповторимым эротическим голоском. О, женщины!

Ну что ж, значит, жизнь продолжается, подумал я. Только вот нет уже Саньки Бонякова. Видно, давно поджидала его, как волк роковую овечку, не для него предназначенная пуля. Обнаружили несчастного в лесочке *кем-то* застреленным. Убийцу, разумеется, не нашли. Было, конечно, следствие. Таскали в органы и «молодуху», и братьев Стремаковых. Эпилептик Ромка действительно ничего не помнил, но алиби и у него нашлось: подготовили парня. Убедительными были «показания» азербайджанца Ахмеда. Тягали на допрос и Яна, сурградского авторитета. Но у всех всё чисто. А разборки ещё будут! Как ни отговаривал Кубинца Воронов-отец не мстить за дядю Саню, но тот уже потребовал у Яна отдать ему на расправу того юркого урку, уложившего с одного выстрела бывшего боксёра. «Пойми, – говорил Кубинцу участковый, – воры своих на расправу фраерам не сдают». «А я уже не фраер, – сумрачно отвечал сын, закусив вывернутую губу, тёмную, как запёкшаяся кровь. – И времена уже другие. Посмотрим, кто кого». «Это война, это война!» – обхватив седую голову, с отчаянием произнёс несчастный отец. В памяти стояла Фергана.

Читатель, кстати, спросит: а, собственно, откуда вы всё это знаете? Отвечаю: земля ведь слухами полнится, да и Бог мне дал кое-какое воображение, чтобы я воспроизвёл случившееся вполне достоверно, а если не сумел, извините.

Читатель спросит и ещё: кто такой, например, Ян? Вы, мол, по сути, о нём ничего не рассказали. Ну, так и о других мелькнувших персонажах тоже ничего особенного – верно? И всё же почему он стал *таким?* – будет настаивать читатель. Вообще почему *они* становятся такими? Ну, представим – *характер*; ну, пускай виновато *время* хулиганистой юности и этот чёртов Афганистан, про который уже писано и переписано; ну, допустим, повлияли какие-нибудь другие обстоятельства и ситуации. Однако же Россия полна и характерами, и воинами-интернационалистами, и временное бытие её непредсказуемо – да вот не каждый из таких и в такое время вступает и идёт по кривой дорожке, как говорят в народе. Так в чём же дело? Я позволю себе не согласиться с одним из персонажей данного повествования, с Тащианой Кадомцевой, утверждающей, что автор должен знать о своих героях абсолютно всё и предугадывать до мельчайших подробностей их поведение, поступки и даже посмертную участь. Так-то оно так, да не совсем так. Если вымышленная воображением автора персона убедительна, значит, она – личность, а личность метафизически свободна, и что за номер выкинет она в то или иное время, в той или иной ситуации и обстоятель-

ствах – бог весть! Впрочем, это уже философское умничанье, и читателю оно не интересно (извините, читатель!). Зато хочется надеяться, что непутёвые мои герои, пусть ненадолго, но всё же запомнятся. Кстати, рассказ мой так и не напечатали в местном литературном журнале: оказался не в формате (не «для семейного чтения»). Ну и что? Экая невидаль! Жизнь-то всё равно продолжается, а значит, и творчество тоже.

Добавлю ещё: похоронили Александра Бонякова в Чертозелье, которое за время перестройки почти обезлюдело; поля сплошь заросли чертополохом и давно уже осеменились листовными и хвойными породами местных лесов. Эта варварская сила одичавшей природы точно медвежьим обхватом сдавила село и, кажется, вот-вот сломает хребет, задушит, затопчет до смерти... Всюду-повсюду бурьян – в садах, огородах, усадьбах!.. Всюду разруха и мерзость запустения. Остывают, остывают родимые печи. Лишь кладбище за околицей, с горем пополам огороженное, как неумелым магическим кругом, непривычно низеньким штакетником (из-за бедности, что ли, или воровской жадности сельсовета?), всё ещё живо и неподатливо пираньим зубам последних времён. Там-то и похоронили Бонякова, рядом с отцом и матерью (вспомнили, как не раз во хмелю он наказывал родным про это – значит, душа предчувствовала исход). По древнему обычаю ли или по искренней любви голосила-убивалась на могиле одна лишь сестра Валентина, приговаривая: «Братик мой любимый, братик мой ненаглядный!..» Молча плакали дочь и жена. Суровыми стояли племянники. О чём-то шептались пришедшие проводить в последний путь земляка немолодые чертозельцы (молва просочилась, что погиб Санька-то из-за них, бандюков). Пока ладили могильный холм, пока ставили вместо старенькой новую, в кованых завитушках дорогую ограду, крепкие парни из бригады братьев Стремаковых на проулке возле бывшего дома Боняковых выгружали из чёрного «БМВ» ящики с пивом, водкой и закуской, а две молодые ресторанные девицы в коротеньких юбочках расторопно накрывали тут же на полянке столы. И кто бы ни шёл мимо, мал или стар, всех просили присесть и помянуть Александра, а заодно и давно уже почивших родителей его. И это правильно.

Отпели же раба Божия в поселковой церкви Пригородного, в той самой церкви, где было ему якобы видение: милосердный Бог шёл грешнику навстречу.

АВТОРСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Наклёстки – здесь: скрепляющая и увеличивающая нагрузочную площадь верхняя часть саней.

Пассионарии – здесь: от *пассионарность* – повышенная внутренняя энергетика (Лев Гумилёв).

Попенченко Валерий Владимирович (1937–1975 гг.) – советский боксёр, чемпион Олимпийских игр 1964 года, двукратный чемпион Европы, семикратный чемпион СССР, заслуженный мастер международного класса.

Боксёр-панчер (сленг) – боксёр с нокаутирующим ударом.

Битюг (жарг., пренебр.) – мужчина крупного телосложения, физически сильный.

Жиган (жарг.) – молодой, но авторитетный вор.

Уркаган (жарг.) – то же, что *урка*, профессиональный вор.

Мужик воровской (жарг.) – заключённый, делящийся заработком и частью выработки с ворами, приобретая за это их покровительство.

Барулечка (жарг., уменьшительно-ласкательное) – любовница вора.

Жиронда (жарг.) – красивая девушка, женщина.

Матрёна (жарг.) – малограмотная, недалёкая женщина.

Шёл за вора (жарг.) – то есть причислялся к воровской масти.

Блатняк (жарг.) – воровская масть.

Кум (жарг.) – сотрудник оперативно-режимной части ИТУ.

Спалиться (жарг.) – быть задержанным, попасться.

Кранты (жарг.) – безвыходное положение, конец, крах, смерть.

Кильдим (жарг.) – притон.

Погоняло (жарг.) – воровская кличка.

Баклан (жарг.) – хулиган.

Затёр – здесь: примитивный одноразовый способ самогоноварения (от *затереть* – приготовить путём растирания, замешивания).

Колбян – здесь: чурбан.

На крайняк – здесь: на крайний случай.

Обэхэссник – здесь: работник ОБХСС (аббревиатура: Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности).

Соха – здесь: столб, подпорка крыши сарая; к сохе перед забоем обычно привязывают крупнорогатый скот.

Малолетка (жарг.) – воспитательно-трудовая колония для малолетних осуждённых преступников.

Курыш – здесь: плохонький, хилый ребёнок.

Вольна (жарг.) – пистолет.

**Карина
СЕЙДАМЕТОВА**

В НЕОТМИРНОЙ ДЕРЖАВЕ

***

Прости моё безмолвие... Прости меня!
Октябрь. Листопад. Огонь и ярь...
Такая грусть в твоём нездешнем имени!
Как беспощаден к людям календарь!

Ведь, заглядевшись в небо ртутно-серое,
Твою любовь как боль я приняла,
И хоть в добро давно уже не верую,
Ты не ищи в моём молчанье зла.

В земном расчёте нет небесной выгоды,
Подводных обличительных камней.
Пускай ветра твои обиды выдуют
И внове приведут тебя ко мне.

И недомолвок облака-отметины
Разгонят во далёко-не видать.
Я на твои слова душой ответила,
Вот только не осмелилась сказать.

Сквозь частые дожди и ожидания,
Что дарит нам природа напогляд –
Любовь пробьётся сумрачным сиянием,
Каким богат осенний листопад.

***

То тюркская, то скифская царица...
Две крови древних напитали вены.
Сражаются, вращая жизни ось,
В них страсть и нежность, доброта и злость.

-
- Карина Константиновна Сейдаметова родилась в 1984 году. Участник форумов молодых писателей России. Автор трёх поэтических сборников. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Сура», «Волга–XXI век», «Аргатак», «Дон», в «Невском альманахе» и др. Лауреат всероссийской литературной премии им. Ю.П. Кузнецова от журнала «Наш современник». Член Союза писателей России. Живёт в г. Коломна Московской области.

Две стороны одной луны мерцают.
И я за обе, как могу, молюсь...
Когда клянут друг друга Золотая
Орда-беда и грусть-Святая Русь.

Наследье предков – роковая мета!..
Не потому ль характер мой суров?
В нём царствует татарин Сейдаметов
И властвует казак Пономарёв.

Правители судьбы моей строптивой,
Два рода: кочевой и боевой –
Кресало и кремень, а я – огниво
Фамильной жгучей связи родовой...

***

Декоративные левкой
В чужом виднеются окне...
Москва, оставь меня в покое!
Покой... Он от мечтался мне!
В лесных оврагах медуница
И богородичный чабрец...
А здесь повсюду: лица, лица.
Модернизация, прогресс.
Хвалены и холёны дамы,
Достопочтенны господа.
Над древним капищем реклама
Нарисовалась без стыда.
Срамную девкою уронит
Неона слёзки во дворы.
О, город горестных ироний,
Уставший от своей игры!..
О, город пробивных иллюзий,
Погрязший в сладости утех,
Ни в чём не виноватый «лузер»
Равно у «этих» и у «тех».
От пресыщенья вечно хмелен,
Забыл свой знаменный распев...
Уж лучше б ты гулял Емелей,
Желанья все перехотев!
Забывший медуницы нежность,
Ромашки скромной простоту...
Я никогда не буду прежней,
Но это – плата за мечту!

***

«Август яблоком пахнет. Август хлеба припас.
Зазвенел по округе спелый Яблочный Спас –
Белозарной грозой, виноградной лозой,
Раннеутренней ознобью, росной слезой.

Августовская жатва – на столе разносол,
Урожай – как на царский имперский престол.
Если солнце согреет, вода охладит,
Август – месяц щедрот, на плоды даровит!

Не зевай – и голодным до зимней поры
Ты не будешь, собирая трёх Спасов дары.
Не печалуйся в август, оглядывай льны,
Если осень близка – далеко до весны...»

...У народных пословиц премудрость своя:
Издалёка земная вела колея
К ним глубокий ручей, устремлённый в поток
Изначальных речей, русской мысли исток.

***

Всё проходит, стихи – остаются.
Изумрудный крыжовник порой
Кинешь в синее гжельское блюдо –
...И леса, и река пред тобой

Вдруг очутятся в сказочной яви,
И завертится блюбочка круг...
В неотмирной, стихийной державе
Ты поэтом окажешься вдруг!

Народилось, в народ покатилося:
Лес, река – слов небесная гжель...
Эту высшую Божию милость
Мне постигнуть при жизни ужель?

Всё даровано кровью и почвой
В перекрестье российских стихий.
Обретаю здесь собственный почерк
И по праву рожденья – стихи!

***

Чем грустнее родная сторонушка,
Тем к ней бережней наша любовь...
А пойдём закликать жаворонушек –
Явь столетий, крылатую новь.
Мы веснянку поём, но весна ещё
Не спешит на сторонку мою.
Лишь одни воробьишки всезнающе
Хороводятся в здешнем краю.
Погоди, скорым-скоро в проталинках
Расшалится марток-бокогрей,
А пока на небесной завалинке
Брюхо греет февраль-котофей.
Через причеты и выкликания
Растолкнётся весна у ворот,
И заклички, заплачки, предания
Нам несуетно-присно шепнёт.
Пробуждайся, родная сторонушка!
Чем теплей ты, тем сердцу милей.
Ты лети, ты лети, жаворонушка,
Над обрядовой Русью моей!

**Галина
ДУДНИКОВА**

МЕЛКИЙ БИСЕР

ПОЁМ, ТАНЦУЕМ, ПО-АНГЛИЙСКИ ГОВОРИМ...

Лет двадцать пять назад мы с подругой и нашими детьми пришли в Киево-Печерскую Лавру. Раннее июньское утро, погода как на заказ, птицы поют. До начала обедни оставалось время, и мы не торопились, наслаждались благолепием и покоем великого монастыря. По дороге от Ближних пещер к Дальним нас догнал монах средних лет, бородатый добродушный дядька. Он заговорил с самым младшим из детей, семилетним Мишкой. Мимо Мишки трудно было пройти равнодушно: белобрысый симпатяга с большими наивными глазами так и «нарывался» на внимание и общение.

– Ну, богомолец, как зовут-то тебя? – спросил монах.

– Мишка.

– А я отец Павел. Что это у тебя, Мишка, на футболке не по-нашему написано? Как перевести? «Принадлежу к обществу сатаны»?

– Нет, что вы! Я в Бога верю.

– Молодец. А «Символ веры» знаешь?

– Не весь. Но когда в церкви все поют, я тогда знаю и тоже пою.

– Понятно, со всеми, конечно, легче. А чем ты, Мишка, в жизни занимаешься?

– В музыкальной школе учусь. Ещё в хоре пою.

– Ясно. Поём, танцуем, по-английски говорим.

– Нет, я по-английски не знаю, мы ещё не учили. И не танцую.

– Ну-ну, прощай, Мишка! Рости православным!

Монах обогнал нашу компанию и поспешил к храму.

● Галина Алексеевна Дудникова (Швецова) родилась в 1952 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. С 1976 года живёт в Киеве. Работала в Киевском университете преподавателем русского языка как иностранного. Публиковалась в журнале «Волга–XXI век».

Сейчас Мишка зовётся Майклом. Ему за тридцать. Он живёт в Канаде, преподаёт математику и физику в школе. Естественно, свободно говорит по-английски. В хоре уже не поёт, зато увлекается латиноамериканскими танцами. В танцевальной школе нашёл себе жену-католичку. В православную церковь давно не ходит.

ВЕНЧАНИЕ

В один из больничных храмов города привезли из дальнего монастыря чудотворную икону Пресвятой Богородицы. К началу утреннего молебна в больничном парке возле небольшой деревянной церкви собралась обычная, будничная церковная публика, «белые платочки»-старушки и женщины средних лет. Храм был почему-то закрыт. «Белые платочки» терпеливо ждали, когда их впустят, и негромко вели благочестивые разговоры. Наконец дверь приоткрылась, и из церкви вышла с кувшином в руках крепкая старуха, типичная храмовая служка, в рабочем сером халате, строгая и деловая.

– Матушка, а почему в храм не пускаете? – робко спросила одна из тех, что помоложе. – Молебна разве не будет?

– Ждите, в храме венчание, – буркнула служка.

«Белые платочки» оживились и заулыбались. Ничему так не сочувствует женская душа, как свадьбе. На лицах читались праздничное выражение и любопытство: сейчас молодые выйдут, какова-то невеста? А что же венчаются-то в понедельник с утра, да ещё в больничной церкви?

– Зачем двери закрыли? Мы бы вошли, посмотрели, – прошамкала совсем старая бабуля.

Строгая служка выплеснула из кувшина воду под ближайшее дерево, распрямилась и совсем посуровела:

– Вам бы только смотреть. На что там смотреть? У людей горе. Ребёнок у них на операции сейчас, врачи никакой гарантии не дают. Прибежали к батюшке, попросили срочно обвенчать. Жена в штанах, без платка. Я ей шаль дала – вместо юбки обмотаться, на голову шарфик нашли. Эх, горе!

Служка махнула рукой и вошла в церковь. «Белые платочки» притихли.

Через пару минут двери открылись, и все вошли в церковь, выстроились в притворе в очередь к свечному ящику, где уже хозяйничала строгая служка. Женщины покупали свечи, иконки и не без любопытства, но с сочувствием поглядывали на новобрачных, стоящих перед амвоном. Они были ещё молоды, не старше тридцати, одеты по-будничному, в свитера и джинсы. Шаль вместо юбки и газовый шарфик не украсили жену.

Из алтаря вышел батюшка, вынес маленькие бумажные, в ламинате, иконки Спасителя и Богородицы, вручил супругам. Потом он долго и тихо говорил им что-то очень важное. «Белые платочки» прикладывались к образам, крестились и зажигали свечи.

ДА БУДЕТ ПО ВЕРЕ...

Когда Никите было пять лет, с ним случилась такая история. Это было в Крыму, на даче. Как-то он шёл с мамой с пляжа домой. Было очень знойно, казалось, что даже безоблачное небо плавилось от солнечного жара. Такая погода стояла уже неделю, и это Никите надоело. Захотелось облачков, тучек, тенька и освежающего дождика. Никита посмотрел на небо – никакой надежды. Оно было совершенно чистым, как после генеральной уборки. Никита грустно вздохнул, но тут ему в голову пришла одна умная мысль.

– Мам, а Бога обо всём можно попросить?

– Смотря о чём.

Мама не была сейчас расположена к беседам. Её тоже разморило от пляжа, от жары, хотелось поскорее дойти до дачи, напиться холодного квасу и лечь в шезлонг под раскидистым абрикосом.

– А можно попросить, чтобы дождик пошёл?

– Можно.

– А Бог услышит?

Маму этот вопрос немного взбодрил. Она остановилась и тоже посмотрела на небо.

– Знаешь, Никит, я думаю, что если ты очень попросишь, от всего сердца, тебя Он услышит.

– А тебя?

– Не знаю. Давай лучше ты попроси.

– А если Бог услышит, Он сможет сделать дождь прямо сейчас?

– А как ты думаешь?

– Я думаю, что сможет. Он же всё может.

Никита встал по струнке и опустил глаза. Весь его вид говорил о том, что он изо всех сил сосредоточился. Мама стояла рядом и смотрела на светло-русую макушку сына. Прошла минута или две. И вдруг солнечное сияние смягчилось, потом набежала лёгкая тень, и в дорожную пыль начали плюхать редкие, но крупные капли. Это был дождик! Маленький, но настоящий слепой дождик. Про такой говорят: «Царевна плачет».

Мама и Никита посмотрели вверх. Прямо над ними высоко плыла маленькая реденькая тучка. «Царевна» плакала недолго, и минуты не прошло, как всё опять жарко засияло, только на дороге остались следы дождевых капель. Никита счастливо улыбнулся:

– Я так и знал, что Он сделает! Потому что я очень просил.

ВЫСОКАЯ САМООЦЕНКА

Бывает, мы попадаем в смешные положения. Единственный правильный выход из них – посмеяться над собой. Это всем известно, это аксиома. Вот какую историю рассказала о себе моя любимая коллега Татьяна Алексеевна, женщина прелестная и умная, имевшая всегда огромный успех у мужчин.

Мы вместе работали в одной полубюрократической-полуметодической конторе при министерстве образования. Методическая часть

нашей работы нас вполне устраивала, а бюрократическая угнетала и раздражала. Особенно тем, что нам приходилось постоянно составлять какие-то нелепые бумаги, носить их в министерство и выслушивать претензии от тамошних сотрудников и сотрудниц.

Однажды Татьяну Алексеевну срочно вызвали на ковёр с какой-то очередной бумагой. Получив в министерстве обычную порцию неприятных впечатлений, она в самом мрачном расположении духа шла вдоль бульвара и обиженно думала о том, что министерские полуграмотные функционеры ничего не смыслят в делах, не в состоянии оценить её ума, профессионализма и держат девочкой на побегушках. От этих мыслей её отвлек оклик:

– Дамочка!

На тротуаре возле припаркованной «Волги» стоял ничего себе мужчина средних лет и держал в руке десятирублёвку (дело было ещё в доперестроечные восьмидесятые). Мужчина призывно смотрел на Татьяну Алексеевну и помахивал десяткой. Это была последняя капля. От такой наглости Татьяна, по её любимому выражению, осатанела.

– Знаете, – сказала она ледяным голосом, – я стою гораздо дороже!

Мужчина сначала хлопал глазами, потом что-то сообразил и воскликнул:

– Конечно, я не сомневаюсь! Но, пожалуйста, разменяйте!

И только тут Татьяна Алексеевна разглядела на «Волге» чёрные шашечки.

ДУШЕВНЫЙ ПОРЫВ

До обеда сотрудники нашей конторы были преподавателями университетской кафедры, после обеда – винтиками в бюрократической машине. Нас было шестеро, мы были дружны и всегда выручали один другого. Труды наши были сколь нелегки, столь и бесполезны. Каждый потел над своим участком бумажной нивы, которая рождала только один несъедобный плод – новые бумаги. Я была занята штатными расписаниями всех кафедр русского языка нашей немаленькой республики, составляла всевозможные статистические отчёты, а также следила, чтобы преподаватели вовремя, не реже раза в пять лет, проходили повышение квалификации на специальных факультетах ФПК.

Однажды меня вызвал в министерство замначальника управления Аркадий Иванович Толпеко. Это был образцовый советский функционер, статный, холёный, румяный барин с командирским голосом и несокрушимым самомнением. Возражать ему было бесполезно. На всякий робкий писк подчинённого у Толпеко был один ответ: «Что вы мне там говорите?!» – «Я?» И далее всем следовало только слушать. Можете себе представить, какими чувствами мы пылали к Аркадию Ивановичу.

Я, как обычно, плелась в министерство с трепетом душевным в ожидании очередной «распеканции». Но обошлось. Толпеко всего-навсего поручил мне составить план повышения квалификации всех преподавателей нашей специальности до 2000 года. За окном стоял

1985-й. Я решила, что ослышалась и переспросила. Нет, всё правильно: до 2000 года включи-тель-но! Идите и работайте!

И я пошла работать. Громкий хохот милых коллег, сопровождавший мой рассказ о новом задании, меня несколько утешил. А когда шутник Коля Павлюк процитировал поэта: «Я планов наших люблю громадьё...», мне совсем полегчало.

Итак, я засела за создание плана века. Весь наличный состав преподавателей «республики» должен был «повыситься» за пятнадцать лет по три раза. А мне порой хотелось повеситься: распиши-ка полторы тысячи преподавов на такой срок!.. Да с учётом естественной убыли и прибыли, ведь кто-то уйдёт на пенсию или будет «уволен в связи со смертью», как написали в одном кадровом отчёте. Мои труды были предметом шуток дома и на работе, а Коля на Новый год вручил мне открытку с поздравлением: мы желаем Гале счастья, и так далее, и «чтоб планы ФПК расписать на все века. Иль хоть до скончанья века, чтоб доволен был Толпеко».

Но худо-бедно план был составлен, сдан в министерство, и про него забыли. А потом пошла перестройка, нашу контору ликвидировали, кончилось наше бюрократическое прозябание. А потом и великая страна кончилась вместе с её грандиозными и невыполнимыми планами. Мы превратились в просто преподавателей. В прошлом остались «министерство» и вместе с ним – замначальника управления.

Прошло пять или шесть нелёгких лет. Страну носило без руля и без ветрил, мы вместе с ней нередко заплывали в гиблые места, но всегда чудесным образом выплывали. И вот однажды, спеша по делам, на противоположной стороне улицы я увидела Толпеко. Он был по-прежнему солиден и румян. Я почему-то страшно обрадовалась и с визгом: «Аркадий Иванович!» – ринулась через мостовую. «Галочка!» – возопил радостно бывший шеф. И я повисла у него на шее. Полминуты, не меньше, мы стояли обнявшись, а потом ещё минут пять любовно жали друг другу руки, смеялись и сбивчиво о чём-то говорили. Выяснили, что у нас всё слава Богу, что у бывших наших коллег тоже всё слава Богу и что мы страшно рады встрече.

Расставшись с Аркадием Ивановичем, я ещё по инерции немного поликовала, потом приостыла и удивилась: с чего это я пришла в такой восторг? С чего Толпеко столь возрадовался? Мы встретились как друзья после разлуки, как нашедшие друг друга родственники. С чего бы?

Теперь я знаю, с чего. Мы были друг для друга приветом из ушедшей навсегда жизни. Скучной, неказистой, облупленной, но беззаботной и безбашенной, когда можно было ничтоже сумняшеся расписывать планы на века и знать, что и через 10–15–20 лет всё будет хо-ро-шо!

...РАБЫ НЕ ВЫ...

Когда моя дочка Настя была маленькая, она была уверена, что у меня самая приятная и весёлая работа на свете. Наблюдая, как я подкрашиваюсь по утрам в ванной перед зеркалом, Настя мечтательно говорила:

– Мама, когда я буду большая, я буду носить твоё лицо и работать на твоей работе.

Под лицом Настя разумела, естественно, тушь и помаду, а работа у меня была действительно нескучная. Почти каждый день я приносила домой свежие смешные истории о моих иностранных студентах, осваивавших с моей помощью русский язык. А когда я проверяла дома их сочинения, сбегались приятельницы-соседки, чтобы «поржать». Всех «номеров», которые отмачивали мои латины, арабы и африканцы, выражаясь письменно и устно на великом и могучем, не описать. Случались недоразумения и другого рода, которые на наших профессиональных заседаниях назывались по-научному: «социокультурные несоответствия». Или как-то похоже, сейчас не припомню.

Одно такое недоразумение случилось на занятии по научному стилю речи. Мы со студентами разбирали текст по истории об отмене крепостного права в России. Смышлёные сирийцы и ливанцы щёлкали задания и упражнения как семечки, к моему полному удовольствию. Когда всё было разобрано, прочитано, пересказано и усвоено, я, в соответствии с правилами методики, поинтересовалась, всё ли понятно и есть ли вопросы.

– У меня, – поднял руку Максуд.

Я удивилась: Максуд был не из самых бойких и предпочитал отсиживаться за спинами товарищей. Обычно из него приходилось «тянуть», а тут сам вызвался.

– Скажите, пожалуйста, пре-по-да-ва-тель, – старательно выговорил Максуд, – а куда уехали ваши крепостные-е?

– Никуда не уехали. Зачем им уезжать? Они остались там, где жили, просто получили свободу и землю.

– А потом? – не унимался Максуд.

– Ну, потом кто как. Прошло время, многие их дети и внуки остались работать на земле, а другие уехали в города, стали работать на заводах и фабриках.

– А потом куда все уехали?

Я не понимала, чего хочет Максуд. Зачем большей части Российской империи было куда-то уезжать?

– Максуд, никто никуда никогда не уезжал. Потомки крепостных остались жить в своей стране. Ну, например, мои родители и я. Я точно знаю, что мои предки были крепостными.

Максуд вытаращил в изумлении глаза и просто впился в меня взглядом. Несколько секунд он напряжённо изучал моё лицо, потом с сомнением покачал головой:

– Нет, это ваша шутка. Этого не может быть!

– Почему вы так думаете?

– Но вы не чёрная! – загорячился Максуд. – Где ваши чёрные? В Америке чёрные живут, мы их видим. Ваши где?

До меня наконец дошло. Я объяснила, что крепостные в России были той же расы, что и их хозяева-помещики.

– Белые были рабами у белых? – Максуд был потрясён. – У вас очень непонятная страна!

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

Я зашла в кафетерий выпить кофе. В советские времена кофе был дефицитом, кофеен немного, поэтому чашка любимого напитка просто так не давалась, её надо было выстрадать. Я встала в конец длинной очереди и приготовилась скучать. Однако было не скучно. Очередь двигалась медленно, но в кафетерии было так тепло, уютно и мило, что хотелось побыть тут подольше. Всё блестело чистотой, под стеклом витрины были разложены аппетитные пирожные, восхитительно пахло свежемолотым кофе. За кисейными шторами падал тихий густой снег. И в довершение по радио грянула «Маленькая ночная серенада» Моцарта: та-тата-тататата – та! Я чуть не подпрыгнула от радости.

Эта детски восторженная музыка оказалась последним необходимым элементом, чтобы обстановка кафетерия окончательно сложилась в одну гармоническую систему. Частью этой гармонии была и молодая красивая женщина за прилавком. Она играючи управлялась со своим пирожно-кофейным хозяйством, чашки и блюда, казалось, сами двигались от лёгких прикосновений её белых рук в вышитых батистовых рукавах. Я любовалась хозяйшкой, радовалась за неё и немного завидовала. Мне тоже захотелось варить кофе в таком славном кафетерии под волшебную музыку. Ах, как это хорошо!

Словно в ответ на мои мысли хозяйшка вдруг передёрнулась, гадливо сморщилась и громко сказала с раздражением:

– И так настроение поганое, а тут ещё всякую дрянь передают!

Наверное, впервые в жизни я так ясно поняла, как безнадежно различны бывают людские предпочтения.

МОЛОЧНАЯ ЛАПША

Манипуляция людьми мне всегда казалась сомнительной вещью. Во-первых, это не совсем честно, а во-вторых, ещё и неумно. Человек в результате этих приёмчиков может поступить так, что сам манипулятор потом хлопот не оберётся. Вот, например, вспомнился мне такой случай из моего садиковского детства.

В нашей средней группе пятилеток была девочка, моя тёзка – Галя Кудашова. Мы её дразнили «мальчишницей». Она не любила тихие игры в дочки-матери, больше водилась с мальчиками и на равных участвовала во всех их забавах и потасовках. Но изображать всяких снежинок и матрёшек на детских утренниках ей приходилось вместе с девчачьей компанией. Кажется, её это не тяготило. Во всяком случае, на нашей общей с ней фотографии, где мы красуемся в виде трогательных подсолнушков, у Гали вполне довольное и даже счастливое лицо. У меня с Галей были хорошие отношения. В спальне наши кровати стояли рядом, и мы обедали за одним столиком.

К очередному праздничному концерту наша группа разучила украинский гопак. Детсад был из богатых, принадлежал огромному авиационному заводу. Ведомство не жалело на нас денег, все костю-

мы к утренникам шили профессиональные портнихи. Нас наряжали как кукол. Вот и на этот раз в день праздника на нас с утра надели вышитые сорочки и красные сапожки. Девочки особенно были довольны веночками и ленточками, а пацаны сравнивали, у кого шаровары шире.

Мы отплясали на генеральной репетиции в последний раз гопад, и нас перед концертом повели обедать. Непонятно, о чём думали воспитатели, нарядив деток в праздничные костюмы до обеда. Свою ошибку они поняли поздно и начали нервничать, когда мы шумно усаживались за столики.

– Дети, кушайте аккуратно! – призывали Екатерина Петровна и её помощница.

Наше весёлое настроение стало сдуваться, как только по тарелкам начали разливать кушанье. Это была ненавистная всем молочная лапша. Мы пустили в ход нашу любимую форму протеста: дружно заныли. Но у Екатерины Петровны на нас была хорошая управа. Бунт против лапши обычно подавлялся одной грозной фразой:

– Кто не будет есть лапшу, тому выльем за пазуху!

На этот раз сакраментальная фраза прозвучала особенно устрашающе. Мало Екатерине Петровне было нервотрёпки с нашими костюмами, тут ещё лапша. Мы умолкли и с отчаянием начали всовывать в себя молочную невкусность. Я через силу цедила с ложки сквозь зубы молоко, чтобы не глотать скользкие лапшины. Это было бы уже выше моих сил. После трёх или четырёх ложек я решила отдышаться и посмотрела на своих соседей по столу. Справа и слева от меня два мальчика мучились с лапшой. Но что вытворяла Галя Кудашова! По её щекам катились крупные слёзы, губы были закушены.левой рукой она оттопырила у шеи вышитую сорочку, а ложкой, зажатой в правой, черпала из тарелки лапшу и заливала её себе за пазуху.

– Екатерина Петровна, посмотрите, что Кудашова делает! – воскликнула я.

Не подумайте, что я была ябедой. Просто меня так потряс поступок Гали, что я не смогла удержаться. Что было потом, вы сами можете представить...

«...НАД ВЫМЫСЛОМ СЛЕЗАМИ ОБОЛЮСЬ...»

Если девица девятнадцати лет окажется перед выбором – лекция или кино про сумасшедшую любовь, колебаться она не станет. Вот и я, увидев по дороге на факультет афишу разрекламированного и долгожданного фильма «Ромео и Джульетта», не колебалась ни секунды и пошла в кассу кинотеатра.

Было утро понедельника, поэтому зрителей набралось едва ли треть зала. Это уж потом на фильм Франко Дзефирелли было не попасть. Передо мной, немного правее, уселся деревенского вида мужик. Наверное, он пришёл в кино, чтобы убить время перед какими-то делами, ради которых он утром прибыл в город. Мужик спросил меня:

– Девушка, вы не знаете, кино это интересное?

Я сказала, что очень, но сильно засомневалась, что деревенскому жителю так уж интересна будет старинная английская трагедия из итальянской жизни эпохи Возрождения. Это ведь не «Кубанские казаки» или столь ценимое «простым народом» индийское кино.

Фильм у знаменитого итальянца получился шедевральный и смотрелся на одном дыхании. Мой сосед, кажется, не скучал. Он даже начал волноваться, ёрзать и вздыхать – история веронских любовников набирала драматические обороты. Гибель Меркуцио и Тибальда, бегство Ромео расстроили мужика всерьёз, так что он даже громко крикнул от досады и хватил себя кулаком по колену – «самая печальная история на свете» ему явно была доселе не знакома. Когда Джульетта выпила сонное зелье, беспокойство мужика достигло критической точки.

– Чего ты еле плетёшься, зараза? – возмущался он, когда тихходного монаха с вестью о мнимой смерти Джульетты обгонял на резвом коне паж Ромео с вестью горестной.

– Да проснись же, девонька! – молил мужик в последней надежде на счастливый исход.

Потом он только рыдал, сморкаясь в большой носовой платок:

– Как же так? Как же так? Эх, ребята, ребята! – повторял он в сердечном сокрушении.

Вот так во второй половине XX века деревенский русский мужик искренне и горячо оплакал итальянских мальчика и девочку из трагедии великого англичанина, жившего в XVI веке.

НОВОГОДНЕЕ «ПА-ДЕ-ДЕ»

От новогоднего праздника все ждут чего-то *такого* – волшебного, необыкновенного. Почти всегда напрасно. Ничего, кроме обжираловки, бестолкового веселья и петардовой канонады, обычно не случается. Максимум – какое-нибудь смешное или нелепое приключеньице. Устраивая новогоднюю кутерьму, легкомысленное человечество строит глазки строгому Времени, глупо кокетничает, вместо того, чтобы серьёзно и почтительно ему поклониться.

Из всех моих уже многочисленных новогодних ночей мне запомнились три. Первая – когда в восьмом классе нам, школьникам, наконец-то разрешили праздновать без взрослых. Вторая – когда к нам в квартиру впёрлись без приглашения хмельные соседи и так разгулялись, что повалили ёлку. А третья – когда мы с мужем встретили на улице Деда Мороза.

В тот год наши ожидания были конкретными и совсем не романтическими: мы ждали первого ребёнка. Отсидев в гостях до трёх ночи, решили отправиться восвояси. Вызвать такси в это время было невозможно, поэтому мы понадеялись на дежурный трамвай. На остановке собралось немало таких же надеющихся. Зима стояла серая, унылая, без снега и холодов. И люди на остановке стояли скучно и буднично,

как будто это была не праздничная ночь, а утро рабочего понедельника. Вот тут и явился он – Дед Мороз!

Самым необычным в этом явлении было то, что Деда Мороза волокли под локотки. Сам он пребывал в состоянии глубокой бессознательности и висел на руках двух серьёзных молодых людей в парадных чёрных костюмах. Дед Мороз тоже был молод, безбород и безус. Его тёмно-русовая стриженная голова низко склонилась на ватный воротник плюшевой шубы, ноги в красных сапогах беспомощно тащились по асфальту. За группой поддержки шла молоденькая и прехорошенькая Снегурочка, в бело-голубой шубке и в босоножках на крутых танкетках. Она несла личные дедморозовские клейноды: шапку вместе с бородой и кудрями, посох и мешок для подарков. Процессия совершалась в торжественном и мрачном молчании. Особенно выразителен был ход Снегурочки. По тому, как она печатала шаг своими босоножками, мы поняли, что она была зла, как пантера.

Когда Дед Мороз и его свита завернули за угол, кто-то на остановке сказал:

– Да-а! Напоздравлялся Дедуля до полного «па-де-де»!

Всем стало весело. Вспомнили, что сегодня Новый год, начали желать друг другу нового счастья.

Дежурного трамвая мы с мужем не дождались. Ночной милицкий патруль сжалился над моим интересным положением и довёз нас до дома на своём «бобике».

СВАТОВСТВО

Замуж меня звали два раза. Второе предложение я приняла, первое отвергла. Дело было так.

Весь пятый курс мы, филологические девы, морально готовились к перемене наших участи. Вариантов было немного, точнее, всего два, но оба крутые: выйти замуж (не напасты!) или поехать работать по распределению в какую-нибудь деревенскую глушь (тут уж как бы не пропасть!). Был ещё один выход из нашего филологического терема – свободный диплом без брачных уз. Но большинству он не свети. Через эту узенькую дверцу могли прошмыгнуть только избранные – немногочисленные дочки пап со связями. В конце пятого курса я, как незамужняя, получила направление на работу в симпатичное село Петрово, в двух часах езды от родного города на дачном поезде-тихоходе.

Доцентша, читавшая нам нелюбимый всеми курс советской литературы, в отместку за наше невнимание к предмету, говаривала с ехидцей:

– Да, конечно, зачем вам высокие материи в ваших деревнях? С кем вы там будете о них разговаривать? С вашими кавалерами-механизаторами? Им это ни к чему.

Проработав учебный год в деревенской школе, я не разглядела толком местных механизаторов. Мне было не до них. С понедельника по пятницу я пахала и сеяла на ниве образования, а на суббо-

ту и воскресенья уезжала домой в город. Бывало, что после уроков я заходила в сельскую библиотеку, которая делила одно здание с клубом, и иногда в холле видела каких-то парней, гоняющих бильярдные шары. Я к ним не присматривалась, и они ко мне не цеплялись.

Благополучно прошёл учебный год, и наступил май. В сельце воцарились благодать и лепота, не цвели только заборы и телеграфные столбы. В сиренях и черёмухах надрывались соловьи. Вообще, наше Петрово было таким мирным и безопасным местом, что я даже не особо запиралась на ночь. Накидывала на петлю дверной крючок и почивала себе спокойно. Но однажды ночью я сильно перепугалась.

Меня разбудила какая-то возня в сенях. Пока я соображала со сна, что бы это могло быть, дверь из сеней в кухню со скрипом открылась. Тут уж меня сдуло с постели. Я в панике включила свет и посмотрела на часы: половина первого. В кухне кто-то топал. Не успела я напялить халат, как в комнату вошёл огромный ворох цветущей черёмухи. Мой страх поуменьшился, тем более что из-за черёмухи показалось совсем не страшное лицо – молодое, круглое и веснушчатое.

– Вы кто? Вам кого?

– Я Вася, – ответило лицо, – я к тебе.

Вася положил ворох черёмухи на стол, и я смогла увидеть гостя целиком. Это был крепкий, невысокий, рыжеватый парень примерно моего возраста, совершенно мне незнакомый.

– И зачем пришёл, Вася?

– Свататься. Замуж звать. Мы с матерью посоветовались: ты нам подойдишь.

Спросонья и с перепугу я ничего не понимала. С чего он ко мне вломился и как вообще это у него получилось?

– А чего там трудного? Палочкой крючок поддел – и готово, – объяснил Вася. – В общем, мы с матерью решили, что мне надо к тебе свататься. Ты девка, по всему видно, честная, не гулящая. Мы с матерью за тобой почти год наблюдали.

Это был какой-то бред! При этом Вася был абсолютно трезв и на вид вменяем. Попросту, без церемоний, выставить его я не решилась: кто знает, что он за фрукт? Поэтому я попыталась воззвать к его здравому смыслу. Куда там! На мои слова, что я его совсем не знаю, он отвечал: «Узнаешь». Веский довод, что я его не люблю, разбивался о несокрушимое: «Полюбишь». Железный аргумент, что я не собираюсь век жить в деревне, Васю тоже не озадачил: «Переждем в город». Я не знала, как убедить Васю в бесперспективности нашего предполагаемого брака. Мне было уже и смешно, и досадно. Ну, как от этого жениха отделаться? И тут мне пришла в голову мысль идиотская, но вполне в духе момента. Хохоча в душе, я с самым важным видом произнесла:

– Знаешь, Вася, я никогда не выйду замуж за человека без высшего образования!

Глупая фраза оказалась убедительной! Вася сокрушённо вздохнул и сказал:

– Да, это конечно. Говорил же матери, что ничего не выйдет. Ты только не рассказывай никому, что я приходил, а то в селе засмеют.

На радостях, что Вася сейчас наконец-то уберётся, я горячо заверила его, что буду как могила, и пожелала ему большого личного счастья. И даже передала привет его маме. Вася ушёл, и больше я его никогда не видела.

ХОТИТЕ ВЕРЬТЕ, ХОТИТЕ НЕТ...

Когда Никите было одиннадцать, на даче с ним случилась одна история. Недалеко от дачного посёлка уже года два пустовал старый пансионат. Кто-то его приватизировал, потом выяснилось, что не совсем законно, и этот *кто-то* начал судиться с кем-то – не разберёшь. Пансионат, и без того не шибко шикарный, без призору ветшал, его розарий засыхал. Картина грустная.

Дачники приспособились ходить на пляж через пансионатский запущенный парк. Так было гораздо короче. Мощёная дорожка вела мимо нестриженных кустов, выводила на площадку с эстрадой и спускалась к морю. Рядом с эстрадой примостилась облупленная стойка бара. В пансионате всегда было тихо, безлюдно, только редкие пляжники ходили туда-сюда.

Никита и его дачный дружок Лёвка бегали на пляж этим путём по несколько раз на день. Они уже были большими, и родители отпускали их на море одних. Мальчишки всегда были заняты очень интересными разговорами о всякой всячине и по сторонам особо не глазели. Но однажды, когда они шли домой, прикрытые от солнца мокрыми пляжными полотенцами, и обсуждали новый фильм о пиратских приключениях, их слух поразила громкая музыка. Никита и Лёвка прервали интересный разговор и закрутили головами: откуда тут музыка? И что же они увидели?!

Парк выглядел совсем не таким уж и запущенным. Даже наоборот: розы пышно цвели, кусты были подстрижены. Дощатые летние домики приятно голубели вполне свежей покраской, а на верандах сушились всевозможные пляжные причиндалы. Но самое удивительное – барная стойка работала! Тоже выкрашенная в голубой цвет, уставленная яркими бутылками, стаканами и кувшинами с соком, она выглядела весело и нарядно. Музыка изливалась из двух колонок, прикреплённых к задней стене стойки. За прилавком стоял чернявый парень и протирал белой салфеткой бокал, а перед стойкой на высоких круглых табуретах сидели четверо молодых мужчин и девушка. Бармен что-то сказал – и все дружно загоготали.

Мальчишки удивились: надо же, тут уже всё в порядке, люди отдыхают, а они и не замечали!

– Эй, ребята! – обратился к ним один из отдыхающих. – Времени сколько, не знаете?

– Точно не знаем, – ответил Лёвка, – кажется, скоро час. Мы всегда в это время к обеду домой идём.

– Ну, спасибо! А вы не в пансионате отдыхаете?

– Не, мы из посёлка.

– Ну, тогда вперед!

Мальчики опять пустились в обсуждение пиратских походов и направились к выходу из парка. Но уже на подходе к посёлку они вдруг почувствовали некое смущение.

– Что-то как-то странно... – сказал Никита. – Тебе не кажется, Лёвка?

– Кажется. Ещё вчера там был полный бардак. – Лёвка был постарше Никиты и позволял себе выражаться уже по-взрослому.

– Нельзя же было сделать такой ремонт за один день? – засомневался Никита.

– Давай вернёмся, посмотрим ещё раз! – предложил Лёвка.

Приятели повернули назад. Ходу им было не больше пяти минут. Но когда они пришли в пансионат, они застали там прежнее запустение и безлюдность. Ни нарядного бара, ни музыки, ни весёлой компании не было. Грустно смотрели пустыми окнами облупленные домики, и сиротливо торчала среди неопрятных кустов облезлая стойка.

РАДУГА

Мы с маленьким сынишкой уже собрались было на прогулку, но налетела гроза. Отгремев, отсверкав, оттрепав деревья и отхлестав всех и вся дождём на славу, она с довольным ворчанием удалялась на восток. Пробилось солнце, и мы поспешили во двор. Я усадила сынулю в коляску, пристроила туда же его игрушки и разные необходимые на прогулке вещи. Пока я хлопотала, солнце ударило светом на полную мощь. Я толкнула перед собой коляску, но сделала только пару шагов и ахнула. Прямо передо мной, на фоне огромной чернильно-чёрной тучи сияла радуга. И какая! Двойная, высоченная, крутая, яркая-преяркая, она царила над всем. А в вышине, у самой её излучины, трепыхался и блистал в солнечном свете белоснежный голубь.

Я забыла обо всём и не могла насмотреться на это невиданное и невероятное явление. В эти мгновения я была уверена, что вижу то же, что видели Ной и его близкие после Всемирного потопа на горе Арарат. Более совершенной и грандиозной радуги невозможно было вообразить.

– Господи, красота-то какая!

Это сказала старушка, остановившаяся, чтобы тоже посмотреть на радугу. На её лице было особенное, почти молитвенное выражение. Я огляделась. Кругом было полно людей, они горохом высыпали после дождя на улицу, деловито сновали туда-сюда и не обращали внимания на радугу.

– И никто не видит! – пожалела я.

– Что делать! – вздохнула старушка. – Люди разучились смотреть на небо.

**Светлана
ЛЕОНТЬЕВА**

ЛЮБЛЮ Я ЭТИ НЕБЕСА

***

Не покорить, а любоваться лишь.
Поверь мне на слово: Москва непокорима!
Не проскользнёт ни враг, ни вран, нимышь
под видом пара иль колечек дыма!
...Пустите, неразумную, меня
глазеть на арки, памятники, своды,
на купола из стали и огня
с надменным блеском неба и свободы!
Я – часть массовки. Ломаным грошом
пускаюсь в пляс, тяжки грехи земные!
И всё-то мало, надо бы ещё
прочесть твои узоры расписные!
Как ты меня вот с этою толпой
стремишь по эскалатору крылато!
Любила ли? Жалела ли? Слепой
на скрипке музицирует токкаты..
Кому охота нищим подавать,
монеты, словно листья, осыпая?
Моя разнообразная Москва!
Базарная, кичливая, простая..
Есть у неё особое число!
Отсчёт иной от мирсотворенья!
Прозрение, учение, тепло,
нетление особого значения!
Как женщина – царица, мать, жена –
что распустила пред зеркалом косы, –
она чиста, упряма и верна
любимому, что загулял да бросил...

-
- Светлана Геннадьевна Леонтьева родилась в Екатеринбурге. Окончила Горьковский государственный университет имени Н.И. Лобачевского. Главный редактор альманаха «Третья столица». Публиковалась в журналах «Наш современник», «Москва», «Юность» и др. Член Союза писателей России. Живёт Нижнем Новгороде.

***

Уткнусь в колени: «Не бросай,
о, как ни тяжело, злые камни!»
Люблю я эти небеса –
нет, не минутами – веками!

Никто не может землю так,
изрытую войной и горем
за тьмой боёв, смертей, атак,
любить сильнее – вдвое, втрое!

Я вижу половецкий стан.
Я слышу гул татарской сечи.
И, Боже: Карабах, Афган...
И Украина – недалече...

О, изощрённый чей-то мозг
придумать смел, чтоб – брат на брата
пошли войной! Невроз, психоз.
Весь воздух порохом объятый...

Кольцо сжимается. Тесней
объятья.
Слышится дыханье
иных миров, иных мастей,
иного призрачного знанья.

Но Русь Московская! Но речь
моя исконно нутряная!
Игра моя, что стоит свеч,
и жизнь – вдоль берега, вдоль края!

ОСЕНЬ

В ранний час брала корзину мама,
клала хлеб, немного сала, лук
и в леса по клюкву в рдяный самый
уходила час, и таял звук.

Напитавшись соками, мгновенья
сохраняли зыбкий свой балласт.
Мама, опустившись на колени,
собирала ягоды для нас.

А зимой, когда температура
опускала за окошком ртуть,
для своей дочурки белокурой
вар цедила, что согреет грудь.

Розовый, целебный (не напиток!),
в белой чашке из-под молока,
на салфетке тоненькой из ситца
жил он в ожидании глотка.

Господи, зачем глядишь Ты строже?
Если всё же Ты на свете есть,
верится, что Ты всегда поможешь
исцелить-испепелить болезнь!

И стояла мама у иконы.
Разве можно долго так стоять?
Так мы жили: лес немного сонный,
клюквенная осень, благодать...

Может, надо так любить всё это
и вмерзать в болото телом всем,
уходя за клюквою до света
от несложных жизненных проблем?

А затем, вернувшись, из корзины
доставать пахучую, как мёд,
ягоду. И, обсушившись, зимы
пережить надолго, наперёд.

***

Холодным зимам счёта нет. Они
не пощадят – ни в спешке у вокзала,
ни у дороги, где слепят огни.
– Ты тёплый шарф бы, дочка, повязала!
Сожмётся сердце больно от тоски
у трёх дорог, визгливых перекрёстков...
Был связан шарф на спицах, и клубки
овечьей шерсти рыжевели броско.
Кто так поймёт, как мама? Каждый миг
в просторе мира – ожиданья зала.
Такая малость, капля, пунктик, штрих:
«Ты тёплый шарф бы, дочка, повязала!»
Рисунок, кисти, разноцветья пух
Излечат от ангин больное горло.
И смерти нет! И чуток неба слух –
пернатый, соколиный, совий, орлий!
Материй много, звёзд, пространств, судеб,
петля к петле и нитка к нити плотны!
Чтоб покормить мне птичек, белый хлеб
крошу я на асфальте беззаботно.
Но сердце – как с ним быть? Когда вокруг
разломан звук – одни сплошные шрамы.
...Рисунок, кисти, разноцветья пух...
Лицом я утыкаюсь в шарфик мамы.

**Василий
РЕСНЯНСКИЙ**

НЕПУТЁВЫЙ ЛЁНЬКА

К прибытию гостей Лёнька стал готовиться с утра – сегодня должны были приехать два старших брата с жёнами и сестра с мужем.

День намечался пасмурным, но сухим. Осенние дожди, лившие целую неделю, прекратились, и ударил крепкий морозец, разом прошив лужи до дна и зацементировав дорожную грязь. Это радовало, поскольку проехать на легкой машине в Залесянку в пору осенней распутицы – дело весьма непростое.

Лёнька поднялся затемно, умылся с хозяйственным мылом, причесался второй раз за неделю, одел чистую, неглаженую рубашку и серый, чуть тесноватый костюм, который сшил себе на заказ ещё на свадьбу. Хотел надуться одеколоном, но не нашёл пузырька, а ведь должен был быть где-то, если только не выпил с похмелья. Пил же он регулярно или, как он сам говорил, стабильно, по случаю и без случая, больше стараясь проскочить на халяву, а когда не получалось, добросовестно отрабатывал долг. К чести его надо сказать, эту неделю он не брал в рот ни грамма, поскольку пришлось решать ряд неординарных вопросов: ездил в район за тридцать километров, вызвал матери врача, а потом вёл переговоры с сестрой и братьями. А теперь вот готовился к их визиту. Отсутствие спиртного в крови несколько дестабилизировало нервную систему, но сознание того, что сегодня он обнимется со своими кровными родственниками, с которыми не виделся уже пять лет, наполняли его душу особым теплом, создавая ощущение праздника.

Прежде всего он навёл порядок в доме: как мог, вытер пыль и паутину, подмёл полы, вытряхнул половики и покрывала, расставил по местам стулья. Старая бревенчатая изба, построенная ещё отцом, делилась на четыре комнаты. Первой открывалась малюсенькая кухонька с газовой плиткой и столом, за ней шла точно такая же

-
- Василий Григорьевич Реснянский родился в 1951 году в селе Песчанка Самойловского района Саратовской области. Публиковался в журнале «Другой берег», в альманахе «Страна Озарение». Автор 13 сборников. Живёт в Энгельсе.

комнатушка, символизировавшая прихожую, а дальше следовал зал с отгороженной справа крохотной спальней, ставшей постоянным пристанищем больной матери. Закончив нехитрую уборку, поменял у мамы постель и вышел по шаткому крыльцу на свежий воздух. Лёгкий морозец бодрил, белый иней поблёскивал на крыше сарая, на сером ковре поникшей лебеды, контрастно прорисовывал чёрные голые ветви деревьев.

Лёнька сразу направился к воротам, попробовал их распахнуть, поскольку они уже несколько лет подряд не открывались. Верхняя петля развалилась от времени и непогоды, и он подвязал её к столбу куском проволоки. Оставив ворота открытыми, занялся ревизией двора, освободив его от разного хлама и ненужных вещей, чтобы был свободный проезд для машин. И Толик, и Васёк, и Надя – все должны были приехать на своих легковушках. Это у него, у Лёньки, как у непутёвого, столетняя изба и велосипед, у которого в переднем колесе под крышкой вместо камеры вложен поливной шланг. А они все люди солидные, городские, семейные, зажиточные – одним словом, путёвые.

Осмотрев критически двор, стал собирать валявшиеся всюду пустые бутылки и складывать их в погребке в кадушку, пока та не заполнилась с верхом. Когда-то матушка квасила в ней на зиму капусту. Семья была большая – четверо детей, и запасов требовалось много, но она как-то справлялась, успевала одна, не зная устали. А теперь вот лежит в спальне парализованная.

Лёнька ещё раз обмерил взглядом двор и, удовлетворённый, направился в баню, куда ещё с вечера наносил воды и дров. Разжёг огонь в топке и, усевшись в предбаннике на перевёрнутое ведро, задумался, глядя на пляшущее пламя.

Мать родила его уже на излёте своей молодости (в деревне ведь женщины старятся рано, грубея под солнцем и ветром). В этом году они с ней оба юбиляры: Лёньке стукнуло пятьдесят, а матери сегодня исполняется восемьдесят. Отца своего он знал мало. Помнил, что был тот добрым, хватким, напористым. Про него говорили, что мужик он башковитый. Работал отец учётчиком на зерноскладе, и поймали его якобы с мешком зерна в телеге. В семье уже было трое детей, когда его посадили в тюрьму, а после его возвращения домой и родился Лёнька.

Таким образом, у них с первинкой Надей получилась разница в десять лет. Поскольку он в семье был самым маленьким, все с ним нянчились, всячески оберегали его, баловали, чем Лёнька нередко пользовался. К старшим детям отец был более строг в учении, требовал, чтобы по всем предметам были пятёрки. Сам помогал решать задачи и проверял сочинения, объяснял непонятное и заставлял учить уроки. Он добился-таки своего: выучил всех троих, сумел выпихнуть их из деревни в город, где все они успешно поступили в институты. А вот на Лёньку у него сил не хватило. Крепко заболел он, поскольку из тюрьмы пришёл с чахоткой. Лёнька учился ещё в начальных классах, когда отец умер. Вот тут и началась воля или, точнее, самовольство. Мать особо не вникала в науки, да и не до того ей было, цель-

ми сутками пропадала на ферме, а сынку во всём послабление давала – как же, ведь младшенький он у неё, последушек. Совсем разбаловался Лёнька, а когда закончил восемь классов – бросил школу. Мать на учении особо не настаивала, но иногда корила его:

– Ты бы, Лёнька, со старших пример брал. Надюшка вон у нас булгахтершей в Риге, Толик в Ленинграде – анжинером и партийный, а Васёк в Москве на писателя учится. Один ты у нас – непутёвый.

– Эх, мам, – парировал Лёнька, – да если все станут инженерами и писателями, кто же коров станет доить и землю пахать? Поработаю в колхозе до армии, а там видно будет.

«А может, он и прав, – рассуждала сама с собой мать. – Пусть живёт рядом с домом, глядишь, на старости лет какая подмога будет, а то потом разъедутся, всех и не соберёшь».

Лёньке нравилась сельская жизнь, нравилась Залесянка – маленькое село, отгороженное от всего мира стеной леса. Он любил бродить лесными дорогами, пить воду из родника, есть малину прямо с куста и никак не мог понять, зачем нужно ехать куда-то в город от всей этой благодати.

Однако армия изменила его представления о городе, и, вернувшись после службы домой, он вскоре уехал в Ригу к Наде, поддавшись на её уговоры. Она устроила его на стройку учеником сварщика. Лёнька по натуре был усердным, понятливым, схватывал всё на лету и уже через месяц варил сам, на зависть старым мастерам. Пошли хорошие деньги, левые заказы, шабашки. Стройка – дело такое, что если дом не «обмыть», то в нём и штукатурка держаться не будет, поэтому каждый день приходилось что-то «обмывать». За многие мелкие услуги клиенты расплачивались бутылкой. Тут-то и пристрастился он к водочке. На внешность Лёнька – красивый, рослый, сердцем мягкий, простецкий сельский парень, так что, хоть и попивал горькую, девки за ним гонялись. Выбрал он себе рыжеволосую Настю, расписались они с ней и стали жить на квартире у Нади. Та матери письма пишет и за себя, и за брата: «Лёнька у нас женился, а пьёт беспросыпно, что делать с ним – не знаю. Забери ты его отсюда, может, он тебя слушаться будет. И в кого он у нас такой непутёвый? Отец-то не пил».

Лёнька не любил город, но в деревню всё равно не уехал бы – привык к хорошим заработкам, к лёгкой городской жизни, да и квартиру на следующий год обещали. Однако тут так некстати случился у матери инфаркт. Никак нельзя в такой ситуации оставлять одну, уход за ней нужен. Собрались Фроловы на семейный совет: «Ты у нас, Лёнька, самый молодой, всё у тебя ещё впереди, а пока у тебя нет ни детей, ни квартиры, то и терять тебе в городе нечего. Езжай-ка ты в деревню на исправление грехов своих, там и жильё есть, и матери поможешь, а когда она поправится, обратно в город вернёшься, никуда он от тебя не денется».

Честно говоря, Лёнька был рад, что нашёлся повод вернуться назад, в Залесянку. Село потихоньку чахло, как неизлечимо больной, но это его не смутило. Приехав в деревню, устроился сварщиком в колхоз и развил такую деятельность, что даже пить бросил.

Прежде всего распахал побольше огород, кур развёл, свиней, в доме сам сварил водяное отопление, перекрыл железом крышу. А в комнатах сделал ремонт на городской манер. Насте тоже понравилось их село, только зимой она тосковала по городу, когда всю округу заметало снегом, отрезая пути-дороги, а в доме только музыка печных труб да в телевизоре всего два канала центрального телевидения. Однако на первых порах дело пошло неплохо: мать потихоньку оклемалась, начала сама себя обслуживать, дочь родилась. Казалось бы, только жить.

Но тут как-то летом приехал к бывшим соседям Миличёвым из Москвы какой-то родственник, вольный художник, на этюды. Молодой, но с бородкой, весь такой правильный, начитанный, пропахший краской, дорогими духами и табаком – трубку курил. Оно, конечно, в Залесянке такая природа, что никакой Швейцарии не надо, такие пейзажи, что и Репину не снились! Иной раз на рассвете встаешь, глянешь на лес, а он весь от солнца золотой, и туман над прудом как ладан курится – такая красота, что слезу вышибает.

Вот стал этот художник дивоваться Настинными огненными волосами, приставать стал: давайте вас, Анастасия, рисовать буду, у вас тип лица нестандартный, у вас линия шеи, у вас классическая форма груди, у вас конституция фигуры... Как будто они сами не знали, у кого какая конституция под одежкой имеется. В общем, стал он её рисовать, а по осени вместе с дочкой уехала она с ним в столицу – художник-то был холостой. А Лёнька, как на грех, в то лето опять попивать начал. Расслабился, и произошла у них с Настей размолвка как-то сама собой, без его участия и сопротивления. Возможно, он отнёсся ко всему слишком безрассудно, легко или, может, чересчур доверял своей жене, а когда опомнился – поздно было. Вот тогда-то и запил он по-настоящему – стабильно!

Мать его одёргивала:

– Лёнька, ну что ж ты у нас такой непутёвый! Остановись, сынок, езжай в Москву за Настей. У Васька поживёшь, на работу устроишься, глядишь, всё и образуется. А я уж тут сама помаленьку справлюсь.

Посмотрел Лёнька, как мать от колодца до крыльца полведра воды в три присеста несёт, и сердце зашлось. Может быть, если бы жил где-то в городе далеко да про это ему кто-нибудь рассказал, он бы стерпел, но когда видишь всё своими глазами...

– Нет, мать! – сказал он твёрдо. – Если я ей нужен, пусть сама ко мне едет. А пока мы с тобой вдвоём поборемся годок-другой. Окрепнешь, тогда и уеду.

Зимой по почте пришёл ему от Насти развод. Стало быть, хорошо ей там, в белокаменной, с художником живётся, может, счастье своё нашла. Понял он, что не собирается она гробить свою молодость в глухой деревне рядом с мужем-алкашом и больной старухой. Разом как-то потускнел для него мир, жизнь потеряла вкус, и он вдруг отчётливо осознал всю её бессмысленность. Из него, словно из ткани, выдернули нитки канвы и основы, и узор, начатый было им, стал расплзаться в разные стороны. Лишь когда выпивал, набирался

он бодрости, уверенности в своих силах, веры в свою необходимость для матери. А время шло.

Провели в Залесянку наконец-то газ – большое подспорье для села, но только слишком поздно: народ-то уже разбежался, выпустили из великана молодую кровь. С каждым годом всё больше появлялось заколоченных домов, всё больше прибавлялось крестов на кладбище, а вот дети по деревенским улицам не бегали. Сначала закрыли детсад, потом – школу. Почту и сельсовет перевели в соседнюю Криушу, убрали магазин и клуб. Потом начали разваливаться колхозы. Волна всеобщего бардака и безвластия захлестнула деревню. Работы не было никакой. Каждый выкручивался и выживал как мог. Лёньке помогала материна пенсия, да и сам он не упускал ни единой возможности подработать, и за что бы ни брался, всё получалось – этот дар у него от отца был. У матери дела с выздоровлением не продвигались, а напротив, ей становилось всё хуже. Он взял на себя всю домашнюю работу, хозяйство потихоньку спустил, потому что с кормами стало проблематично, но по-прежнему держал большой огород, обеспечивая себя всем необходимым из основных продуктов. Он понимал, что надо бежать, что его любимая, ненаглядная Залесянка – это мышеловка, которая вот-вот захлопнется, но мать держала его надёжнее всякого якоря, повисла кандалами на ногах. Баба Груня, его единственная соседка по всей улице, видя, как он, пьяный, возвращается домой, выговаривала ему:

– Эх, Лёнька, Лёнька! Был бы ты путёвый – жил бы в городе, и мать при тебе была. Мыслимое ли дело – бобылём в деревне маяться?! Ты бы остепенился немного, бабёнку себе какую подыскал, ведь ещё не старый.

– Да где ж её, бабёнку, найти? У нас в Залесянке одни пенсионерки остались.

– А ты в Криушу сходи. Я точно знаю, там есть бабы одинокие.

– Это какая же дура из Криуши в нашу дыру пойдёт? Велик ей интерес за больной старухой ухаживать.

– Ну, тогда пей больше! – гневно махала рукой баба Груня.

И Лёнька пил. Выпивка на какое-то время раскрепощала его, давала возможность уйти от реальности этого мира, забыться, окрыляла мечты. Но, с другой стороны, алкоголь незаметно разрушал плоть, убивал желания, старил. Постепенно из зрелого парня он превратился в рядового сельского мужика. Ему уже было за сорок, а в деревне его по-прежнему звали Лёнькой, как привыкли, как звали его в семье, потому что он – младший.

Пять лет назад мать парализовало, отнялась вся правая сторона. Она потеряла возможность самостоятельно передвигаться и говорить. Из великого многообразия русских слов ей всего легче давались слова: «Лёнька», «О, Господи!» и мат. Все прочие выражения требовали невероятных усилий и сосредоточения. Иногда ей приходилось несколько минут подряд строчить как из пулемёта отборный мат, чтобы в конце сказать: «О, Господи!» Лёнька перепугался не на шутку, даже пить бросил. Братьям и сестре отослал телеграммы: «Мать в плохом состоянии».

Они явились тотчас же, дружно, обсудили сложившуюся ситуацию, привезли из района врача. Тот осмотрел больную и сделал заключение:

– Паралич – следствие рассеянного склероза. Болезнь, по-видимому, будет прогрессировать, может быть, растянется на несколько лет – как сердце выдержит. Пока что больная не подлежит транспортировке, ей нужен покой.

Три дня сестра и братья жили в Залесянке, накупили всяких лекарств, продуктов, а потом уехали, договорившись за общим столом, что раз мать не транспортабельная, то пусть лежит дома, а Лёнька за ней ухаживает. Дело это для него привычное, в деревне он уже обжился за двадцать лет, да и человек он свободный – ни детей, ни плетей, ни работы постоянной.

– Ты бы женился, – посоветовал Толик, – будет тебе в делах помощница.

– А на ком жениться? Разве что на бабе Груне, – засмеялся Лёнька.

– Ну, на ком-нибудь, – пожал плечами брат. – Короче, ты тут пока похозяйствуй. Мы бы мать с собой, конечно же, взяли, но не выдержит она переезд. Так что ты уж потерпи, пригляди за ней, а мы тебе материально поможем.

Вручили они брату мобильный телефон – большая редкость по тем временам, показали, какие кнопочки нажимать, на том и расстались.

Первое время материальная помощь действительно поступала: кто тысячу, кто две присылал каждый месяц. Потом всё стало как-то забываться, и наконец денежный поток иссяк, баловали только на праздники и на дни рождения.

Лёнька понимал, что они в городе ежедневно заняты своими бесконечными делами и за суетой порой некогда вспомнить о нём. Но он и не настаивал, не напоминал, ведь деньги, как известно, портят отношения.

Медсестра десять дней ездила на велосипеде из соседней Криуши, ставила матери систему, а колоть уколы Лёнька научился сам. Потом она стала наведываться раз в неделю. Ежедневно он звонил сестре, а та уже обзванивала братьев. Связь в Залесянке отвратительная, чтобы поговорить, надо было выходить на бугор за село либо залезать на крышу. Селяне порой судачили между собой: «Лёнька сегодня опять на трубе сидел, видать, с Москвой разговаривал!» Деньги ему на телефон переводили старшие Фроловы, но со временем, убедившись, что мать жива и не собирается умирать, поостыли.

Потянулись однообразные дни, переходящие в годы. Лёнька по-прежнему выполнял всю домашнюю работу: полыл огород, заготавливал дрова, мыл полы, стирал, готовил обеды. Всё свободное время отнимал уход за матерью. Как бы там ни было, но к ней постоянно требовалось наведываться: то подстилку поменять, то подать судно, то чаю налить. Рядом с кроватью на стене он приколол лист бумаги, на котором было крупно расписано, что в какое время нужно делать и какие лекарства давать.

Через две недели мать немного отпустило, к ней вернулась речь, увереннее стали движения, и теперь во время ухода за ней она ста-

ралась всячески помогать сыну. Особенно сложно давалось купание. Для этого Лёнька застилал кровать клеёнкой, рядом на табуретках ставил корыто и переваливал в него мать, крупную ширококостную женщину. Обмыв её и обтерев, закатывал обратно в постель и убирал клеёнку. Поначалу он стыдился материнской наготы, но постепенно привык, как привыкает хирург резать по живому. Мать во время купания плакала:

– Эх, Лёнька-Лёнька! Да разве же это мужское дело – сранки за мной стирать! Прости ты меня, сынок, Христа ради! Купи мне крысиного яду или дуста какого, а я сама выпью.

– Ну что ты, что ты, мам! Прорвёмся! – бодро отвечал он ей, дюльдюкнув перед купанием стопарик для храбрости. – А как же ты нас на своих руках нянчила? Теперь наша очередь, и нет тут ничего зазорного.

Два острых и противоречивых чувства боролись в нём: с одной стороны, ему хотелось, чтобы весь этот кошмар как можно скорее прекратился и мать настиг её естественный конец, с другой стороны, Лёньке было страшно жалко мать и он не мог представить свою жизнь без неё, без заботы о ней. Поэтому, чтобы уравновесить свои мысли, он добросовестно заливал их самогоном. Добыть его тоже стоило труда. Он занялся рыбалкой, кормился сам, а излишки отдавал без веса за бутылку. На рыбу у стариков всегда был спрос. Иногда брал в долг, якобы матери на компрессы и для уколов. Потом отработывал: возил сено, колот дрова, ремонтировал сараи. Хорошо было примкнуть к какой-нибудь компании. Мужики в селе пили часто: от безделья, от безысходности, от бессильной злобы на жизнь, на правительство, на самих себя. Но каким бы пьяным Лёнька ни был, он всегда соблюдал свой регламент и порой вставал из-за стола, не дождавшись конца застолья:

– Ну, мужики, я пошёл. Мне мать кормить пора.

Он не относился к той категории пьяниц, которые были готовы вынести из дома всё до нитки. Лёнька, наоборот, всё тащил в дом, от любой пьянки старался поиметь какую-то выгоду. Поэтому у него всегда был запас дров для бани, огород был вспахан вовремя, а для поездки в райцентр находилась попутка.

Сложнее дело обстояло с деньгами, так как трудно было найти работу. Порой попадались мелкие шабашки не за самогон, а за деньги. Иногда фермеры, живущие в Криуше, зная о его мастерстве, приглашали на сварочные работы или ремонт техники. Осенью Лёнька обменивал на деньги солому и зерно, причитающиеся ему за пай земли, находящийся в аренде у фермеров. Во время долгих отлучек просил подежурить рядом с матерью соседку бабу Груню. В основном жили на пенсию матери. Шесть тысяч Лёнька делил пополам. В первую очередь платил за газ, за свет и налоги, чтобы не было долгов, чтобы не отключили что-нибудь. На оставшиеся три тысячи покупал самое необходимое: хозяйственное мыло, чай, подсолнечное масло, лавровый лист, лезвия для бритвы и пузырёк одеколona. Остальные деньги шли на лекарства. Соль и сахар закупал оптом – один раз в год. Муку, крупы и макаронны брал у фермеров на крупорушке в обмен на работу. Одежду приобретал лишь по случаю, при необходимости.

Два раза в неделю в Залесянку приезжала автолавка, где можно было купить хлеб и все ходовые продукты. Зимой, во время непогоды, хлеб приходилось закупать впрок, и жители хранили его в сенах замороженным. В целях экономии Лёнька бросил курить, но перестать пить никак не получалось. Это была отдушина, самозащита психики, дверца, через которую он уходил внутрь себя, отгораживаясь от всего мира. Его уже не интересовали женщины, высокие материи, богатство, он твёрдо уверовал, что ничего уже нельзя изменить в этой жизни, и просто плыл по течению, расслабившись на время, не делая никаких попыток прибиться к берегу.

Через год матери стало хуже, она перестала говорить. Единственное, что ей удавалось произнести, было имя сына, и когда что-то ей требовалось или не нравилось, бубнила монотонно: «Лёнька... Лёнька... Лёнька...» Но самое главное, что она стала терять разум, не знала меры в еде, не чувствовала позывов в туалет. Теперь Лёньке приходилось по нескольку раз на день менять под ней тряпки, следить, чтобы не сделала чего лишнего. Подпив, он смело, голыми руками вынимал из-под неё обмаранные простыни, складывал в таз, приговаривая:

– Не дрейфь, мать, прорвёмся!

Потом вымачивал бельё в корыте и бросал в стиральную машинку. Когда машинка сломалась, стал стирать в бочке. При этом приходилось топить баню почти каждый день. Хуже всего дело обстояло зимой. Чтобы высушить бельё, он развешивал его на трубы отопления. Запах стоял соответствующий. Но он привык, привык ко всему, как привыкает молодой актёр к исполнению ненавистной ему роли, навязанной режиссёром, играя её добросовестно, чтобы не выгнали из театра.

Доктор, приезжавший осматривать пациентку, разводил руками:

– К сожалению, от смерти лекарства нет, а мы – не боги.

Медсестру, продолжавшую уже столько лет подряд наблюдать мать и выписывающую ей лекарства, Лёнька всякий раз просил:

– Лена, ты уж нам что подешевле...

– Да знаю я, дядь Лёнь, – сочувственно вздыхала она, – но дешевле только вода.

Лёнька добросовестно колол лекарства, давал пилюли и капли, но матери уже ничего не помогало. Старухи, прежде ходившие навещать мать, больше не показывались: чего ж являться, если поговорить не с кем? На улице они спрашивали Лёньку:

– Ну, как там Нюрка?

– Чудит! – отвечал тот.

– Ты её хоть кормишь?

– А как же!

– Терпи, Лёнька, терпи! Она же тебе мать. Живьём в землю не закопаешь.

И Лёнька терпел. Но вот этим летом мать ударил второй инсульт, и она полностью обездвижела. Теперь приходилось ворочать её, как бревно, следить за пролежнями, кормить с ложки. Он поделился своими опасениями с сестрой по телефону, что мать эту зиму может

и не пережить. Тогда Надя и предложила всему семейству Фроловых собраться вместе в Залесянке, пока ещё осень, пока зима не отрезала село от трассы, отметить матери восьмидесятилетие, устроить для неё праздник, а заодно и на неё посмотреть, и самим показаться.

Первой через открытые ворота въехала серебристая «Тойота» Толика. Он сразу прокатил её почти до конца двора, остановив у бани, оставляя место для других машин. Вместе с ним приехала его жена, «крашенная лахудра» – как называл её про себя Лёнька. Недолюбливал он Любу за то, что вечно из себя питерскую принцессу корчит, хотя все знают, что она мордовка из такого же глухого хутора, как Залесянка, давно исчезнувшего с карты. Хозяин двора выскочил из предбанника им навстречу. Обнялись, поцеловались.

– Какой ты старый, Лёнька! – сказала Любка. – Что же небритый?

– А вот сегодня баня, там и побреемся! – весело ответил он.

Прошли в дом к матери. Та встретила их безумными провалами чёрных глаз:

– Ы-ы-ы... ы... ы...

– Что она хочет сказать? – спросил растроганно Толик.

– А Бог её знает! – ответил Лёнька, привыкший видеть эту картину ежедневно. – Сейчас воды дам.

Вряд ли мать понимала, кто перед ней и что, собственно, происходит, но Толик заговорил с ней со всей серьёзностью и сочувствием.

– Здравствуй, мама! С днём рождения тебя, с восьмидесятилетием! – Он поцеловал её в морщинистую щёку. – Прости, что не приезжал.

– Ы-ы-ы-ы, – бессмысленно промычала в ответ больная.

Люба подошла, погладила положенные поверх одеяла жёлтые, в синих прожилках руки, похожие на листья сгоревшего под солнцем лопуха.

– С днём рождения, дорогая!.. Ну, лежи, лежи...

И сразу же направилась к окну открывать форточку.

– Лёнька, что ж у тебя здесь вонь такая? Ты хоть проветриваешь?

– Не лето сейчас проветривать, – буркнул он в ответ.

Вышли во двор. Толик критически осмотрел подворье, сказал с сожалением, с недовольством:

– Да, пять лет меня в Залесянке не было, а такие изменения, как будто Мамай прошёл. Какое селище было, и не осталось ничего!

– Бегут все, – подтвердил Лёнька. – Этим летом пять семей выехали.

– И чего людям не хватает? Лес есть, вода под боком, чернозём такой, что хоть на бутерброд намазывай. Почему бегут?

– Жить хотят.

– А ты, я смотрю, всё пустил на самотёк, – продолжил Толик. – Ворота на проволочке висят, сарай вон того и гляди завалится.

– А кому он нужен, сарай-то? Скотины всё одно нет.

– Сад совсем запустил, – не слушая Лёньку, вздохнул брат, – пруд рядом – и не поливаешь!

По заснеженной тропинке он направился через сад вниз, к пруду. Лёнька с Любой молча шли следом. Не найдя воды, Толик спросил удивлённо:

– А где же пруд?

– В половодье плотину прорвало, а запрудить некому, колхозов теперь нет.

– Ну и дела! – гость развёл руками. – Живёте вы тут все – абы день прошёл.

– А вы в Питере живёте по-другому?

– Нормально живём!

– Так, может, вы и живёте там хорошо, потому что мы здесь живём плохо?

Толик ничего не ответил брату.

Вернувшись во двор, выглянули за калитку. В конце улицы, между зарослями бурьяна и брошенными домами, показались две машины: первым шёл чёрный «Лексус», за ним – «БМВ» вишнёвого цвета.

– Наши! – радостно вскрикнула Люба. – Васёк с Надюшкой едут!

Громко сигнала, машины въехали во двор и встали друг за другом. Первой из «БМВ» вышла Надя – постаревшая, погрузневшая, копия матери. Прижимая к груди огромные белоснежные хризантемы, она поспешила к братьям. Следом появился её муж Геннадий. Васёк на минуту задержался в салоне, решая какой-то вопрос. Наконец он вывалился из-за руля, весь круглый, толстый, краснощёкий, и поспешно открыл вторую дверь машины. Из неё вышла молоденькая девушка с кукольным лицом, сжимавшая в руке букет красных роз.

Василий за руку подвёл её к собравшимся родственникам:

– Знакомьтесь, моя новая жена – Ляля.

Перезнакомились, перецеловались.

– Как там мать? – спросил Васёк.

– Увидишь, – сокрушённо махнул рукой Толик.

Четверо вновь прибывших направились к юбилярше.

Первой из дома на улицу выскочила Ляля, уже без букета, зажимая пальцами нос. Следом появился Геннадий, вытирая платком рот и шею, чертыхнулся с досадой:

– Как есть – пенёк с глазами! А какая красивая женщина была! Сильная, как молодая кобыла. Помню, зерно с нею получали в мешках. Я приготовился вдвоём их носить, за один конец уцепился, а она мне говорит: «Ты сиди, зятёк, тебе тяжело будет, я сама». И берёт так спокойно себе на грудь по мешку и складывает на телегу...

Затем на крыльцо выкатился Васёк с покрасневшими глазами. Сказал растерянно:

– Не думал я, что всё так... Не предполагал.

Последней из дверей выглянула Надя:

– Лёнька, что же у тебя мать мокрая лежит?

– Так ведь только что менял.

– Значит, чаще менять надо! Идёмте, девочки, перестелем.

Ляля тотчас же выставила растопыренные пальчики, словно птичка крылышки:

– Нет, нет, это, пожалуйста, без меня!

Лёнька пошёл с женщинами. Когда вошли в комнату матери, «лахудра» спросила его:

– А ты нам резиновые перчатки найдёшь?

– Может быть, вам ещё и противогазы дать?

Он молча ловким, натренированным движением, аккуратно выдернул из-под больной подстилку, сухим краем вытер ей ягодичы и свернул ткань конвертом. Так же быстро открыл стоявший рядом шифоньер, достал из него сухую простыню и подал сестре. Та, глядя на её землистый цвет, спросила:

– А ты с чем бельё стираешь?

– С хлоркой, – ответил брат.

– Отбеливатели надо покупать и стиральные порошки. А если сам не умеешь стирать, попросил бы бабушку Груню.

– Да бабушке Груне самой по весне восемьдесят стукнуло.

– Ну, к тётке Фросе ходил бы.

– Померла она ещё прошлым летом.

– Котиных попросить можно, они нам свои.

– Котины обе в доме престарелых.

– О, боже! – вздохнула сестра. – Какой кошмар!

Что Надя имела в виду под словом «кошмар», она так и не объяснила: то ли качество стирки, то ли отсутствие в селе тех, у кого можно было просить помощи, и, поскольку она продолжала в задумчивости стоять, Лёнька выхватил у неё простыню из рук со словами:

– Собирайтесь-ка вы в баню, а я тут сам.

Когда он появился на пороге дома, то увидел, что все прибывшие гости копошатся возле своих машин, дверцы и багажники которых были открыты, выгружают оттуда привезённые с собой запасы провизии. Вскоре всё крыльцо было уставлено банками, бутылками, коробками и пакетами, ящиками с фруктами и овощами, упаковками с пивом и газировкой. Увидев, что Ляля несёт две пластмассовые канистры, на которых написано «Питьевая вода», Лёнька удивлённо спросил:

– А вода-то зачем? Колодец же есть.

На что та ему ответила:

– Пусть из вашего колодца скотина пьёт. А мы люди.

«Москвичи – вода им в колодце не та!» – буркнул про себя Лёнька, но спорить не стал.

В баню первыми пошли женщины – «по-быстрому», а потом мужчины – с пропаркой. Наконец, все собрались в доме, выпили по граммулечке, чисто символически, перекусили и взялись за организацию основного праздника. Мужская половина занялась технической стороной дела, дамы колдовали на кухне, несколько раз призывая к себе на помощь Лёньку: наточить ножи, найти сковородки и разделочные доски, слазить в погреб. В зале передвинули мебель, принесли из сарая лавку. Разложили старый круглый раздвижной стол, накрыли его целлофановой скатертью. Вскоре на ней появились одноразовая посуда и весь запас хрусталя из серванта. Мало-помалу, под шутки и разговор стол заполнился закусками и блюдами до такой степени, что уже некуда было поставить лишнюю рюмку. Уж что-то, а поесть и выпить Фроловы любили, это у них в крови. Любой вам в Залесянке подтвердит, что столы у них всегда были обильные, а тут же ещё и друг перед другом похвастаться хочется. Толик решил

позвать кума Серёгу, своего школьного друга, с женой Валею, и вскоре привёл их, весёлых и нарядных.

Уже слегка вечерело, когда в сервировке стола была поставлена последняя точка и все расселись по своим местам. Дверь в спальню матери прикрыли, чтобы освежить воздух в зале, да и не досаждают большой шумом. Хлопнуло шампанское, и веселье началось.

Первый тост взяла Надя по праву старшей в семье. Она долго и сбивчиво говорила, благодарила мать за то, что та родила её, что подарила годы жизни, позволившие ей дожить до пенсии. Потом поднялся Анатолий и повторил всё сказанное сестрой. Василий, как истинный поэт, подняв на вытянутой руке полную стопку, прочёл длинное стихотворение, посвящённое матери, которое заканчивалось словами: «И жить тебе ещё сто лет!». Ему дружно аплодировали.

После каждого тоста, опорожнив стаканчик, Лёнька на мгновение замирал с высоко поднятой вилкой, размышляя, куда её следует опустить в этот раз, восхищаясь обилием стола, рассматривая продукты и кушанья, многие из которых он не только ни разу не ел, но даже и не знал, как они называются. Им с матерью такие деликатесы и во сне не снились. Когда матушка перестала владеть своим телом, все поварские обязанности перешли к Лёньке. Меню у него особым разнообразием не отличалось: суп, картошка, каша, рыба. Иногда готовил щи и пёк блины, кстати говоря, весьма удачно, даже мать хвалила...

Дошла очередь высказаться и до Лёньки. Поскольку все главные слова и пожелания уже были произнесены, то он просто присоединился к вышесказанному и выразил сожаление, что мать не может сесть с ними за стол и что братья и сестра слишком редко ездят в деревню. Залпом опорожнив стакан, он ткнул вилку в красивую банку, на которой было написано «Оливки, фаршированные тунцом», сунул в рот зелёные шарики и тут же незаметно выплюнул их себе в ладонь («Какую только гадость не едят эти городские!») и следом, исправив ошибку, подцепил из соседней банки хороший кусок лосося.

Между тем речь Лёньки не осталась незамеченной, и гости в свою очередь начали смущённо оправдываться друг перед другом.

– Ну как мне, пенсионерке, лишний раз приехать из-за границы?! – заговорила Надя. – Ведь каждая копейка на счету, две внучки на моём попечении, да и документы всякий раз на выезд оформлять надо.

– А у меня просто нет времени! – развёл руками Василий. – То конференции, то творческие вечера, то концерты, уже не помню, когда в последний раз был в отпуске.

– Ну а я вообще занят круглые сутки. Бизнес, знаете, ленивых не любит, крутиться надо, – вздохнул Анатолий. – Правда, прошлым летом мы хотели с Любашей приехать, но тут как раз путёвка в Турцию подвернулась.

– А чем наша Залесьянка хуже Турции? – отозвался Лёнька.

Толик удивлённо пожал плечами, а его «половина» договорила за него:

– Ты сам подумай, что спросил!

– Ну ты, Лёнька, и сравнил – Залесянку с Турцией! – поддержал друга кум Серёга, слегка под хмельком. – У нас деревня, а там Турция! Тур-ци-я!

– А по мне, так краше наших мест в мире не сыскать! – возразил Лёнька и, махнув рукой, продолжил изучение стола.

После четвёртой захорошело. Все как-то разом сблизились, заговорили, зашумели, заспорили, курящие вышли на крыльцо. За столом образовывались и распадались группы собеседников по интересам. Наливали и выпивали уже без громких тостов, каждый на своё усмотрение, чем охотно воспользовались муж Нади и кум Сергей.

Лёньке послышалось, что мать закашляла, обернулся – дверь в спальню была открыта. В комнате горел свет, и он поспешил туда. Надя сидела на табурете перед матерью и, держа в левой руке очищенный апельсин, правой запихивала ей в рот медовые дольки.

– Нельзя! – остановил он Надю. – Нельзя ей твёрдую пищу, подавится!

– Да я апельсинку, она же мягенькая.

– Нельзя, – повторил он, – надо вот так...

Лёнька взял из рук Нади апельсин и стал выдавливать потихонечку сок из плода, держа его над губами больной и следя, чтобы капли попадали ей в рот.

– Я её уже покормил, – продолжил он, – теперь до утра ей ничего не надо давать, кроме лекарства, иначе всю ночь придётся пелёнки менять.

Между тем застолье продолжалось. Многие уже забыли, в честь кого оно устроено, впрочем, теперь это и не имело особого значения. Мужчины, зная, что завтра выходной день и не надо садиться за руль, расслабились. Поздний вечер накрыл Залесянку, замазал окна холодной осенней чернотой. Собравшиеся за столом уже крепко выпили, но ещё хорошо понимали друг друга. Настало время врать, хвастаться и давать обещания.

– Ну что, Васёк, как дела? – обратился к Василию Сергей, сидевший напротив него с рюмкой в руке. – Всё сочиняешь? Ты же у нас теперь маститый поэт.

– Пишу помаленьку, на хлеб с маслом хватает. Вот женился в четвёртый раз, помоложе взял, думаю, что это окончательный вариант.

– Ну, давай за тебя. За твоё творчество. Прославляй нашу Залесянку! – поднял Серёга свою рюмку.

– За Нобелевскую премию! – присоединился к ним Геннадий.

– Вы-то как там с Надюхой? – шумно выдохнул Василий после выпивки и обернулся к зятю.

– С Надежды какой спрос – пенсионерка! – махнул рукой Геннадий, похрустывая грибами. – Один кручусь, но баксы потихоньку капают, находим способы. А вот тут, в деревне, я смотрю, мужики руки опустили. Такая земля, такие просторы, а живут в нищете. Леньматушка!

– Не прав ты, Гена, крепко не прав! – протестующе взмахнул рукой Сергей. – Земли-то много, только не наша она, да и не поднимать её в одиночку. Верно ты заметил, что чернозём у нас отменный,

но его ложкой жрать не будешь, его пахать надо! Техника нужна, солярка, семена, а где деньги взять? Как ты там сказал?.. Вот, вот – баксы! Так что скупают нашу землю потихоньку городские, у кого баксов много, а мы у них вроде батраков.

– А я все баксы в строительство вложил, – вклинился в разговор Анатолий. – И не жалею. Прибыльное, знаете ли, дело. Мы с Любашей думаем этой зимой «мерса» купить, чтобы у каждого своя машина была.

Выпили за бизнес. Фроловы стали хвастать друг перед другом, у кого доходы больше, на что изрядно выпивший Сергей философски заметил:

– Крепко вы, ребята, в городе на ноги встали! Один Лёнька у вас непутёвый.

– А что Лёнька? – возмутился младший Фролов. – Что Лёнька? Я бы, может, тоже на «мерсе» ездил, если бы в городе жил! Легко им там, в Питере, рассуждать про деревню! Переписали бумаги на себя, и все стали собственниками. А ты на селе попробуй стать миллионером. Землю-то, её не обманешь бумажкой!

– Пить, Лёня, надо меньше, – погрозил ему пальцем Анатолий, – а потом уж философствовать.

– А то, можно подумать, вы меньше моего пьёте!

– Пьём-то мы, может, и больше, но мозги не пропиваем! – нравоучительно поправил брата Василий. – Пословица что говорит: пить – пей, но дело разумей. А таких, как ты, если к управлению государством допустить, так вы всю Россию пропьёте.

– А вы её уже пропили! Профукали по границам! – махнул рукой Лёнька, задетый за живое. – И нас пропили, и землю нашу! Просто вам в городе из своих офисов этого не видно за небоскрёбами. Вам ведь выгодно, чтобы мы все передохли. Чем меньше останется Залесянок, чем больше сопьются мужики, тем богаче вы станете!

– Ишь ты куда загнул! – возмутился Василий. – Глубоко копаешь!

– Да уж, – подтвердил пьяный Серёга, закусывая водку ложечкой красной икры.

– А ты, братан, прежде чем в государственные дела рыло своё тыкать, сначала у себя дома разберись, – тихо и строго заговорил Анатолий и указал рукой на выцветшие обои и серый потолок. – Ремонт когда последний раз делал?

– Мне и так сойдёт.

– А мне – нет! Я желаю, чтобы в отцовском доме порядок был. А ты его в свинарник превратил! Сараи у тебя валяются, ворота упали...

– А желаешь, чтобы порядок был, взял бы и помог, – в тон ему тихо ответил Лёнька и налил себе водки.

– Делать нам больше нечего, кроме как заниматься ремонтом! – возмутилась Люба. – Мы будем тебе порядок наводить, а ты будешь самогонку пить? Деловой!

– Да никто тебя не просит ремонт вести, успокойся, – осадил её Лёнька. – Ты же за тридцать лет ни разу у нас в избе полы не вымыла. Тоже мне помощница нашлась!

– Что же ты хочешь сказать, что мы тебе никогда не помогли? – завёлся Толик. – Что я ни разу тебе не присылал денег? Ну вот скажи сейчас при всех: присылал я тебе деньги или нет?

– Присылал как-то, – усмехнулся Лёнька.

– Как-то! – передразнил его брат. – Не как-то, а не раз! И что ты тут губу закопылил? Ты что же хотел, чтобы я тебе каждый день по десять тысяч высылал? А ты тут пьянствовать будешь. Думаешь, у нас в городе деньги с неба как снег сыплются? Их, милый мой, ещё добыть как-то надо, нам они самим нужны, тоже ведь не манной небесной питаемся.

– Да много ли денег нужно в деревне? – рассудил Василий, глядя осоловелыми глазами на Лёньку. – Картошка – своя, капуста – своя, сало, яйца – есть, остаётся разве что хлеба купить и самогону. – Он пьяно рассмеялся. – Вот на самогон-то денег всегда будет мало!

Василий мотнул головой и, сложив на груди руки крестом, продолжил:

– Каюсь, братцы, каюсь: не посылал я денег в деревню последнее время, но вы войдите в моё положение. В позапрошлом году мы с Лялей поженились, свадьбу сыграли, в Египет съездили, а в прошлом году я «Лексус» в кредит взял, в долги влез. У меня у самого с деньгами проблемы. Ну прислал бы я тебе сто рублей, тебя бы это устроило?

Лёнька молчал, таинственно улыбаясь, смотрел на стакан с водкой, и брат, не дождавшись ответа, уверенно закончил:

– То-то же! И закроем эту тему.

Надя, тихо сидевшая напротив спорщиков и слушавшая братьев, искоса посматривала на своего супруга, отвалившегося на спинку дивана и мирно похрапывающего. Убедившись, что поддержки ей ждать неоткуда, вступила в разговор, перебивая Васю, окликнула Лёньку:

– А я ж тебе посылку с фруктами отправляла, ты получил?

– В мае приходила, – подтвердил тот.

– Что же не позвонил даже?

– Денег на телефоне не было, а к вам в Ригу звонить слишком дорого.

– А ты бы бросил пить да пошёл бы сам деньги заработал. Ждешь, когда пришлют! Не стыдно?

Лёнька побелел лицом, отодвинул стоявший перед ним стакан и сказал тихо и возмущённо:

– Да, я пью. Пью! Но денег у вас никогда не просил и просить не собираюсь. Да если бы не мать...

– А-а-а! Так, значит, мать во всём виновата?! – резко оборвал его Толик. – Вот ты и раскрылся, милоч! Ищешь крайних! Мать ему поперёк горла встала. Вот нож, зарежь её! Свинья ты, Лёнька, неблагодарная! Мать тебя на свет родила. Да если бы не мать, ты бы давно уже спился и подох где-нибудь под забором! Вот она – твоя сыновья благодарность!

Пьяный Василий, толстый, весь круглый, точно ошкуренный арбуз, саданул кулаком по столу так, что подпрыгнули стаканчики и брякнули ложки:

– Мать не трожь! Слышь, Лёнька, тебе говорю: не трожь мать! Мать – это святое! Запомни: у человека в жизни только две основы – мать и Родина! Я молчал, молчал, но всё же выскажу. Посмотрел я, в каком навозе ты мать содержишь, и больно мне стало как сыну. Не ожидал!

Голос Василия дрогнул, губы расплылись, как перебродившее тесто, и он умолк, но его тут же поддержала Ляля:

– Если бы моя мама болела, Леонид, я бы её в таком виде не оставила. Я бы работать пошла, я бы в лепёшку расшиблась, но обеспечила бы ей достойное проживание.

– А ты заткнись! – резанул Лёнька воздух ладонью. – Тут таких, как ты, до тебя три штуки было с крашеными коготками!

– Лёня, Лёня! – запричитала сестра, успокаивая брата. – Что же ты всем рот затыкаешь? Чего ты на людей кидаешься как хорёк? И нечего обижаться, правильно тебе братья говорят. Ты бы прислушался к старшим.

– Надоело за пятьдесят лет прислушиваться! У вас Родина – святое, мать – святое, и вы все праведники, а мы тут в деревне – быдло, лохи и бездельники. Но если вы там, в городе, все такие умные и правильные, то что же из вас никто мать к себе не взял?

– Лёничка... Лёничка, милый, да разве же я когда от мамки отказывалась? Да Бог с тобой! Но ты сам пойми: куда же я её – за границу повезу? Кто же меня с ней пустит? Да я сама там живу как на квартире, мне каждый раз глаза колют: ты – русская! Ты – русская! Это хорошо, что у меня Геннадий – латыш, а то давно бы сожрали нас с потрохами.

– И мы бы с Любашей её к себе взяли, жилплощадь позволяет, – отозвался Анатолий, – но у Любы своя мать такая же старая, возле нас живёт, вы же знаете, она к ней каждую неделю ходит, а то и два раза. Сами понимаете – старый человек, а если сляжет, то придётся забирать к нам.

– Ну а мне куда брать? – оправдывался Василий. – Я же вообще дома не живу: то семинары, то форумы, то съезд писателей, то Дом народного творчества. Я же неделями в разъездах. Можно, конечно, от всего отказаться, только где же тогда деньги брать? Их же мне никто на блюдечке не принесёт. И потом, Лёня, ты же сам согласился ухаживать за матерью, тебя ведь под пистолетом никто не заставлял. Зачем же на кого-то теперь стрелки переводить? Взаясь делать дело, так делай!

– А я что, не делаю?

– Да видим мы, как ты ухаживаешь, – скривился Толик. – Мать у тебя, не к столу будет сказано, по уши в говне лежит, а ты пьёшь! Нигде не работаешь. Вместо того чтобы что-то купить маме, потихонечку пропиваешь её пенсию. Что молчишь? Крыть нечем?

– Я пью на свои, мать не обижаю, – еле слышно произнёс Лёнька.

– Правильно ты, Толик, говоришь, – поддержала его сестра, – я тут в шифоньере поглядела: у матери ни чулок, ни трусов нет. Прости Господи, хоронить не в чем. Что же, Лёнька, ты её до такого довёл?

- А зачем ей чулки, если она пятый год с постели не встаёт?
- Но трусы-то можно было надеть хотя бы для приличия!
- Приличие! – Лёнька криво усмехнулся. – Да её по пять раз на день подмывать приходится.
- А хоть бы и десять! – побагровел Толик, облизывая хмельные губы. – Она же тебе мать, понимаешь? Она нас всех воспитала, когда отец в тюрьме сидел. Одна – троих. Ты же ничего не помнишь, а я уже в школу ходил, когда ты народился. Как они с отцом радовались! Всё цацкались с тобою: «Наш Лёнчик, наш Лёнчик. Кормилец на старости лет...» Кормилец хренов... Задушил ты мать толчёной картошкой. Ей бы соку, молочка...
- Про молоко забудь, – вступилась за Лёньку кума Валя, – в деревне ни одной коровы не осталось.
- Ни одной! – подтвердил пьяный кум и в воздухе начертил рукой крест.
- Ради родной матери можно бы и в Криушу съездить, – не унился Толик.
- Ездил и в Криушу, – оправдывался Лёнька.
- Большой бы фрукты надо, бананы, лимоны, – вставила слово Ляля.
- Были летом и фрукты, – сказал Лёнька, – а теперь где же их взять?
- В магазине всё есть! – махнула ладошкой Ляля.
- Не продают у нас в магазине фрукты, – вновь защитила Лёньку Валя.
- А что у вас вообще продают? – негодуя спросила Ляля. – Вот этот хлеб? Так им только людей травить. – Она взяла со стола кусочек серого плотного хлеба и снова швырнула его между тарелок.
- Пра-ильно! – с трудом выговорил кум заплетающимся языком. – А мы всё равно его есть будем.
- Нету у меня бананов, – мотнул головой Лёнька. – Что сам ем, тем и её кормлю.
- А мог бы похлопотать ради родной матери, – настаивал Анатолий. – Мы все издалека приехали, а смотри, какой стол накрыли для именинницы! Что на нём твоего? Рыба да картошка. А пьёшь-то ты водочку и закусываешь ветчиной.
- Выпитое спиртное ударило в голову. Оно разогревало кровь, разжигало желание спорить и доказывать, нападать и защищаться. Лёнька вдруг ощутил, что у него есть крылья, на которых он может подняться вровень с братьями, и давно забытое чувство собственного достоинства стало выкристаллизовываться в нём. Он медленно поднялся из-за стола, обернувшись к сидящему рядом брату:
- Ты меня столом не кори! Я у тебя куска хлеба не прошу, я картошку есть буду.
- Ой-ой-ой, какие мы гордые! Правду не терпишь, всё чего-то выкаблучиваешься: это тебе не так, то не эдак, на всё у тебя есть оправдание. – Толик расходился всё больше, ожесточённо жестикулируя. – Мы к тебе по-родственному, с наставлением, стол накрыли,

а ты хотя бы спасибо сказал. Ну и пошёл отсюда, свинья неблагодарная!

– А ты меня из моего дома не гони! – выпрямил Лёнька спину.

– Ха, да какой же он твой? – дурашливо засмеялся Толик. – Это отцовский дом, а стало быть, и наш. И земельный пай тоже не твой, а родительский, и в нём наша доля есть, а ты всем этим пользуешься один.

– Так что ж, значит, делить будем?

– Время покажет. Надо будет – и разделим.

– И что же ты делать будешь с этим паем? – склонил голову набок Лёнька.

– Дачу построю.

– Ты же хвалился, что у тебя две дачи под Питером!

– А это будет третья. Вот возьму, скуплю всю вашу землю, загоную сюда бульдозеры, снесу весь этот хлам и построю одну настоящую дачу!

У Лёньки потемнело в глазах, он в упор глянул на пьяную, набывчившуюся физиономию брата и дрожащими губами сказал твёрдо и чётко:

– Сволочь ты, Толян, хотя и братан. Правду мать прежде говорила: Толик у нас бандит с высшим образованием.

Анатолий в ответ тоже поднялся из-за стола на качающихся ногах, и они встали друг против друга – плечо в плечо.

– А вот за такие слова, братишка, можно и по роже схлопотать...

Толик замахнулся, чтобы дать брату пощёчину, но тот, худой и жилистый, неожиданно ловко увернулся от неё. Лёнька тотчас же выпрямился как пружина и ладонью оттолкнул от себя брата. Тот спьяну попятился назад, опрокинув табуретку, не удержался на ногах и с шумом и матом грузно и неуклюже повалился на пол.

Толькина «лахудра» вскочила со своего места и, точно наседка, завидевшая ястреба, вцепилась Лёньке в мягкие, давно не стриженные волосы.

– Так его, Любанька, так! – хихикал пьяный кум Серёга, наблюдая возникшую сцену и смакуя розовую пластинку осетрины. – Ай да кума, ай да молодец! Хоть одна баба за мужика заступилась.

Васёк вскочил со своего места, подхватил под руки сопротивляющегося Лёньку, Толик подоспел с другой стороны.

– Выведите его вон, раз он не умеет вести себя за столом! – скомандовала Ляля, указывая тонким пальчиком на дверь. – Пусть во дворе посидит.

– Ну, Лёнька, – хрипел Васёк, – скажи спасибо, что у матери день рождения, просто не хочется праздник портить. Обойдёмся без мордобоя, хоть того и заслужил, а охладиться тебе в самом деле стоит, ишь как распалился!

Вдвоём с Толиком они подвели его к двери и вытолкнули за порог. Лёнька не кричал, не возмущался, не стал рваться обратно в дом; скрипнув зубами, он прошёл через тёмные сени и спустился по ступенькам крыльца во двор.

Безлунная звёздная ночь накрыла Залесянку, заливая всё вокруг каким-то холодным ультрафиолетом. Мороз сошёл, но было доволь-

но прохладно, однако изгнанник не чувствовал этого. Заправленный хорошей дозой фирменной водки, в нём клокотал котёл обиды, согревая его, словно атомный реактор, рождая в душе какую-то неосознанную реакцию. Он прошёл через двор и, поглядывая на светящиеся окна дома, сел возле синеющего дверного проёма на высокий осиновый чурбак, на котором колот дрова.

– Зря вы его так, – с сожалением покачала головой кума Валя, когда братья вернулись к столу, – он ведь мужик неплохой – и добрый, и хозяйственный.

– Пусть в сених похозяйствует – умнее будет, – буркнул Толик.

– И куда же он теперь пойдёт? – озабоченно спросила Надя.

– Дальше деревни не уйдёт! – уверенно заявил Вася. – Побродит и явится.

Лёнька всё сидел на своём чурбаке, не меняя позы, и ругал сам себя. Да, они правы, тысячу раз правы, и сестра, и братья, что он алкаш непутёвый. Это из-за него у матери случился инфаркт, по его вине ушла от него Настя, это он запустил отцовский дом, и братья ездят так редко, потому что их жёнам противно смотреть на его кислую рожу. И этот пьяный скандал за столом устроил тоже он. Ну кто его просил, кто дёргал за язык затевать этот спор? Сидел бы себе тихонько и пировал, ведь в самом деле стол изумительный: и водки, и закуски не перечести, а там же ещё коньяк не начинали, и рижский бальзам стоял в керамической бутылке неоткупоренный, а где-то должны быть баночное пиво и вино... Чего ему, поросёнку, не хватало? Для него же люди старались. Так нет же, развязал язычок, высказаться захотелось, правду поискать. Правду – её прежде всего в себе надо найти, а потом уж от других требовать. Вон Васька пускай бы и высказывался – он поэт, ему положено. А он, деревенщина, двух слов связать не может, а туда же: я, я... Что он видел в жизни, кроме своей задрипанной Залесянки? Толян – тот даже в Турции побывал три раза, Васька куда только не ездил, египетские пирамиды видел! Надюха в Рижской опере самого Карузо слушала!.. А что видел он? Как лосёнок лижет вымя у лосихи, как зелёные шильца подснежников протыкают прошлогоднюю листву с остатками снега? Так кого же этим удивишь? Подумаешь, велика невидаль: соловей в цветущей сирени, ежевика в росе или, скажем, ромашковая поляна. Да тут такое диво на каждом шагу, каждый день ногами топчем. А вот Турция... Эхма! Вся жизнь у него вышла как-то наперекосяк. Вот жил бы в городе, зарабатывал бы хорошие деньги, квартиру бы получил, мать бы к себе взял, чтобы всегда рядом была. Там и уход ей был бы другой, там врачи быстро помереть не дадут, там лечить будут. Правильно Надюха заметила, что ни одной новой простыни у матери нет. Так ведь разве напасёшься? Бывало, придут бабки мать проведать, свёрток с собой принесут: «На, Лёнька, тут простынки старенькие, но ещё крепенькие, под Ньюрку стелить». И он брал...

Ему вспомнилось детство – яркое, солнечное, пропахшее грушовой: как Надя брала его с собой собирать землянику, как Васёк катал на себе, изображая коня, как Толик учил драться. Он говорил: «Ты, Лёнич, подрастай быстрее. Сейчас мы с Васяткой всю деревню дер-

жим вдвоём, а ты третий будешь. Пусть знают Фроловых!» Потом, в период перестройки, мелькало одно время имя Фроловых в очерках о питерских группировках. Но Толик к тому времени уже успел закончить второй институт, юридический, уже заочно, и хорошо изучил все дыры в законах... Эхма! Было же всё когда-то по-другому! Так когда же, где дала сбой программа, настроенная на счастье и удачу? Когда же всё вывернулось наизнанку? И что было вперёд: линия ли судьбы дала кривизну – и он начал пить, или он стал запивать лишнего – и жизнь сошла с пути праведного?

Мысли метались в нём, как мыши, упавшие в пустой ящик. Лёнька посмотрел на небо, в тёмные пропасти между звёзд. Кому он нужен в этом бездонном мире? Кто о нём вспомнит? Где-то в Москве у него есть дочь, теперь уже, наверное, замужем, под другой фамилией. Когда они расстались, ей было лет пять, вряд ли что сохранилось у неё в памяти о нём... Лёнька не знал, что, когда дочь выходила замуж, она предложила матери: «А давай позовём на бракосочетание папу?» Настя подумала и сказала: «Нет, доченька, не стоит этого делать. Если бы ты была ему нужна, он бы нашёл тебя сам. Не надо ворошить прошлое. Да и зачем он нам? Семья у нас видная, на свадьбу соберутся люди солидные, известные, богатые, а что с него взять? Был бы он путёвый...»

Ну и пусть, пусть он непутёвый, как все говорят, пусть самый последний в ряду человечества, но ведь человек же! Так почему же с ним не по-человечески? Он не понимал спьяну, что говорил за столом и что говорили ему. Ну, сказал лишнего, поумничал, так поправьте. Вы же старшие, институты позаканчивали, а зачем же так – из-за стола, под руки! Ну почему, если человек упал в грязь, все ходят по нему как хотят, и мало того, что никто руку не подаёт, так ещё каждый норовит втоптать тебя в грязь как можно глубже?

Лёнька облизал поцарапанную губу и только теперь сообразил, что плачет. Он не хотел, но слёзы сочились и сочились откуда-то из трещинок под глазами, как живица из сосновой коры. Последний раз он плакал на похоронах отца. Видно, слишком много слёз накопилось в нём за это время, потому они никак не кончались. В который раз он взглянул на светящиеся окна избы. За мать он больше не беспокоился – в доме было полно людей. Теперь он думал только о своём.

Ещё не понимая, что собирается делать, не вставая со своего пенька, Лёнька наклонился вперёд, к двери, вытянутой рукой провёл вдоль стенки, поймал вязанку, висевшую на ней, – длинную крепкую ленточку из сыромятины, с металлическим колечком на конце, и сдёрнул её с гвоздя. Сработанная ещё отцом, она многие годы служила для переноски дров из сарая в баню. Он машинально вставил ленту в кольцо – получилась петля, влез на качающийся чурбак, правой рукой нашёл не видимую в темноте перекладину. Затем левой рукой перекинул свободный конец петли через брусочек и захлестнул его в узел. С трудом, помогая свободной рукой, просунул в кожаное кольцо свою голову и отпустил перекладину...

Между тем гулянка в доме продолжалась. Толик, вернувшись к столу, крикнул куму:

– Эй, Серёнька, чего загрустил? Давай наливай по полной! А ну, девочки, поддержите!

Василия потянуло на ораторство, и он, подняв вверх палец, втолковывал неменяемому Серёньке:

– Я уже тут говорил и не побоюсь повторить это вслух: Родина и мать – это святое. Понимаешь, святое! – И стучал кулаком по столу. – Я вот много раз бывал за границей, а всегда вспоминал нашу Залесянку. А почему? Потому что мы все в душе патриоты. Понимаешь? Па-три-о-ты!

– Да уж, мы уж такие... – мычал кум Серёга, разглядывая надетую на вилку устрицу.

– Верно, верно, – поддержал брата Толик, – бывало, лежишь на песке где-нибудь в Анапе, а сердце так и рвётся домой, так и щемит.

– Я столько стихов написал о доме, о селе, – продолжил Василий и начал читать – сначала о матери, потом про деревню: – «Залесянка моя, на пригорке за лесом...»

Все аплодировали, а кум говорил восхищённо:

– Молодец ты, Василий Семёнович, ай, молодец! Вот умеешь ты, так сказать, за сердце зацепить. А ну, давай ещё раз, про мать!

И Василий декламировал. Громко, с пафосом, хорошо поставленным голосом. Он любил читать стихи и делал это с удовольствием.

Кум плакал, вытирая слёзы бумажными салфетками, а Валя смеялась и хлопала его ладонью по спине:

– Нахрюкался на халяву!

– И ничего ты, Валька, не понимаешь в этой жизни, – мотал тот головой.

А мать в это время лежала в соседней комнате, забытая загулявшими детьми. Из открытой форточки тянуло сквозняком. Она не осознавала происходящего вокруг, но каким-то восьмым чувством, звериным инстинктом, доставшимся нам от пращуров, ощущала, что что-то непоправимое случилось в этом мире.

Никто не подошёл к ней этим вечером с кружкой воды, в которой так привычно гремит ложка, никто не сунул в рот раздавленную таблетку. Осколками разрушенного сознания она силилась осмыслить ситуацию и, напрягаясь изо всех сил, тихо хрипела:

– Ы-ы-ы, Лёнька, ы-ы-ы-ы...

Застолье, как ни странно, остановила Ляля, поскольку выпила меньше всех, была не в духе и ей чертовски надоели эта вонь, подплывавшая из спальни, эти глупые красные обои, пьяная похвальба мужчин, деревня и всё-всё, что с нею связано. Она решительно встала из-за стола и, обращаясь к Василию, сказала капризным, но властным тоном:

– Ну всё, хватит. Почевать-то мы где будем? Надеюсь, не здесь?

– Пойдёмте ко мне! – азартно махнула рукой Валя. – На всех места хватит!

Народ стал дружно одеваться и вскоре гуськом потянулся через сени следом за своей проводницей. В доме остались только храпящий на диване Геннадий и Надя. Она крикнула братьям вдогонку:

– А Лёнька-то всё ещё не вернулся!

– Придёт, куда он денется, – послышалось издалека.

Она тут же, не убирая со стола, потушила свет и, сняв праздничное платье, повалилась на диван рядом с мужем. Долгая дорога, волнения, споры и выпитое вино вконец утомили пожилую женщину. Последнее, что она слышала, засыпая, была песня, доносившаяся с улицы. Это подвыпившая компания, широко качаясь на кочковатой дороге, шла на ночлег в другой конец села. Валя тащила на себе мужа, Аяля и Люба вели братьев.

– Ну что, Васька, – задорно спросила Валентина, – небось, в городе забыли уже, что вы хохлы, язык свой деревенский, песни наши?

– А вот и ни фига! – ответил он ей в тон, ободрённый осенней свежестью, и повёл по-украински певучим звонким тенорком:

Ридна матэ моя, ты ночей недоспала...

Валя с Толиком тотчас же подхватили в два голоса, зычно, с надрывом:

*И водыла мэнэ у поля, край сыла.
И в дорогу далэжу ты мэнэ на зори провожала...*

Крупные звёзды чистыми слезинками повисли на Залесянкой...

Надя проснулась рано, холодный рассвет только что процарапал горизонт розовыми коготками. Она выпила минералки, оделась, сходила на улицу в уборную и, вернувшись назад, заглянула в комнату к матери, зажгла свет. Мать лежала в мокрой постели уже остывшая, уставив неподвижные глаза в потолок, словно хотела рассмотреть на нём что-то знакомое, дорогое, но отчего-то забытое. Лицо её выражало покой и умиротворение, даже скрытую улыбку. Казалось, она была довольна тем, что ей удалось собрать вокруг себя своих детей и, благодаря ей, они встретились пока ещё на этом свете.

– Мама! – вскрикнула Надя испуганно. – Mamочka! – И, упав на колени и обхватив руками холодные материнские ноги, забилась в судорожных рыданиях.

Лёньку обнаружили только тогда, когда пошли в сарай за дровами, чтобы растопить баню и согреть воду для обмывания покойницы.

Трудным выдался этот день для Фроловых. Хорошо, что все они были с машинами. Рискуя водительскими правами, с похмелья, они разъехались одновременно по разным инстанциям, решая вопрос сразу с нескольких концов: одни насчёт гробов и ритуальных услуг, другие в церковь и в собес, третьи к нотариусу и в милицию. Быстро удалось найти участкового – молодого усатого лейтенанта, кстати, тоже бывшего с похмелья. Прихватив с собою двух младших милиционеров, он составил протокол на Лёньку. Ему тут же налили гранёный стакан коньяка, вынесли на крыльцо тарелку с ветчиной и баночку пикулей. Служитель Фемиды сначала отказывался, но его убедили, что это необходимо для храбрости, а заодно надо и усопших помянуть. Помощники участкового выпили по банке пива с солёными суха-

риками. Приступая к оформлению бумаг, лейтенант спросил, взглянув на вытянутого в струнку Лёньку:

– С чего он вдруг вздёрнулся?

– А то ты не знаешь, с чего? – развёл перед ним руки кум Серёга, поглядывая на пустой стакан из-под коньяка. – Кабы он не пил да был путёвый...

– Что правда, то правда, – согласился участковый. – Гудел товарищ стабильно. Я ему сколько раз говорил: «Завязывай ты, Леонид Семёнович, плохо кончишь». И вот вам результат – не иначе крыша поехала, беляк накрыл. А так он был мужик порядочный, никогда не скандалил, не воровал.

– А я его как убеждал! – вздохнул Серёга, заглядывая в рот милиционеру, допивающему банку пива. – «Лёнька, брось, Лёнька, брось!» А он мне говорит: «Нет, Серёга, не жили мы богато и не хрен начинать. Чем быстрее стору, тем лучше будет для всех!» Вот и сгорел...

– Однако его нам на экспертизу забрать придётся, – предупредил лейтенант.

– Нам бы поскорее, – попросил Толик и незаметно сунул в папку с бумагами тысячную банкноту. – Мы же иногородние, нам ехать надо.

– Постараемся управиться до завтра, – пообещал лейтенант.

И слово своё сдержал.

К вечеру были оформлены справки о смерти и на земельный пай. Василий съездил в Криушу к фермеру, продал ему землю за пятнадцать тысяч и выторговал транспорт для похорон.

На следующий день к десяти часам привезли Лёньку. Фермер дал бортовую машину и двух алкашей из своих рабочих, которые согласились копать могилу за бутылку и обед. К ним же присоединился кум. Кое-кто в селе начал говорить, что висельника нельзя хоронить вместе с праведниками, что ему положено лежать за кладбищенской оградой, но Толик как старший махнул рукой на небо: «Там разберутся» – и указал место для могилы рядом с оградкой отца.

Кладбище в Залесянке просторное, вольно раскинулось на пригорочке, тут все разорившиеся Залесянки похоронить можно. Земля – добрая, жирная, наша, русская: сверху чернозём, дальше супесь – копается легко. Так что к обеду яма на двоих была готова – матери сделали подкоп вправо, к отцу, а Лёньке – влево.

Провожать покойников вышло всё село – все восемь дворов, а поминать к столу явилось только десять человек, остальные отказались из-за нездоровья. Фроловы смотрели на пришедших старичков и старушек – седых, сморщенных, и с трудом узнавали своих бывших односельчан – некогда молодых, заборных и сильных. За обедом имя Лёньки никто не упоминал, о нём вообще старались не вспоминать, как будто его никогда не существовало, а если в том возникала какая причина, то говорили иносказательно: он, его, ему... В глаза друг другу Фроловы при этом не смотрели. После поминок навели во всех комнатах полный порядок. Люба, не говоря никому ни слова и никого не спрашивая, принесла из бани ведро воды и впервые за тридцать лет своего супружества с Толиком вымыла в избе полы. Дом закрыли

на замок, хотели заколотить ставни крест-накрест досками, а потом отказались: зачем?

После обеда пошёл снег, как бы подводя всему итог. Он падал такими огромными звёздами с таким неповторимым узором, что не всякая кружевница способна повторить своим крючком все его замысловатые повороты. Казалось, что кто-то там, на небе, специально для Залесянки отбирает самые крупные снежинки.

Выгнали машины со двора на улицу, ворота закрыли, а когда выходили через калитку, та упала с петель. Но никто её ремонтировать не стал, просто прислонили к забору. Иногородние торопились уехать засветло, но как бы чинно и траурно они ни вели себя, их отъезд больше напоминал бегство. Провожала их одна лишь соседка – баба Груня. Она подошла, в валенках с галошами, длинной юбке, в фуфайке и вязаном платке, опираясь на костылёк, и молча наблюдала за их сборами, думая о чём-то своём, возможно, подсчитывала в уме, когда к ней приедут её дети. Толик вручил ей ключи от дома:

– На, баба Груня, пользуйся. Ты теперь тут хозяйка. Кому что нужно будет – раздай. И вот ещё что... – Он достал из кармана пяти тысячную бумажку и сунул её в холодную заскорузлую ладонь. – Когда придёт время, собери тут помин, как сможешь. За могилками последите... Мы уже больше сюда не приедем...

– Что ж так? – каким-то растерянно-испуганным, дрогнувшим голосом спросила она.

– А к кому ехать? – ответил Толик, окинув затуманившимся взглядом запорошенный снегом бурьян, заброшенные сады и повалившиеся изгороди.

И столько в его словах было тоски и раскаяния, что старуха не стала возражать, а лишь шепнула морщинистыми, сухими губами:

– Ну, с Богом...

Баба Груня ещё долго стояла на дороге, глядя вслед удаляющейся цветной веренице машин, степенно покачивающихся на колдобинах, словно утки, пока они не растворились в пелене ноября. Одной рукой она опиралась на посошок, а второй, поднятой с зажатой в ней купюрой, то ли махала, провожая в дорогу, то ли крестила, отпуская грехи, то ли накладывала проклятье.

А снег шёл всё гуще, всё увереннее закрашивал белилами черноту, заравнивая кочки и ямы, словно собирался засыпать, похоронить под собой Залесянку, чтобы не осталось от неё ни следа, ни памяти. Так прилежный ученик, пишущий сочинение по заданию учителя, старательно вычёркивает в своём черновике лишние слова и безжалостно замазывает белой краской корректора допущенные ошибки, чтобы потом переписать всё начисто.

**Евгений
МЕЛЬНИКОВ**

ДЫХАНЬЕ ЗЕМЛИ

***

Время не ждёт, все мгновенья подсчитаны,
Всё, что поймёшь – сохрани.
Гулкими грозами словно пропитаны
Знойные летние дни.
Травы по пояс, луга сенокосные,
Ноги промочит роса;
Ивы прибрежные с тонкими косами
Слышат ветров голоса.
Волны о берег, шурша, разбиваются,
Волга стоит в серебре.
Иволга в роще поёт, заливается
Утром на тихой заре.
Время не ждёт, но мгновенья раздольные
С небом, лугами, рекой...
Что же ты ищешь, душа беспокойная,
Даже внимая покой?
Всё, что не сделано, всё, что не сказано,
Где-то осталось вдали.
Снова учусь я, с природою связанный,
Слушать дыханье земли.
Снова мечтаю... И в памяти грёзами
Новые вспыхнут огни:
С птичьими песнями, гулкими грозами
Знойные летние дни.

ИЮЛЬСКАЯ ГРОЗА

Под орешником сажу как прикованный:
Я июльской грозой околдованный.
Как таинственны, тихи те мгновения:
Замер мир и замер лес в упоении.
Затянули небо вдруг тучи хмурые,
Стали клёны и дубы как понурые.
Но ветвями зашуршал бойко, радостно

-
- Евгений Юрьевич Мельников родился в 1988 году. Окончил биологический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Работает в Саратовском областном музее краеведения и СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Участник литературного конкурса «Волжская волна». В литературно-художественном журнале публикуется впервые.

Ветер страстный, грозовой, ветер яростный.
И как первые предвестники ненастные
Застучали вдруг по листьям капли частые.
Лес накрыло пеленой, будто неводом...
Вот и мне теперь спешить больше некуда.
Насладиться бы навек той свободой!
Я волнуем и томим непогодою,
Для счастливых мыслей мне небом данною —
Что гроза ведь, что судьба — всё нежданное.
Шалью серой, дождевой лес укутанный.
Дремлет он, и я молчу, убаюканный.
Мы под взглядами грозы как прикованы —
Очарованы мы ей, околдованы.

ВЕСЕННЕЕ

Если снег, отсырев, упадёт
С крыш избышек, строений, развалин,
Значит, снова по лесу плывёт
Запах первых весенних проталин.
И сугроб не сверкает в лучах:
Невозможно, как раньше, искрыться.
На корявых дубовых ветвях
Колокольцем запела синица.
На ручьях, на пруду, на реке
Лёд стал хрупок, прозрачен и тонок,
И журчащую песнь вдалеке
Затянул в небесах жаворонок.
А в душе снова странный покой
И восторг, что природой подарен:
Я бываю немножко другой
В дни затерянных первых проталин.

ЛИСТОПАД

Быть может, это сказки примет вид,
Но в октябре подобное бывает:
Когда бродяга ветер утром спит,
То листья сами с веток опадают.
На небе тучи серой пеленой,
Иголки инея застыли на травинках,
С высоких клёнов жёлтою волной,
Кружась, слетают листья на тропинку.
О чём-то шепчутся в звенящей тишине,
Их разговор уже не повторится.
Затихло всё... Дремавший в полусне,
Не вскочит зверь, на ветке смолкнет птица.
С нарядом расставаясь золотым,
Лес дарит незабвенную усладу:
Прохладным утром, пасмурным, седым
В нём можно слышать шёпот листопада.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Чёрно-белые дороги,
Чёрно-белые поляны –
То в природные чертоги
Первый снег явился рано.
В серых тучах скрыто небо,
День осенний тихо длится.
На полях, покрытых снегом,
Зайца след и след лисицы.
Тихо. Пусто. Одиноко.
Птиц теперь встречаешь редко.
Лишь вдали мелькнёт сорока,
Снегири сидят на ветках.
Да порой с речушки быстрой,
Что зимой не замерзает,
С шумом, хлопаньем и свистом
Утки поздние взлетают.
Мир таким давно уж не был,
Кто не видел – не поверит:
В серый цвет – вода и небо,
Чёрно-белый – лес и берег.
Но сегодня дарят счастье
Те трёхцветные оковы:
Ведь сижу не шевелясь я,
Первым снегом околдован.

ГРИБНОЕ

В этот день, случившийся когда-то,
Я ходил, как будто захмелевший,
Собирая грузди и опята
Под ковром из листьев облетевших.
Я грибник, наверно, никудышный –
Три ведра за раз не набираю,
Но зато ходить люблю неслышно,
Тишины в лесу не нарушая.
Я смотрел, как ветер хмурил тучи
И трепал берёзы с упоеньем –
Тихая охота мне наскучит,
Коль искать возьмусь до одуренья.
По грибам добыча лучше ваша,
Я нашёл немножечко другое:
Шляпки груздей – как большие чаши
С дождевой прозрачною водою.
Жаль их было трогать... Ну и ладно,
Мне хватило радости и слога
В день осенний, пасмурный, прохладный
И грибами пахнущий немного.

ИСЧЕЗНУВШАЯ ДЕРЕВНЯ

*В память об исчезнувшей деревне
Ясная Поляна Лысогорского района
Саратовской области*

Здесь деревня была когда-то,
Если сдвинуть назад года;
В ней стояли дома и хаты
Вдоль по улице в два ряда.
Любовались на мир оконца,
Видел тот их, кто был в пути.
И светило над нею солнце,
Если были вокруг дожди.
Расцветали сады весной,
На покосах росли стога,
И гоняли коней в ночное
В заливные, с росой луга.
Не осталось теперь и тени –
Растворилась в глуши совсем:
Куст смородины, куст сирени
И крапива на месте стен.
Зарастает кладбище лесом,
Но в порыве душевных сил
Кто-то колокол здесь повесил
У сокрытых в траве могил.
Если помнишь обычай древний,
В этот колокол бей сильней:
Здесь когда-то была деревня,
Помяни, человек, о ней!

ПОСВЯЩЕНИЕ САРАТОВУ

Люблю гулять, забыв про все дела,
Когда воскресным утром дремлет город,
А над рекой звонят колокола
На башне златоглавого собора.
Пусть в небе тучи стылые лежат –
Они лишь отголоски зимней стужи.
Над Волгой чайки с криками кружат,
И дождь оставил на асфальте лужи.
И ветер гонит льдины по воде,
Как в прошлую весну он гнал когда-то.
Такого города не сыщется нигде
С простым и звучным именем – Саратов.
Пусть люди говорят, что грязен он,
На время позабудем разговоры..
Ах, как он мил, тот волжский перезвон
Колоколов старинного собора!

**Вугар
АСЛАНОВ**

РАЗВОЗЧИК МОЛОКА

Счетовод больницы небольшого провинциального городка однажды пришёл домой очень уставший и, даже не испытав желания поужинать, улёгся спать. В последние годы он часто, приходя домой вечером, ужинал и тут же уходил спать, ни у кого – ни у повзрослевших уже детей, ни у всё больше ворчавшей по поводу его отстранённости жены – ничего не спрашивая, стремился углубиться в сон – до появления света очередного нежеланного дня, на всём протяжении которого он опять нетерпеливо ждал бы его конца, чтобы снова уйти в забытьё. Сегодня в состоянии между бодрствованием и сном почему-то он стал вспоминать свою юность...

Отец его был рабочим. Он работал на предприятии, которое называлось молочным комбинатом, но было таким небольшим и до того просто оборудованным, что ему казалось, будто точно такое они могли бы сами построить на своём приусадебном участке, если бы постарались и если бы разрешили.

Отец каждый день за несколько часов до обеда привозил оттуда молоко на старой арбе, которую тянула очень худая и старая лошадь; на теле её всегда были какие-то раны, и вокруг них всё время роились мухи. Лошадь даже не пыталась их разгонять, будто она смирилась с такой жизнью, разрешая мухам пожирать себя. Каждый день она таскала по всему городу несколько больших металлических тяжёлых бидонов, доверху наполненных молоком, так что из-под крышек оно понемногу выливалось, когда арба двигалась по грунтовым неровным дорогам посёлка, которые всё время превращались в грязное месиво после дождя.

Отец развозил молоко на арбе сам и, перед тем как распределить бидоны между детским садом, больницей и интернатом, привозил молоко домой, из каждого бидона брал по одному ведру, а недостаток восполнял в таком же

-
- Вугар Асланов родился в Геранбое. Окончил филологический факультет Бакинского государственного университета. Автор нескольких прозаических книг, пьес и сценариев. В настоящее время живёт в Германии.

объёме водой. Отец говорил, что это молоко, часть которого они сами использовали, было не первичным молоком, поскольку на комбинате ему давали молоко, уже разбавленное. Да и работники детского сада, больницы и интерната, приняв это жидкое молоко, в свою очередь тоже разбавляли его водой, взяв себе, как они считали, «чистого» молока. Насколько он помнил, в конце концов все оставались довольны: и «хозяева» комбината, и их семья, которая всю жизнь из вторичного молока делала сыр, творог и употребляла с удовольствием, и работники учреждений, которые «лишнее молоко» уносили домой, и, наконец, больные, «трудные» школьники и дети, которым всё это доставалось бесплатно.

Так продолжалось долго, пока измученная и вся израненная лошадь не умерла. На арбе без лошади отец не мог уже развозить молоко, и поэтому его семья осталась без этой «белизны». Отец всё надеялся на то, что, может, дадут им новую лошадь и опять он будет привозить каждый день домой молоко.

Комбинату, однако, дали не новую лошадь, а какую-то старую грузовую автомашину, и с человеком, который водил её. А отец всё равно машину не умел водить. И теперь молоко возил этот новый работник в кузове старого грузовика, который, казалось, готов был вот-вот развалиться: при езде у него трещали деревянные бока и железные ручки, крепившие их.

Теперь этот новый развозчик, наверное, делал то же самое, разбавляя молоко водой и забирая себе «лишнее молоко». Отец очень переживал из-за того, что лишился доступа к молоку, и молился, чтобы нового работника сняли и нашли для комбината, то есть для его арбы, которая уже давно стояла недалеко от свалки комбината без действия, новую лошадь, пусть такую же худую и израненную и, наверное, в таком состоянии никому не нужную и ни на что, кроме того, как развозить молоко, не годную.

И вот как-то вечером в их доме узнали о том, что нового развозчика молока всё-таки сняли. Причину отец объяснял тем, что будто тот в последнее время стал молоко разбавлять не одним, а двумя ведрами воды, соответственно взяв оттуда столько же молока. И в конце концов это открылось, поскольку то, что уже получали последние, то есть дети, школьники и больные, совсем не было похоже на молоко, а скорее на прозрачный раствор извести с водой. Но, вопреки ожиданиям отца, опять о лошади никто не стал думать, а взяли нового работника, который продолжал развозить молоко на грузовике.

Отец почти потерял надежду, что когда-нибудь кто-то вспомнит и о лошади тоже. Но продолжал работать на комбинате. Теперь в паре с одним рабочим этого предприятия они убирали территорию комбината и один раз в неделю вывозили оттуда весь мусор. И иногда вывоз мусора попадал на утренние часы, и из-за того, что мусор, кроме старого автомобиля, не на чем было вывозить, они грузили его вместе с молоком, и сам отец с напарником поднимался в кузов, чтобы разгрузить мусор после доставки молока, поскольку все получатели его находились в городке, а мусор надо было вывозить за его пределы. И отцу нелегко было смотреть на то, как, выехав с комбина-

та, водитель автомобиля, прежде чем раздать молоко, заезжал к себе домой, и, попросив мусорщиков оставаться в кузове, вызывал сына, и с ним вместе вначале заносил домой, а потом через какое-то время приносил обратно бидоны, забрызганные водой, и друг за другом опять грузил в кузов. После таких дней отец приходил домой в плохом настроении и почти ни с кем не разговаривал. Теперь полученной им зарплатой – мать была домохозяйкой – еле-еле хватало на еду, они жили намного беднее, чем прежде. И ещё – он не разрешал никому покупать за деньги на базаре молоко, без которого трудно стало жить семье после долгих лет привыкания.

Однажды матери удалось уговорить отца послать кого-то из детей к его сестре, которая недавно устроилась работать на кухне больницы и, по словам матери, каждый день приносила домой самое малое два ведра с готовой едой: одно ведро – семье, другое – собаке, ещё большую сумку с разного рода продуктами. Отец охладел к своей сестре давно, долго с ней не виделся. Он поэтому вначале не соглашался, говорил, что сейчас обращается к ней для него будет унижительно. Но мать не отставала от него, всё время показывая на взрослеющих тощих детей, которым, чтобы развиваться, необходимо было хоть как-то кормиться, а не ходить полуголодными. Отец в конце концов сдался и решил отправить его – старшего сына – к тётке за продуктами.

Будущий счетовод добрался до больницы, вошёл во двор. Кухню долго искать не пришлось – она находилась на углу основного здания. Он поднялся туда по небольшому каменному крыльцу, толкнул незапертую дверь, вошёл в помещение, где было очень жарко.

Несколько женщин в углу на каких-то печках и в каких-то огромных котлах, которых он до этого не видел, что-то варили; из котлов поднимался сильный пар, из-за которого в помещении было невозможно дышать. Здесь стоял какой-то тяжёлый и очень неприятный запах – смесь различных запахов: горелого жира и пота. За этими печками работали три женщины, ещё одна сидела чуть дальше от них на скамеечке. Он увидел, что у неё с шеи и по уже немолодой, морщинистой груди стекают струйки крови – это были следы недавнего рукопашного боя между работницами, которые часто ругались из-за того, кто что сегодня будет брать домой и сколько. Позже из разговоров тётки он слышал, что из приготовленной пищи самые жирные куски они оставляют «главным» больницы, тем, к которым обращаются не по имени, а по фамилии, и к которым каждый день они посылают на их рабочее место лучшее из всего имевшегося у них. Потом право выбирать передавалось здесь главному повару, женщине, у которой, как он увидел в тот день, были от постоянного употребления жирной пищи или ещё из-за чего-то огромные жирные складки под подбородком. А после неё оставшееся разбирали они – поварихи и раздатчицы. А в самом конце что оставалось – отправлялось по палатам больных, которые никогда не жаловались и очень были рады этому корму и смотрели на него как на богом посланное – ведь всё это было бесплатно, за счёт государства.

Когда он спросил про свою тётку, ему показали на дверь внутри помещения. Будущий счетовод подошёл к этой двери и постучал несколько раз. Дверь открыла та самая главная повариха, которую он

видел в этот день впервые. Увидев его из глубины комнаты, тётя встала из-за стола, за которым они ели что-то из неглубоких железных тарелок, и, подойдя к нему, поцеловала его в щёку жирными от еды губами. Он почувствовал, как весь этот жир на своих губах она размазала по его правой щеке, будто она ничего другого не находила для вытирания губ. Тётя спросила, зачем он пожаловал. Немного стесняясь, он передал ей просьбу отца, что её, по-видимому, ничуть не удивило. Взяв его за руку и даже не спросив, голоден ли он или нет, она посадила его на своё место и чуть ли не силком стала совать ему в рот ложкой еду из своей уже начатой тарелки. Ему стало тошно от столь жирной пищи, наверное, они клали сюда слишком много масла.

— Это мы готовим для главного больницы специально, чтобы здесь поест, это не из общего котла, сегодня он приходил сюда с гостями.

Будущий счетовод знал, что в их краях главной приметой хорошо приготовленной, вкусной еды считается количество в ней сливочного масла, и ещё это количество показывает, для кого она приготовлена: чем выше было положение едока, тем больше нужно было класть ему масла. Он хотел сказать, что жирную пищу вообще есть не может и даже не голоден, но тётя не хотела его слушать. После нескольких ложек он понял, что ещё немного — и ему станет совсем плохо, стал упорно отказываться есть и чуть не оттолкнул руку тётя. Тогда она встала, подошла к главной поварихе и, как было видно, стала о чём-то просить.

— Только из того, что положено тебе, — сказала та, потом, немного подумав, добавила: — Ладно, часть из твоего пайка, а часть я отдам из общего.

Тётя подозвала его к себе и сказала, чтобы он следовал за ними.

В этой комнате была ещё одна небольшая дверь, ведущая в другую комнату. Эта комната была набита всякими бумажными и матерчатыми мешками, в которых содержались разного рода продукты. Чего здесь только не было! Сгущённое молоко в синих железных баночках, макароны и вермишель разных сортов, сливочное масло, даже такие печенья и пряники, которые он и в магазине не видал. А рыба и мясо лежали отдельно — в слегка замороженном или консервированном виде. Позже тётя рассказала, что не все продукты, привозимые на склад больницы, попадают к ним. Самое лучшее и свежее сразу идёт к главным людям больницы или же продаётся по не очень высокой цене, но на складе. Для этого они грузят часть продуктов в машину и вывозят куда-то или же, когда везут сюда, избавляются от части, подлежащей продаже, прямо по дороге. Кому продают, никто не знает, но иногда они узнают какие-то остатки продуктов, продающиеся на базаре или в каком-то магазине.

В тот день тётя достала бумажный кулёк и подала ему, велев немного раздвинуть края. Потом она взяла металлический совок и стала засыпать в его кулёк понемногу из содержимого разных мешков, пока не наполнила его до самого верха. Он уже еле-еле держал кулёк в руках из-за тяжести и из-за того, что такой полный кулёк трудно было держать за края. А нужно было поддерживать

ещё и снизу, что доставляло дополнительные трудности. Когда уже всё было готово, тётя сказала ему, что с таким кульком нельзя выйти из больницы через ворота, откуда он пришёл, а нужно пройти через дыру в заборе больницы. А этот забор слишком высокий, через него не перелезешь, и поэтому приходится проходить через дыру в нём.

Тётя и главная повариха вышли вместе с ним на крыльцо и оттуда показали ему на ту часть забора, откуда можно было выйти из больницы. Дыры не было видно, поскольку на участке стояли невысокие, но с разлапистой кроной деревья, которые прикрывали это место. Попрощавшись с тётей и главной поварихой и поблагодарив их, будущий счетовод отправился в ту сторону, куда ему показали. Он прошёл всего несколько шагов, но вдруг услышал, как его окликают тётя:

– Остановись, сынок, дай я всё-таки провожу тебя. А то буду беспокоиться.

Она догнала его и пошла рядом.

– Ты понимаешь, даже здесь надо стараться, чтобы тебя никто не увидел, а то могут сообщить главным, а это очень нежелательно.

– А что может быть? – спросил он.

– Кто-то из главных, узнав об этом, может догнать тебя и отобрать то, что несёшь, и ещё оскорбить тебя хорошенько. Со мной сколько раз было такое, да и не только со мной, и с другими тоже. Бывало, пока я шла с полными вёдрами и набитой сумкой, кто-то сообщал «наверх», и, догнав, у меня отбирали вёдра, выливали содержимое на землю, а саму оскорбляли самыми страшными словами.

Они дошли до забора, точнее, до дыры в нём. Она была небольшой, находилась в самом низу, так что оказаться по ту сторону забора нельзя было, если только не лечь на землю и не двигаться с помощью локтей.

– Что ты ждёшь, оставь кулёк и переползай, а потом я передам тебе кулёк. Отсюда мы, все женщины, которые что-то несут домой, проходим каждый день.

Будущий счетовод лёг на землю, она была здесь мягкая и желтоватая, на ней виднелись какие-то следы, напоминающие собачьи, видно, собаки тоже использовали этот проём, и им проползть здесь было намного удобнее. Помогая себе локтями и упираясь коленями, он стал выбираться наружу. Из-за непривычки ползать, он поцарапал себе колени, и у него стали болеть локти. Когда он встал уже на той стороне, одежда его была вся в пыли. Слегка стряхнув эту пыль, он, пытаясь избавиться от неприятных ощущений, нагнулся, чтобы увидеть тётю на другой стороне. Она, убедившись, что он уже оказался за забором, стала проталкивать через это же отверстие кулёк.

Получив свой ценный груз, будущий счетовод торопливо направился в сторону дома, который находился недалеко отсюда. Ему казалось, что в любой момент кто-то из главных может преградить ему дорогу и, остановив, отобрать то, что он несёт, а потом оскорбить его, может даже ударить, а содержимое кулёка высыпать в так называемую речку, которая протекала мимо больницы, рядом с их домом. Она была совсем небольшая, совсем мало было в ней воды, только в начале весны она наполнялась до краёв и становилась мутной, при-

обретая жёлто-красноватый цвет, и тогда её дно невозможно было видеть, как в другое время.

Пожилые жители городка говорили, что когда-то воды в ней было много, как теперь в начале весны, но потом она стала постепенно высыхать, и воды становилось здесь всё меньше и меньше, может, она давно высохла бы, если не те воды, которые, после использования в различных учреждениях, вливались в длинный и неглубокий овраг, который проходил по всему городку и которым пользовались все жители, живущие на его берегу.

В семье будущего счетовода воду из речки брали только для мытья посуды, может, из-за того, что, учреждения, сливающие в неё грязные воды и всякие отбросы, находились недалеко от их дома, и поэтому для питья речную воду не использовали. А поскольку другого водного источника рядом не было, они «чистую воду» покупали. А привозили её «сверху» – из деревень, в которых были родники. Хотя воду продавали недорого, но эта покупка увеличивала расходы их семьи. Раньше, когда жива была лошадь, воду отец сам привозил, а теперь уже приходилось покупать. Ближе к центру городка воду из речки люди использовали также и для питья. У этого могло быть несколько причин. Может, это были более жадные или более бедные люди. А может быть, из-за того, что от их домов не были видны места «слияний». Семья будущего счетовода и их соседи, которые использовали воду для мытья посуды, стирки и других нужд, утешали себя тем, что всё, что вода несёт с собой, она на расстоянии утрачивает, то есть, всё это осаждается на дно реки, и вода будто бы очищается. А жители центра и нижней части городка (они считались верхней частью), может быть, успокаивали себя тем, что если она на расстоянии до жителей верхней части очищается и становится годной для мытья, то дальше она очищается ещё больше и становится также годной для питья. Так что тратить деньги на покупку привозной воды им уже не приходилось.

Дома его ждали давно и встретили с большой радостью. Мать тут же стала варить макароны в большой кастрюле для всей семьи, а потом, пожарив с луком куски мяса, которое он принёс, подала на стол. Давно так вкусно не ели, но детям больше понравилось сгущённое молоко, которое при добавлении воды напоминало то прежнее свежее молоко, хоть и было оно сладким.

Теперь он стал ходить к тётке чаще и каждый раз возвращался с полной сумкой. Он уже основной вход в больницу не использовал, проходил всё время через дыру и, хотя приходилось каждый раз ползать, всё-таки скоро привык.

Но однажды, держа путь туда же с немалой сумкой, он упёрся в сплошную стену. Да, эту дыру, откуда он проникал каждый раз, заложили камнями. Пришлось перелезть через забор.

Через какое-то время он возвращался уже с полной сумкой в сопровождении тётки. Осмотрев заложенную речными камнями дыру, они с тёткой решили, что легче будет открыть в другой части забора новую дыру, чем восстанавливать старую, так как она очень крепко была заложена. Отыскав с тёткой непрочное место в заборе, они принялись прокладывать здесь новый проход.

**Татьяна
ЛИСИНА**

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

ВETERАН ВОЛЖСКОГО ФЛОТА

Ваня родился в 1885 году в небольшом селе на Оке, расположенном на 100 км выше Нижнего Новгорода. Подросток видел пароходы, проплывающие мимо села, но ни на одном из них никогда не был.

Когда Ване исполнилось 15 лет, мать взяла его с собой в город, чтобы устроить на работу в чайный магазин, где работал их дальний родственник. Ваня согласился выполнить желание матери. Но в это время у дебаркадера стоял пассажирский пароход, на котором служил капитаном родной брат матери Вани. Они пошли его навестить.

Так впервые Ваня попал на пароход, который буквально заворожил его: колёса, коридор первого класса, отделанный красным деревом, просторная палуба... В голове мальчика быстро созрел дерзкий план. Когда после второго свистка они с матерью стали покидать пароход, он нарочно замешкался. Судно стало отчаливать от пристани, и он крикнул матери, стоявшей на дебаркадере, что остаётся на пароходе своего дяди. Этот пароход ходил из Нижнего Новгорода в Астрахань.

Дяде ничего не оставалось, как оформить племянника матросом на свой пароход.

С этого времени начинается нелёгкий путь Ивана Яковлевича Каперина.

Матрос, рулевой, боцман, приёмо-сдатчик, третий помощник капитана, затем второй. Октябрьская революция застала его уже первым помощником капитана (этот путь вверх по служебной лестнице он проделал, плавая на разных пассажирских судах). Капитаном он стал в 34 года, что в то время было большой редкостью.

-
- Татьяна Викторовна Лисина родилась и живёт в Саратове. Окончила Саратовский государственный медицинский университет. Работает преподавателем в Саратовском областном медицинском колледже. Член Союза журналистов России. Публиковалась в местных СМИ, в журнале «Волга—XXI век». Автор двух поэтических книг.

Необычна и история женитьбы Ивана Яковлевича. Будучи первым помощником капитана, когда его пароход стоял в Царицыне, он попал на день рождения своей хорошей знакомой. Она считала его своим потенциальным женихом. За праздничным столом он знакомится с её подругой, Женей, которая ему приглянулась больше хозяйки дома. Иван Яковлевич пошёл её провожать и узнал адрес барышни. Затем во время стоянок парохода в Царицыне он несколько раз бывал у неё.

Когда пароход, идущий в затон на зимовку в последний рейс, пришёл в Царицын, Иван Яковлевич Каперин (не имея возможности покинуть судно) дал адрес Жени извозчику и попросил его привезти её на пароход. Но это было вечером, когда уже стемнело, и родители девушки (а она была купеческой дочкой) её просто не пустили. А в следующую навигацию Ивану Яковлевичу удалось всё-таки добиться у родителей согласия на брак их дочери с ним. В этом браке и прожили они всю жизнь.

И. Я. Каперин стал превосходным судоводителем, прекрасно знающим фарватер Волги – от Нижнего Новгорода до Астрахани, и Камы – от её устья до Перми.

В 1935 году капитан Каперин перешёл с транзитного парохода «Николай Янсон» на пароход «П. И. Баранов» местной линии – сначала Саратов–Куйбышев, а затем Саратов–Хвалынский. Это было связано с тем, что «Янсон» зимовал в разных затонах, и капитану с женой Евгенией Матвеевной надоело скитаться по съёмным квартирам. А в Саратове ему обещали дать квартиру, которую он и быстро получил в 1-м доме водников, расположенном на улице Чернышевского.

Старожилы Саратова, думается, помнят небольшой, но очень уютный пароход «П. И. Баранов», принадлежащий до революции акционерному обществу «Самолёт» (тогда судно имело название «Великий князь Юрий Суздальский»). До получения имени «П. И. Баранов» пароход ходил под названием «Капитан Мамонтов».

Своего требовательного капитана команда этого судна и любила, и побаивалась. Ежегодно она перевыполняла план. А И. Я. Каперин был награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и несколькими медалями. Один из орденов И. Я. Каперину вручал М. И. Калинин в присутствии И. В. Сталина. При вручении ордена Каперин сказал: «Умру на капитанском мостике». Эти слова сбылись почти буквально – до самых своих последних дней он не снимал капитанского кителя.

Конечно, самым тяжелым временем для капитана стала Великая Отечественная война. Перелистнём одну страничку из календаря памяти.

Поздней осенью 1941 года Иван Яковлевич Каперин как капитан парохода «П. И. Баранов» получает спецзадание: доставить в Куйбышев (где располагалось командование ПриВО – Приволжского военного округа) мобилизованных в Саратовской области бойцов и командиров Красной Армии (для их дальнейшего переформирования в Куйбышеве перед отправкой на фронт). При подходе к Куйбышеву резко похолодало, и по Волге пошел лёд, а высаживать воинов капитану было предписано у причала на реке Самарка (в черте Куйбышева).

По каким-то соображениям военного начальства высадка на берег будущих фронтовиков была задержана, и, когда пароход уже был готов вернуться на зимовку в Саратов, устье Самарки было густо забито льдами. Ледокола, который бы мог помочь «П. И. Баранову» выбраться из ледового плена, в Самарском затоне не оказалось. Приходилось полагаться только на собственные силы. Колёсный пароход не был рассчитан на такие экстремальные манёвры. Но после команды: «Полный вперёд!» судно продвигалось на несколько метров в ледяном заторе, после чего тут же «отрабатывало» назад. Затем снова: «Полный вперед!», и т. д. Излишне говорить, что весь этот хлопотливый и трудный для всего экипажа день на капитанском мостике и в ходовой рубке провёл И. Я. Каперин, хотя ночью его ждала собственная (капитанская) вахта.

Прежде чем выбраться на «большую воду» машинной команде пришлось сменить четыре (!) комплекта деревянных колёсных плиц (лопастей), так как они при ударе о лёд предательски ломались. Как тут было не упомянуть добрым словом механика парохода – потомственного волгара Александра Васильевича Косцова, который, услышав о предстоящем спецрейсе в Куйбышев (когда уже пошёл снег), попросил перед выходом из Саратова капитана зайти в затон и «выбить» на Саратовском судоремзаводе изрядное количество запасных плиц для колёс.

В 1942 и 1943 годах во время рейсов Саратов–Хвалынский «П. И. Баранов» неоднократно подвергался немецким бомбёжкам, но И. Я. Каперину (а он всегда, независимо от времени суток, поднимался в эти тревожные минуты в рубку) каким-то чудом удавалось уводить своё любимое судно от падающих рядом с ним в воду бомб.

Навигация 1948 года была для «П. И. Баранова» последней. Ему обещали капитальный ремонт в Балаково, но до этого оставили в Куйбышеве. А потом пароход просто списали.

Весной 1949 года И. Я. Каперин принял под своё командование большой пассажирский пароход «Надежда Крупская». Несколько лет судно ходило на линии Саратов–Куйбышев, а потом на линии Саратов–Хвалынский. Команда «Надежды Крупской» также перевыполняла план, за что получала премии. Как и «Баранов», «Крупская» зимовала в Саратовском затоне.

Опыт И. Я. Каперина с удовольствием перенимали его помощники. Так, первый штурман «Баранова» Иван Георгиевич Варзин стал капитаном – вначале «Андрея Жданова», затем «Аркадия Гайдара». А второй штурман Александр Александрович Козлов начал командовать пароходом «Углич». Все эти пассажирские суда принадлежали Саратовскому речному порту. Первый штурман «Надежды Крупской» Евгений Александрович Попенков стал (и работал в этой должности в течение многих лет) начальником Саратовского речного вокзала.

В 1950 году Нижне-Волжская студия кинохроники создала о капитане Каперине киножурнал под названием «Пятьдесят лет на Волге».

Дополнить воспоминания о капитане, которого команда почитала за человека сурового и требовательного, можно ещё одним эпизодом, рассказанным супругой Ивана Яковлевича, Евгенией Матвеевной.

При всей требовательности и внешней суровости Ивану Яковлевичу Каперину были присущи доброта и даже сентиментальность. В годы Гражданской войны были большие перебои с топливом. Поэтому пароход временно «застрял» у дебаркадера около большого села в низовьях Волги (кажется, это было в Никольском). В это время в капитанской каюте одновременно находились собака с кутятами и кошка с котятами. Заметив, что жена как-то захандрила, он пошёл однажды в село и принёс в подарок ей живого кролика. Рассказывая об этом, Евгения Матвеевна, смеясь, сказала, что у них в каюте помещался целый зверинец.

Летом 1955 года у Ивана Яковлевича появились (особенно во время ночных вахт – а он в рубке всегда стоял у переднего окна) сильные боли в области желудка. Несмотря на его протесты, врачи настояли на госпитализации в больницу водников, где он провёл очень немного времени. У него при обследовании выявили тяжёлое заболевание – рак печени.

В день похорон капитана провожало в последний путь много людей. Гроб несли по старой набережной, а по Волге (параллельно траурной процессии), медленно шлёпая по воде плицами, шла осиротевшая «Надежда Крупская» со спущенным флагом на мачте. Пароход давал прощальные гудки...

ЮЛЯ

Говорят, что человек создан для счастья, как птица для полёта. Создан для счастья... Но иногда это счастье становится таким хрупким и зыбким.

Детские и школьные годы Юли Киргоф (в семье её называли Люля) были на редкость благополучными и безоблачными: родители её были любящими и заботливыми. Но при этом Юле удалось вырасти неизбалованным человеком. В семье было двое детей: Юля и её старший брат. Жили они все в прекрасной по тем временам квартире в престижном доме (старожилы Саратова помнят этот угловой дом на пересечении Соборной площади и улицы Радищева под названием «Дом Советов») напротив входа в парк «Липки». Там (преимущественно мать) гуляли с детьми осенью, зимой и весной, а лето проводили на ведомственной даче отца.

Подросли школьные годы. Юля с радостью идёт в первый класс 4-й женской средней школы на улице Мичурина (сейчас в этом здании располагается кадетское училище). Постепенно девочка становится красивой, изящной, одухотворённой девушкой, доброжелательной, с милой улыбкой, спокойной и обаятельной. Она впоследствии

с юношами вела себя достойно. Не была заносчивой, но, с другой стороны, и запанибрата с ней никто не был. Излишне говорить о том, что в старших классах на школьных вечерах приходившие в школу юноши (преимущественно 19-й мужской средней школы) торопились пригласить её на очередной танец. А в классах той же 19-й школы на многих партах было написано её имя.

Одновременно со средней школой Юля заканчивает музыкальную школу и поступает в нашу консерваторию по классу фортепиано. Ей пророчат большое будущее. На третьем курсе она участвует в концертах в Большом зале консерватории с симфоническим оркестром. Круг её музыкальных интересов был очень широк – это и классика, и сочинения современных авторов. Её любимым произведением был Второй концерт Рахманинова.

Но тут её ожидал первый удар в жизни. Усиленно занимаясь игрой на фортепиано, она растянула связку на руке (профессиональное заболевание пианистов). Полученная до этого техника игры была утрачена. И Юля была вынуждена перейти с отделения фортепиано на дирижёрско-хоровое, которое и успешно окончила.

Удар второй.

Юлин отец до войны был начальником секретно-политического отдела областного управления НКВД (все аресты шли преимущественно через этот отдел). Но потом его судьба сложилась неудачно. Хотя он имел высшее юридическое образование (а тогда было мало образованных работников НКВД), он был вынужден уйти из органов, точнее, как говорят, его «ушли».

Когда началась война, возник вопрос о его происхождении (у него была немецкая фамилия Киргоф). Но это ещё было бы полбеды. Хуже было то, что старший брат Юли был замешан в одном уголовном деле. И этого уже было достаточно, чтобы начальника отдела управления можно было уволить.

Поскольку у него было высшее образование, ему тут же удалось устроиться юрисконсультантом на большой оборонный завод. В годы разоблачения культа личности некоторых бывших работников НКВД начали привлекать к ответственности за проведённые репрессии. И хотя именно Киргоф, по рассказам его бывших коллег, как мог старался смягчить судьбу «врагов народа» и постоянно старался доказать начальнику управления, что очередное дело «дудное», его самого пригласили на допрос именно в тот кабинет, который в своё время он занимал. С ним разговаривали грубо, унижали, оскорбляли, после чего он покончил с собой.

Третий удар был для Юли менее значительным. Будучи студенткой, она вышла замуж. Её муж был руководителем оркестра в драматре имени Карла Маркса. Тогда и драматические театры имели свои оркестры. Но семейная жизнь у Юли не сложилась, и она с мужем быстро развелась.

При случайных обстоятельствах Юля знакомится с приехавшим по каким-то делам в Саратов военно-морским офицером, который тут же ею увлёкся. И сделал ей предложение. Она выходит замуж и уезжает с ним в Кронштадт, где устраивается на работу преподавателем в музыкальную школу. Её рука стала работать лучше, и потом всё-таки, чтобы учить детей музыке, требуется не та техника, что для участия в концертах в больших залах.

Но тут возникли три-четыре скандальные истории. Когда офицеры приходили за своими детьми вечером в музыкальную школу, то неожиданно увлекались их преподавательницей. При этом она не отвечала им взаимностью. И тогда женсовет при офицерском собрании пришёл к заключению, что Юлию из Кронштадта следует выселить, поскольку она «привносит нездоровую струю в жизнь офицеров». Все женщины женсовета стали выступать против неё. И её муж из-за этого переводится из Кронштадта в Ленинград. Здесь он стал часто выпивать, из-за чего Юля с ним развелась, оставшись с маленькой дочерью.

Юлия заболела: у неё нашли рак молочной железы. Её прооперировали. Через некоторое время обнаружили рак во второй железе. И снова прооперировали. Вскоре обнаружили метастазы рака. Её с этой патологией кладут в Ленинградский онкологический диспансер. Её дочь забрала к себе в Саратов Юлина мать – бабушка девочки.

Юлия лежит в диспансере и безучастно смотрит в потолок. А в это время один научный сотрудник из Ленинградского научного института онкологии собирает материал для докторской диссертации, связанной с изучением особенностей личности онкологического больного.

И вот этот сотрудник берет её историю болезни, вызывает Юлию во врачебный кабинет и начинает с ней разговаривать. Она по-прежнему пребывает в глубокой депрессии. Но даже после всех перенесённых операций Юлия на него производит впечатление. Психолог говорит с ней на какие-то отвлечённые интеллектуальные темы, всё более увлекаясь ею. И через некоторое время «проигрывает» такую ситуацию. Говорит примерно следующее: «Вы знаете, я детально познакомился с вашей историей болезни. Разговаривал с теми врачами, которые вас оперировали. Там далеко не всё ясно в диагнозе. Скорее всего, это ошибка». (На самом деле, никакой ошибки не было.) Но психолог начинает внушать Юлии, что она должна поправиться. И постепенно начинает её возвращать к жизни. У неё появляется маленький лучик надежды.

Юлии в это время проводили какое-то лечение (то ли химиотерапию, то ли лучевую), и плюс к этому такой значительный психологический фактор. Ей становится лучше.

Психолог делает Юлии предложение. Она с замужеством не торопится, но и от себя не отталкивает.

Психолог берёт две путёвки в какой-то пансионат в Прибалтике. Там она катается на качелях, а он её в это время фотографирует. На снимках Юлия такая весёлая, смеющаяся. Это были её последние фотографии. За несколько недель до смерти...

По поводу этого медицинского психолога своей лучшей саратовской подруге Юлия сказала следующее: «Ты знаешь, я вниманием мужчин с молодых лет не была обделена. Но этот человек мне подарил под конец жизни такую любовь, что мне теперь и умирать не страшно».

Юлия умирает в Ленинграде. Её в цинковом гробу привозят хоронить в Саратов. Всё это организовал её последний поклонник.

Он обратился к её матери с такой необычной просьбой: отдать ему дочь Юлии на воспитание. Он чуть ли не на коленях стоял перед бабушкой девочки. «Для меня Юлия – всё. Оставьте мне что-то, чтобы нас с ней в этой жизни связывало». Но та – ни в какую: «Она моя родная внучка». И девочка осталась в Саратове у своей бабушки, которая её и воспитала.

Видимо, прав был Оскар Уайльд. Помните, как заканчивается замечательный советский мультфильм по мотивам его «Кентервильского привидения»? Девочка говорит: «Призрак умер, но он успел мне рассказать, что такое Жизнь и что такое Смерть и почему Любовь сильнее их обеих».

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Вахтанг Надибаидзе родился в небольшом грузинском городке в учительской семье. После окончания средней школы успешно поступил в Астраханский институт рыбного хозяйства, который закончил с отличием и был направлен на работу инженером в Махачкалинский морской порт. В столицу Дагестана Вахтанг приехал не один: в Астраханском институте ему приглянулась однокурсница – красивая блондинка с голубыми глазами. Он начал оказывать ей внимание, и вскоре они поженились.

В Махачкале молодым специалистам выдали неплохое по тем временам жильё, и семейная пара начала его понемногу благоустраивать.

Но тут случилось непредвиденное. Вахтанга по ложному доносу одного из его сослуживцев обвиняют в антисоветской деятельности и забирают под следствие. Через короткое время выяснилась вся нелепость обвинения. И – что тогда случалось нечасто (а это были тревожные предвоенные годы) – Вахтанга отпустили на свободу с полной реабилитацией и восстановлением на прежней должности.

Казалось бы, всё закончилось благополучно. Но через 2–3 дня Вахтанг узнаёт, что, пока он был под следствием, его жена написала в соответствующие органы заявление о том, что никаких политических взглядов своего мужа не разделяет. Будучи гордым и решительным человеком, Вахтанг расценил заявление жены как предательство и быстро развёлся с нею.

После развода он начинает жизнь с чистого листа.

Вахтанг уезжает в далёкий Владивосток, где в то время у него не было ни одного знакомого человека, устраивается инженером в организацию «Дальрыба» и с головой погружается в работу.

Вскоре начинается Великая Отечественная война. Необычную работоспособность, сообразительность, решительность, техническую грамотность Вахтанга быстро замечает руководство, и, благодаря всему этому, Вахтанг успешно продвигается по служебной лестнице.

Вахтанг Надибаидзе становится генеральным директором «Дальрыбы» – а это огромное управление во Владивостоке: рыболовные и краболовные флотилии, обрабатывающие рыбозаводы, судоремонтные заводы и пр. в разных городах бывшего Советского Союза (в основном, конечно, во Владивостоке). Надибаидзе стал депутатом Верховного Совета СССР. Многие стали называть его «вторым хозяином Дальнего Востока», считая первым – Первого секретаря Приморского краевого комитета КПСС.

Стоит ли говорить о том, что доброжелательные сослуживцы и знакомые пытались познакомить Надибаидзе с первыми невестами Владивостока. Он был любезен с ними, даже делал комплименты, но ни одной из них повторную встречу не предложил.

В первые послевоенные годы его попросили от имени правительства вручить орден одному из лучших директоров рыболовецких совхозов за отличные показатели в работе. В назначенный для этого день Вахтанг Надибаидзе на своём служебном катере прибыл в рыболовецкий совхоз. Его на причале встретил директор, и они направились в управление совхоза, где должно было состояться торжество по поводу вручения ордена. Когда они сошли с катера, Надибаидзе привлекла такая картина. С моря только что пришёл наполненный рыбой рыболовецкий сейнер, из которого бригада женщин в спецовках дружно выгружала улов. Женщины были все разного возраста, но среди них своей естественной красотой выделялась молодая девушка, с двумя крупными светлыми косами и большими голубыми глазами. На ней Надибаидзе невольно остановил свой взгляд и тихо спросил директора совхоза, знает ли он её. Директор сказал, что, конечно, знает: это дочь старшины рыболовецкой артели. Надибаидзе задал ему второй вопрос: могут ли они с ним после торжества зайти в его дом? Директор сказал, что, конечно, могут.

Торжественная часть вручения ордена директору совхоза прошла, как и ожидалось, очень организованно. После официальной части был дан даже небольшой концерт. Когда всё было закончено, Надибаидзе с директором пошли в дом рыбака (директор, конечно, дал заранее знать хозяевам дома, что у них будет высокий гость). Гостей ожидал празднично накрытый стол, за которым сидели хозяева дома. Девуш-

ка, привлéкшая внимание Надибаидзе (а её звали Анютой), скромно сидела за столом, успев сменить брезентовую спецовку на красивое светлое платье.

Началось застолье, героем которого был, естественно, награждённый орденом директор совхоза. Но потом прозвучали тосты и за высокого гостя, и за хозяйку дома, и за хозяина, и за их детей...

Когда стало смеркаться, Надибаидзе поблагодарил хозяев дома за такой гостеприимный приём, тепло попрощался с директором совхоза, хозяевами и попросил Анюту проводить его до причала. (Благо, он находился рядом с домом.) Она тут же пошла вслед за ним.

На широком трапе причала Надибаидзе привлéк Анюту к себе и попытался её поцеловать. Но она ловко вывернулась из объятий и помахала ему рукой, отходя от берега.

Нахмуренный, Надибаидзе прошёл на катер, который тут же дал полный ход вперёд.

Мы не можем знать, чем привлéкла уже немолодого мужчину эта только что окончившая 10 классов школы юная девушка. Но через неделю на этом же катере Надибаидзе с множеством подарков для неё и её семьи снова прибыл в этот уже знакомый ему дом на берегу.

Когда он вошёл в дом, Анюта в простеньком домашнем халате вслух читала младшему брату детскую книжку. Родители быстро накрыли стол, за которым Надибаидзе вручил всем привезённые подарки. К чести Надибаидзе, его не испортила высокая должность. Он был прост в общении с людьми, поэтому беседа за столом проходила естественно и непринуждённо. А когда наступил вечер, Вахтанг снова попросил Анюту проводить его до причала. Она тут же согласилась. Но когда вблизи причала Надибаидзе снова привлéк её к себе, собираясь поцеловать, она резко оттолкнула его и буквально ошарашила такими словами: «Начальник! Брось свои штучки! Я хорошо знаю, чего ты хочешь от меня. Если это всё всерьёз, то женись на мне – никто и ничто тебе не мешает. А никакими подарками ты меня не купишь».

Будучи в целом человеком уравновешенным и выдержанным, Надибаидзе тут вспылал: «Да я не только тебя смогу купить, но и всю твою семью».

На это она спокойно и вместе с тем твёрдо ответила: «В таком случае, иди и покупай мою семью, но меня тебе не купить ни за какие деньги».

После этого, не прощаясь, Вахтанг перешагнул с причала на катер и приказал отдать концы.

Анюта медленно пошла домой.

Прошла ещё одна неделя. Катер Надибаидзе снова подходит к причалу рыболовецкого посёлка. Вахтанг идёт к дому Анюты и сразу же видит её (она что-то поливала в огороде). Вместо приветствия он говорит ей с некоторой суровостью в голосе: «Собирайся! Я приехал за тобой!»

Затем он вошёл в дом и заявил растерявшимся родителям, что женится на их дочери.

Анюта побросала в чемодан свои немногочисленные вещи, и сборы на этом закончились. Перед выходом из дома выпили шампанского, и Анютины родители пожелали молодым долгой и счастливой жизни.

Через день после этого не только управление «Дальрыбы», но и весь Владивосток обсуждал внезапную женитьбу Надибаидзе на простой молодой рыбачке. Многие скептики считали, что этот скоропалительный брак не будет долговечным, но судьба распорядилась иначе.

Надибаидзе знакомит Анюту с женой своего первого заместителя и просит её взять шефство над Анютой. Та везёт её к лучшему в городе парикмахеру, к своим портнихам, водит по магазинам, где рекомендует купить и обувь, и сумочки, и другие мелочи изысканного дамского туалета.

Через короткое время бывшую Анюту нельзя было узнать. Это была Анна Фёдоровна. Она стала правильно говорить, у неё даже изменилась походка. Одним словом, за короткий срок она превратилась в интеллигентную даму.

Окружающие однозначно решили, что этой метаморфозе способствовали какие-то скрытые врождённые дарования.

Через год в семье Надибаидзе родилась двойня – оба мальчики. Ещё через год – снова двойня, тоже мальчики. Затем родился ещё один ребёнок, мальчик, последний из детей.

Анна с головой ушла в воспитание детей и хозяйство. Вахтанг с раннего утра до позднего вечера пропадал на работе. У супругов редко стала появляться возможность побывать где-то в компаниях, в театрах, на концертах. Но, несмотря на это, все окружающие считали семью Надибаидзе счастливой и благополучной.

Когда старшим детям исполнилось по 10 лет, Вахтанг заболел. Он долго не придавал этому значения. Но когда наступило заметное ухудшение самочувствия, обратился к местным врачам. Они заподозрили у него опухоль лёгкого и порекомендовали срочную консультацию в Москве. К сожалению, в Кремлёвской больнице подтвердили диагноз рака лёгкого и попытались удалить опухоль, но сделать это не удалось (слишком запущена была болезнь). Через короткое время после операции Вахтанг в Москве скончался. Он завещал похоронить его во Владивостоке – городе, в котором он провёл наиболее значительную часть своей жизни, где его практически все знали.

В день похорон во Владивостоке почти весь транспорт (в том числе общественный) встал. Все улицы были заполнены людьми, которые хотели проститься с Вахтангом Надибаидзе. Его похоронили на возвышенном месте Морского кладбища.

...Об этой истории я узнала лет 20 тому назад от своих хороших знакомых, знавших Вахтанга Надибаидзе. (Мои собеседники несколько лет жили и работали на Дальнем Востоке.) А не так давно (года полтора-два назад) в одном художественном фильме, который транслировали по телевизору, был показан Владивостокский морской порт, в котором стоял огромный океанский лайнер «Вахтанг Надибаидзе».

Е. РУСЛАНОВ

Е. Русланов – автор семи поэтических сборников. В аннотации книги «Простые слова» сказано, что «источником стихов является лирический дневник...». Я уточнила бы: скорее дневник «философский». Е. Русланов в большинстве своих стихов мыслит не образами, а философскими категориями, и лирический герой скорее стремится воссоздать образ времени и свои мысли о нём, чем собственные чувства. Стихи-записи, стихи-экспромты – мгновенно созданные и воспринимаящиеся на одном дыхании. Отсюда проистекает лаконизм стихотворений, которые могут пригодиться и «на случай», и для поэтической книги.

Елизавета Мартынова

ДУНОВЕНЬЕ ТВОРЯЩЕГО ДУХА...

***

Дуновенье творящего духа –
в перекрестьях российской судьбы,
и в дороге большой – тайна слуха,
звёздный зов на пороге избы,
лишь шагни – и пути не избыть.

***

Не хочу быть волной возмущённой
в океане российских стихий,
мне – слезинкой остаться смущённой
и упасть невзначай в стихи.

***

Прислушайся к душе – она что голубь:
то рвётся радостно в апрельский небосвод,
то в шалаше претерпевает голод,
мятётся духом и меняет облик свой.

Почувствуй сердце сердцем – бьётся жизнь,
и путь лежит воистину прекрасный,
и никуда не деться – клетку лжи
зрывает колокол пасхальный не напрасно.

***

Ушла от истока река далеко,
бежать по России всегда нелегко,
безбрежной равниной приходится течь
под клёкот орлиный и разную речь.
Леса и поля ей притоки дают,
а ветры степные про волю поют...
Последняя встреча, последний рывок –
и Северо-Запад стал Юго-Восток.

24 МАЯ

Цветущий праздник постиженья,
стезя духовного труда –
славянской азбуки рожденье
и чуда русского звезда.

Как в буквах – мировощенье:
Азь – Бог – Глагол – Добро и Тварь,
так в азбуке – судьбы движенье.
Вселенной завязь – мой букварь.

***

И век был крут, и ворог лют,
и бездна плавилась картечью.
Победный выразил салют
всё то, чего не скажешь в речи.

Пришли другие времена.
Другой глагол коснулся слуха.
Но в небе праздничном видна
вся глубина Святого Духа.

ДЕНЬ – ВПЕРЕДИ

Ещё остался кусочек неба,
ещё заметен солнцеворот,
но жизнь распалась на быть и небыль,
и небыль встала у ворот.

На рубеже зимы холодной
остаток лета храни в груди.
Не думай о статье расходной.
За кругом – круг. День – впереди.

***

Рябина под снегом у дома стоит
И лето прошедшее в гроздьях таит.
Я тоже таинственной силой объят:
Стихии рифмуются, годы летят.

РАЗДОЛЬЕ*И. Будникову*

Картина мира: летний луг,
раздолье воздуха и света.
Они уходят в даль излук –
И муза, и дитя поэта.

***

Воробьи почуяли весну,
весело чирикают на ветке,
март пришёл в родную сторону,
мир светлеет в каждой своей клетке,
и её величество Душа,
госпожа моей судьбы и тела,
шествует по снегу не спеша
мимо воробьиного предела.

ЖИЗНЬ

Жизнь надписи суровые свои
на человеке, как на глине, оставляет:
проводит резко борозду любви
и линиями мук на внешний вид влияет.
О результатах знают зеркала:
в глазах любимой –
боль, любовь и состраданье.
Жизнь истину из боли извлекла,
и образ жизненный –
исток, итог, заданье.

***

Продувает долину ветер,
август ясный идёт к концу.
Нет предела на Божьем свете:
от отца мы идём к Отцу.

Было в жизни одно Успенье:
Богоматери в вечных веках...
Голубь – светлое оперенье –
держит высь в родных облаках.

Поздравляем
Александра Ивановича Ванюкова
(Е. Русланова),
замечательного литературоведа, критика, поэта,
с юбилеем!

К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ МУЗЕЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

**Елена МАНОВА,
Ирина СЕМЁНОВА,
Наталья СОЛОВЬЁВА**

«ВОТ МЕСТНОСТИ ГЛАВНОГО ЗНАКОМСТВА МОЕГО...»

Такими словами открывается часть «Автобиографии» Н. Г. Чернышевского, в которой мы, читатели, приглашены пройти вместе с автором по улицам его родного города Саратова. Сотрудники музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского приняли приглашение, и в Год культуры родился проект новой образовательной программы музея – «Прогулки с Н. Г. Чернышевским». Осуществление её начато и продолжается во взаимодействии с местными туристическими фирмами. Им, а также Саратовскому телевидению, активно помогавшему популяризации проекта серией передач «Время от времени» (сценарист Анна Ховайко, режиссёр Марина Селиванова), сотрудники музея выражают сердечную благодарность.

Цель проекта – популяризация исторических мест Саратова, связанных с именем выдающегося земляка – одного из редакторов знаменитого журнала «Современник», лите-

-
- Елена Николаевна Манова родилась в 1977 году в Саратове. Окончила исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат исторических наук, главный хранитель фондов музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства.
  - Ирина Викторовна Семёнова родилась в 1960 году в Саратове. В 1984 году окончила исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Учёбу совмещала с работой в краеведческих музеях Саратова и Энгельса. В музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского работает с 2008 года на должности научного сотрудника по учёту и хранению фондов.
  - Наталья Владимировна Соловьёва родилась в 1978 году в г. Мирный Архангельской области. Окончила исторический факультет СГУ им. Н. Г. Чернышевского с отличием. С 2007 года работает в музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского. В настоящее время является хранителем научно-вспомогательного фонда.

ратурного критика, публициста, писателя, философа, общественного деятеля.

Мы также ставили целью показать, что неслучайно в Саратове имя Чернышевского носят одна из основных магистралей города, площадь, Саратовский государственный университет, старейший литературно-мемориальный музей – ведь мировоззрение, творческие идеи, личная судьба автора романа «Что делать?» наложили неизгладимый отпечаток на историю России середины XIX века и на историю нашего города.

Задачи проекта – разработка и запуск пешеходного, автобусно-пешеходного и автобусного маршрутов по исторической части города, с использованием интерактивной карты «Прогулки с Н. Г. Чернышевским», введение в культурный оборот материалов фондовых коллекций.

Автобусный вариант «Прогулок» включает наибольшее количество объектов показа – 25 памятников истории и культуры. Экскурсия выстраивалась с учётом того, что «город – всегда диалог прошлого с настоящим». Таким образом, осмотр каждого памятника историко-культурного наследия по ходу экскурсии либо места, где располагался объект, сопровождался демонстрацией его прежнего вида, сохранившегося на фотографиях из основного и научно-вспомогательного фондов музея. При этом рассказ дополняли портреты живших некогда в тех старинных домах исторических личностей, чьи судьбы так или иначе связаны с семьёй Чернышевских.

В первую очередь, нас интересовали виды города, портреты, дагеротипы и фотографии середины XIX–начала XX веков. Они единичны, но дают возможность представить, как выглядел Саратов и его жители в XIX–начале XX века, передают облик самого Н. Г. Чернышевского в возрасте 25 лет (самое раннее, 1853 года, изображение будущего литератора, только что прибывшего из родного города в столицу) и в возрасте 60 лет (прижизненная фотография 1888 года – самая поздняя, сделанная незадолго до переезда из Астрахани, последнего места ссылки, в Саратов, где он скончался). Привлечены работы талантливого мастера фотографии М. Н. Чернышевского (1858–1924), сына Николая Гавриловича, 95 лет назад основавшего в нашем городе мемориальный Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Широко использованы также фотоснимки 1920-х–1950-х годов из коллекции известных саратовских фотографов-краеведов братьев А. и В. Леонтьевых. При отборе изобразительных источников и фотодокументов за основу были взяты свидетельства мемуарной литературы, в первую очередь – «Автобиография» Н. Г. Чернышевского и его письма родным. Инновацией стало соединение в одном проекте мультимедийной видеопрезентации, а также традиционной экскурсии с театрализованной.

Маршрут экскурсии по Саратову определяется фразой из мемуаров Н. Г. Чернышевского, написанных в дни следствия и заточения в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости: *«Вот местности главного знакомства моего: Волга, берег, две улицы, идущие по берегу, две-три улицы подле нашего дома, идущие наперерез Сергиевской в гору, да небольшой уголок подле площади Нового собора»*. Теплом воспоминаний писателя согрет сравнительно небольшой участок в историческом центре города, в пределах которого – родной дом, улицы и здания,

имевшие особое значение для семьи Чернышевских в силу того, что обитатели этих домов играли в жизни семьи важную роль.

В первую очередь, в мемуарах упомянута улица, кратко названная Сергиевской, одна из старейших и наиболее протяжённых в нашем городе. В то время когда эта улица ещё именовалась Царицынской, на ней по проекту губернского архитектора Г. В. Петрова воздвигнута была Сергиевская церковь. Строительство храма было закончено в 1825 году, а годом позднее поблизости от него был выстроен дом протоиерея Сергиевской церкви Гаврилы Ивановича Чернышевского, и постепенно за улицей, идущей параллельно берегу Волги, закрепилось новое наименование – Большая Сергиевская.

На этой магистрали сохраняется здание, памятное для русской истории и культуры и ныне отмеченное мемориальной доской. Сообщается, что здесь 12 (24) июля 1828 года появился на свет Николай – единственный ребёнок в семье Гаврилы Ивановича Чернышевского и его супруги Евгении Егоровны, урожденной Голубевой. Мальчик рос тут до 18 лет и, уже будучи взрослым, жил ещё два с половиной года. С 1918 года улица, на которой расположен этот дом за номером 142, носит имя Н. Г. Чернышевского. «Родное гнездо орла», по меткому выражению К. А. Фекина, с 1918 года под охраной государства. А вот Сергиевской церкви, столь важной для Саратова в историко-культурном отношении (достаточно сказать, что здесь служили дед и отец Николая Гавриловича, здесь крещены были младенцы Николай Чернышевский – и позднее – Константин Федин), мы, к сожалению, лишились в лихие 1930-е. На её месте на ул. Чернышевского, 148, – Саратовский НИИ травматологии и ортопедии. В запущенном состоянии находится на ул. Чернышевского, 146, городская усадьба В. М. Максимова, построенная в 1830–1840-х годах по проекту петербургского архитектора А. П. Брюллова. Между тем этот комплекс зданий с 1846 по 1854 год служил резиденцией саратовского губернатора М. А. Кожевникова, оценившего способности Николая Гавриловича – выпускника столичного университета, и оказавшего содействие его переводу в Петербург. Посему центральное здание комплекса городской усадьбы, интересное в архитектурном отношении, отмечено мемориальной доской, сообщающей, что в 1850-х годах здесь на обедах у губернатора происходили встречи Н. Г. Чернышевского с декабристом А. П. Беляевым. Однако наличие мемориальной доски, похоже, никого ни к чему не обязывает...

В цитированном мемуарном отрывке Н. Г. Чернышевского упоминается Волга. О чарующем действии волжского пейзажа Николай Гаврилович вспоминал так: *«Окна дома, в котором жили мы, выходили на Волгу. Всё она и она перед глазами – и не любишь, а любишь. Славная река, что говорить»*. Так и сейчас панорама великой реки не оставляет равнодушными посетителей усадьбы музея. А ведь сохранение обзора – заслуга музейных работников. В середине прошлого столетия великолепный вид едва не оказался закрыт многоэтажной застройкой, и только благодаря авторитету и настойчивости внучки писателя, Н. М. Чернышевской, возглавлявшей музей на протяжении почти полувека, удалось остановить бездумные действия вла-

стей. Вторично проект строительства многоэтажки едва не был реализован в первые годы XXI века. И тут уже возглавляющая музей до настоящего времени Г. П. Муренина, заслуженный работник культуры, предотвратила варварское нарушение границ охранной зоны усадебных строений – памятников культуры федерального значения.

В числе особых мест Н. Г. Чернышевский упоминал ещё одну улицу, идущую вдоль берега Волги. Весьма вероятно, он имел в виду Покровскую (ныне ул. Лермонтова). Там под номером 32 стоял дом В. А. Акимова, с которым было связано важнейшее событие в личной жизни Николая Чернышевского. 26 января 1853 года он познакомился здесь с О. С. Васильевой, слывшей в своём кругу «демократкой». Это знакомство вызвало к жизни «Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет моё счастье». Необыкновенно сильную любовь к решительной, бойкой смуглянке Николай Гаврилович пронёс через всю жизнь.

Чуть далее на Покровской находилось одно из лучших городских зданий начала XIX века – особняк М. А. Устинова, состоявший из двух домов, соединённых и архитектурно оформленных в едином стиле в 1813 году петербургским архитектором И. Ф. Колодиным. Спустя 17 лет роскошный особняк стал местом памятного события: празднования бракосочетания А. А. Столыпина с М. А. Устиновой, внучкой губернатора А. Д. Панчулидзева и М. А. Устинова, владельца дома. Венчал молодых Гаврила Иванович Чернышевский, на свадьбе присутствовал знаменитый поэт-партизан Денис Давыдов. В том же 1830 году после проведения торжеств особняк был продан Духовной семинарии. Он служил общежитием её в тот период, когда Николай Чернышевский блистал в семинарских классах своими энциклопедическими знаниями. В этом здании проживал Михаил Левицкий – однокашник и лучший друг Николая в 1842–1846 гг. Сейчас здесь, на ул. М. Ю. Лермонтова, 34, находится Саратовский областной музей краеведения.

Среди улиц, соседствующих с Большой Сергиевской, Н. Г. Чернышевскому, несомненно, по-особому памятна была улица Гимназическая (ныне ул. Н. А. Некрасова). На ней стоял великолепный дом губернатора А. Д. Панчулидзева. Начальник губернии хорошо знаком был с Г. И. Чернышевским, покровительствовал ему, поскольку Гаврила Иванович был домашним учителем в семье губернатора. В 1820 году А. Д. Панчулидзева продал городской казне свой дом для размещения первой мужской гимназии. К 1851 году, когда Н. Г. Чернышевский поступил туда учителем словесности, это учебное заведение было на хорошем счету в Казанском учебном округе: его выпускники имели право поступать без экзаменов в Казанский университет. Тем не менее с появлением нового учителя методика преподавания литературы в Саратовской гимназии кардинально обновилась. Живая беседа о современной русской литературе, переживавшей свой золотой век, анализ произведений, в который Николай Гаврилович вовлекал своих учеников, способствовали расширению их кругозора, умственному развитию, выработке критического подхода к российской действительности и гуманной нравственной позиции. Молодой преподаватель, нашедший в Саратове на педагогическом поприще

«глушь страшную», не жалел сил, и всего за два с половиной года он успел привить гимназистам интерес к общественным вопросам, стремление к знанию, к самостоятельному мышлению, к получению университетского образования. Сейчас здание на ул. Н. А. Некрасова, № 17, в котором преподавал Николай Гаврилович, отмечено мемориальной доской; здесь Волжский суд и нотариат.

Ещё одна улица, включённая в маршрут «Прогулок с Чернышевским», — это Московская, так как до середины XIX века она являлась главной улицей города. Именно по Московской в 1858 году следовал знаменитый писатель Александр Дюма, посетивший Саратов в своём путешествии по России. На пересечении её с Большой Сергиевской (по адресу: ул. Московская, 17) возвышается приметное здание, построенное губернским архитектором Г. В. Петровым в первой трети XIX века. «С лёгкой руки» Н. Г. Чернышевского его стали называть «домом Корнилова», поскольку Николай Гаврилович дважды описал его в своих произведениях. Как в упомянутой уже «Автобиографии», так и в рассказе «Покража» фигурирует владелец особняка — купец Корнилов. Тем не менее в результате разысканий краеведов установлено, что в действительности ни один Корнилов, Корнилович или Корнилов не владел угловым домом на Московской — это литературный персонаж. Однако особняк столь приметен, что К. А. Федин в свою очередь сделал его местом, в котором развивается сюжет повести «Старик».

Улицей Московской ограничена с запада площадь Старого (Троицкого) собора. Это «историческое ядро» Саратовской крепости, построенной «на горах» в 1674 году, и особое место для саратовцев. Старый собор, расположенный по адресу: ул. Московская, 6, — древнейший храм нашего города, действующий до настоящего времени. Здесь, в Троицком соборе, протоиерей Н. Г. Скопин в 1818 году венчал родителей Николая Гавриловича. Тот же самый Николай Герасимович Скопин в качестве директора духовного училища на протяжении десяти лет, вплоть до 1830-го, являлся непосредственным начальником Г. И. Чернышевского, исполнявшего обязанности преподавателя, затем инспектора этого учебного заведения.

Интеллигентный, образованный, обладающий редким педагогическим даром, Гаврила Иванович оказал самое благотворное влияние на формирование личности своего ребёнка. Неслучайно на монографии, посвящённой немецкому мыслителю и драматургу Г. Э. Лессингу, Николай оставил благодарственную надпись: *«Милому папеньке от бесконечно обязанного, всем обязанного сына»*.

Таким образом, семейная история Чернышевских оказывается сплетена с историей старейшего уголка Саратова.

Разумеется, среди главных мест, о которых до последнего часа помнил Николай Гаврилович, была улица Троицкая, проходящая по восточной границе площади Старого собора. Эта улица позднее переименована была в Часовенную, а сейчас носит имя Челюскинцев. Под номером 12 тут стоит прекрасный каменный дом, построенный в 1810 году губернским архитектором В. И. Сурановым для купца Ф. В. Котенева/Катенева. Двадцать лет спустя здание было прода-

но, и здесь открыта была Саратовская духовная семинария, имевшая три двухгодичных класса. Николай Чернышевский проучился в ней четыре года, поражая преподавателей своими способностями и жадной жаждой знаний, не находившей полного удовлетворения в стенах этого учебного заведения, хотя оно было тогда одним из лучших в России. В начале XX века в здание бывшей семинарии было переведено реальное училище; в нём получил образование ещё один яркий представитель отечественной культуры – будущий Народный артист СССР Б. А. Бабочкин – прославленный Чапаев из одноимённого фильма братьев Васильевых. Теперь в здании, отмеченном несколькими мемориальными досками, расположена Русская православная классическая гимназия.

Конечно, хорошо знаком был Николаю Гавриловичу административный центр города – Новособорная площадь (ныне она носит имя Н. Г. Чернышевского). К 1826 году был достроен Александро-Невский (Новый) кафедральный собор, спроектированный петербургским архитектором В. П. Стасовым в честь избавления России от французского нашествия. Память об Отечественной войне 1812 года была окружена уважением в семье Чернышевских: дед Николая, Егор Иванович Голубев, за содействие победе российского воинства награждён был наперсным крестом и медалью. Протоиереем Нового собора был назначен близкий родственник Чернышевских – Ф. С. Вязовский, крёстный отец Николая. После его смерти в 1856 году место кафедрального протоиерея перешло Г. И. Чернышевскому. Именно в Александро-Невском соборе 14 (29) апреля 1853 года Фёдор Степанович Вязовский венчал Николая Чернышевского и его избранницу – 20-летнюю красавицу Ольгу Сократовну Васильеву. Дом отца невесты, врача Саратовского удельного ведомства С. Е. Васильева, находился недалеко от собора; как и храм, он был снесён в 1930-х годах. На месте Нового собора теперь стадион «Динамо», расположенный по адресу: ул. А. Н. Радищева, 22. На месте дома Васильевых по улице Армянской (ныне Волжская, 34) – «сталинка» ИТР-3. Горожанам это броское здание известно как «Дом Жилкоопсоюза»; оно было возведено в 1940 году по плану известного немецкого архитектора Феликса Леонгардта.

Однако почти без потерь сохранился до наших дней архиерейский квартал, возникший в первой трети XIX века. Его постройки начинались от Новособорной площади и тянулись вдоль ул. Никольской (ныне ул. А. Н. Радищева). Сейчас они преимущественно заняты Саратовской духовной семинарией, стены их отмечены целым рядом мемориальных досок. Квартал этот, в определённой мере, был «своим» для Чернышевских. Он включал здание духовной консистории, которое до сих пор высится на ул. А. Н. Радищева, 24. Это учреждение ведало, в частности, регистрацией актов гражданского состояния; членом консистории состоял Гаврила Иванович Чернышевский. Позднее в том здании разместилось театральное училище им. И. А. Слонова, выпускником которого был блестящий актёр О. И. Янковский. Рядом располагались дошедшие до наших дней архиерейские ряды с разнообразными лавками. А по адресу: ул. Волжская, 36, – архиерейский

дом, служивший обителью ярким личностям. Справедливо относить к ним Преосвященного Иакова (Вечеркова), на Саратовской кафедре с 1832 до 1847 года, и Преосвященного Афанасия (Дроздова), правившего Саратовской епархией с 1847 до 1856 года. Они всемерно поощряли у подчинённого им духовенства склонность к научным изысканиям. Епископ Иаков благословил Г. И. Чернышевского на подготовку первой публикации краеведческого характера, которой стала «Историческая записка об обращении Иргизских монастырей»; а по поручению епископа Афанасия Гаврила Иванович сделал ещё одно большое историческое исследование – «Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии», также завершившееся публикацией.

На пути от дома Чернышевских к архиерейскому кварталу находился Александровский бульвар, заложенный в 1824 году и служивший излюбленным местом гуляний саратовцев. К началу XX века, как о том пишет К. А. Федин в романе «Первые радости», «бульвар назывался Липками и под этим именем входил в биографию любого горожанина, как бы велик или мал он ни был». Фактически уже к 1876 году этот бульвар разросся в городской сад «Липки». Н. Г. Чернышевский любил прогулки по его аллеям, когда по возвращении из астраханской ссылки в июне 1889 года поселился рядом с городским садом. Родной дом Николая Гавриловича в это время был сдан внаём, и знаменитый радикал арендовал квартиру у почтового чиновника А. М. Никольского на ул. Соборной. Здесь Н. Г. Чернышевский продолжал работу над переводом многотомной «Всеобщей истории» Вебера и над «Материалами для биографии Добролюбова». Тут он начал набрасывать свои «Мысли о будущности Саратова», но работа над статьёй была прервана внезапной кончиной писателя 17 (29) октября 1889 года. В начале XX века дом Никольского был снесён, к 1912 году на его месте по проекту знаменитого русского архитектора Ф. О. Шехтеля был возведён изысканный особняк для купца-мукомола К. К. Рейнеке. Сейчас это здание по адресу: ул. Соборная, 22, занимает областной госпиталь для ветеранов войн.

Завершаются «Прогулки с Чернышевским» перед входом в «Липки», на месте, где в 1911 году был установлен памятник императору Александру II. Именно его реформы наш выдающийся земляк последовательно критиковал в печати, за что был осуждён на каторгу и отправлен в сибирскую ссылку. А затем произошло историческое возмездие: царский монумент был снесён, и на его месте в 1953 году установлен памятник опальному писателю. Глядя на молодого Чернышевского работы А. П. Кибальникова, вспоминаешь строки из письма Николая Гавриловича родным: *«Как и всегда, как и каждый час, я буду мыслями в Саратове»*.

Таков в кратком изложении маршрут нашей экскурсии, позволивший в доступной форме привлечь внимание горожан и гостей города к сохранившимся историко-культурным достопримечательностям Саратова XIX века, познакомить экскурсантов с фактами биографии знаменитого саратовца, рассказать истории улиц и зданий центра города, людей из круга общения семьи Чернышевских.

Мы надеемся, что экскурсия расширит представления об интересных личностях из окружения нашего земляка. Среди родных и знакомых семейства Чернышевских – двоюродный брат Николая, академик А. Н. Пыпин; жена – О. С. Чернышевская, которой посвящён роман «Что делать?»; А. Н. Пасхалова – «саратовская Жорж Занд», собирательница и публикатор первого собрания местного фольклора; купец Д. М. Вакуров, открывший в городе первую книжную лавку; автор первой саратовской хроники Н. Г. Скопин; инокиня Сусанна (А. А. Рылеева), создательница первой школы для девочек; участник Бородинского сражения А. А. Столыпин, приходившийся двоюродным дедом одновременно М. Ю. Лермонтову и П. А. Столыпину; первый саратовский учёный-краевед А. Ф. Леопольдов; известный ориенталист Г. С. Саблуков – любимый семинарский преподаватель будущего литератора; авторы воспоминаний о Н. Г. Чернышевском – писатель М. А. Воронов, бывший ученик Саратовской гимназии, и декабрист А. П. Беляев, живший после каторги в Саратовской губернии, и др. Экскурсия по историческому центру города и набережной Волги – а именно здесь находятся все уголки, знакомые и близкие Николаю Гавриловичу с детства, – завершилась в музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского экскурсией театрализованной, с чаепитием перед мемориальным домом. К чаю, по обычаю, заведённому в семье Чернышевских, предлагалось вишнёвое варенье из плодов, собранных с растущих в усадьбе деревьев.

Сотрудничество с туроператорами оказалось взаимовыгодным: музею удалось создать интерактивную образовательную программу, востребованную как школьниками-экскурсантами и взрослым населением города, так и гостями-отдыхающими; при этом поиск групп и их доставку в музей осуществляют турфирмы. Учащиеся среднего возраста и старшеклассники знакомились сначала в музее с мультимедийной презентацией, а затем отправлялись на автобусно-пешеходную прогулку по Саратову Чернышевского. Туристов, путешествующих на теплоходах, привлекало предложение завершить автобусную поездку по историческому центру города в музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского экскурсией театрализованной (театрализация проводилась научными сотрудниками музея). Как взрослыми, так и школьниками востребованы были «Прогулки с Н. Г. Чернышевским» в День города (в автобусном и в пешеходном вариантах). Большой интерес вызывали они у гостей музея – участников ежегодных международных научных чтений «Н. Г. Чернышевский и его эпоха», а также участников делегаций – членов Ассоциации городов Поволжья.

По итогам конкурсной программы IV фестиваля «Открой Приволжье» (Оренбург, 2014 год) жюри присудило Саратовской области награду за лучший туристический маршрут Приволжского федерального округа в номинации «Лучшая экскурсионная программа». Её автору, Н. В. Соловьёвой, советником министра культуры РФ Николаем Новичковым был вручён диплом победителя. В 2015 году музей-усадьба Н. Г. Чернышевского вошёл в тур-каталог «Отдых в России».

**Виктор
ТОТФАЛУШИН**

«БОДРОСТЬ ДУХА, ГРАЦИЯ И ПЛАСТИКА»

Различные гимнастические упражнения были известны ещё в Древней Руси как составная часть народных праздников. Спортивная гимнастика в России, как и в других странах, начала культивироваться с XVIII века, первоначально в основном в армейской среде. Так, серьёзное внимание гимнастике как прикладной дисциплине уделяли Пётр I и Александр Васильевич Суворов. В первой половине XIX века в России были изданы первые руководства по гимнастике, а после Крымской войны гимнастика вводится как обязательный предмет обучения солдат.

Со второй половины XIX века в России начинается организация гимнастических обществ. Первое было открыто немцами в Одессе в 1861 году. В 1863 году в Петербурге учреждается гимнастическое общество «Пальма», в 1868 году в Москве – Московский гимнастический союз, а в 1869 году – Петербургское гимнастическое общество. Постепенно подобные общества создаются и в других городах России. Они в основном находились под влиянием немецкой системы гимнастики¹.

В 1870-е годы известный российский учёный и педагог П. Ф. Лесгафт открывает в Санкт-Петербурге двухгодичные гимнастические курсы² для подготовки отечественных специалистов. В 1883 году в Москве было организо-

---

¹ Основателями немецкой системы гимнастики, созданной в первой половине XIX в., были Й. Гуте-Мутс, Ф. Ян и А. Шписс. Её основу составляли упражнения на гимнастических снарядах, военно-игровые упражнения, туризм и экскурсии. Главной целью считалось развитие двигательных способностей, сложных движений, выносливости, воли и дисциплины.

² Ныне Институт физической культуры имени П. Ф. Лесгафта.

-
- Виктор Петрович Тотфалушин родился в 1954 году в Саратове. Окончил исторический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. В настоящее время – доцент СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Кандидат исторических наук, автор более 350 учебных и научных работ. Живёт в Саратове.

вано Русское гимнастическое общество, одним из его основателей был А. П. Чехов. Оно подготовило первые в нашей стране соревнования по гимнастике, которые прошли в 1885 году в Москве. И хотя в них приняли участие всего 11 человек, но начало было положено. Последующие соревнования также проводятся в Москве в 1887, 1888, 1892 годах. В 1889 году гимнастика вводится в программу мужских учебных заведений.

В последующие годы в России распространяется чешская «сокольская» система,³ и в 1900 году возникают первые организации под названием «Сокол». Уже с 1907-го русские гимнасты начали принимать участие во Всесоюзных слётах, которые проводились в Праге раз в пять лет.

В марте 1911 года был создан Олимпийский комитет России, и в 1912-м российские гимнасты впервые приняли участие в Олимпийских Играх, но составить конкуренцию более опытным соперникам не смогли. Это побудило правительство и спортивную общественность проводить ежегодную русскую Олимпиаду. Первая такая Олимпиада была проведена в Киеве в 1913 году, вторая – в Риге в 1914-м. В обеих олимпиадах участвовало весьма ограниченное число представителей спортивной гимнастики – не более 60 человек.

Под влиянием этих процессов в 1898 году в Саратове возникла инициативная группа любителей гимнастических упражнений, которая обратилась с ходатайством в комитет Саратовского речного яхт-клуба об организации в городе гимнастического отделения. 19 апреля, рассмотрев это заявление, комитет клуба в своём постановлении записал: *«Желание лиц <...> вступить в число членов клуба с целью образования в нём гимнастического отделения, встретит с полным сочувствием и, насколько можно, ходатайствовать перед общим собранием членов об удовлетворении этого желания».*

9 мая на общем собрании Саратовского речного яхт-клуба большинством голосов (16 из 23) было решено организовать гимнастическое отделение непосредственно при клубе. Под гимнастический зал была отведена одна из комнат грелки катка.⁴ Заведующим залом стал Ф. С. Конопко. Часть «аппаратов» – как назывались тогда гимнасти-

*Знак гимнастического отделения Саратовского речного яхт-клуба.
Из коллекции Ю. А. Сафронова*

³ «Сокольская» система была создана в Чехии доктором М. Тыршем в 1860-е годы. Её основой было всестороннее физическое развитие, средством – гимнастические упражнения.

⁴ Помещение, где катающиеся могли согреться.

*Е. А. Больман –
первый преподаватель гимнастики
в Саратове. 1907 г. Саратовский
областной музей краеведения*

ческие снаряды – была выписана из Петербурга, часть – изготовлена в собственной мастерской.

Зал работал с октября по май, по понедельникам и пятницам с 9 до 23 часов. Занятия носили организованный характер. До 1913 года ими руководил Е. А. Больман, затем его сменили А. Львов и Ф. В. Гошек. Посещение тренировок для яхтсменов и членов их семей было бесплатным, посторонние платили 5 рублей за полугодие.

Интерес к занятиям гимнастикой, хотя и медленно, возрастал из года в год. В октябре 1900 года жительница Саратова Ю. В. Якубович обратилась к членам яхт-клуба с инициативой создания при гимнастическом отделении секции для дам и детей. Комитет клуба признал «весьма желательным устройство гимнастики для детей» и поручил заведующему залом «вступить в переговоры» с Якубович. Переговоры увенчались успехом, и 19 октября инициатор была приглашена на заседание членов яхт-клуба, на котором постановили, что, поскольку организация занятий гимнастикой для детей не требует покупки какого-то дополнительного инвентаря, их можно будет начать в скором времени. И действительно, уже 28 октября занятия впервые состоялись. Плата за занятия гимнастикой составила один рубль в месяц.

*Занятия гимнастического кружка при Саратовском речном яхт-клубе.
1909–1910 гг. Саратовский областной музей краеведения*

В 1912 году число взрослых, посещающих гимнастический зал, достигло 30. Благодаря старинной фотографии, мы имеем редкую возможность увидеть зал в тот момент, когда идёт тренировка 15 спортсменов.

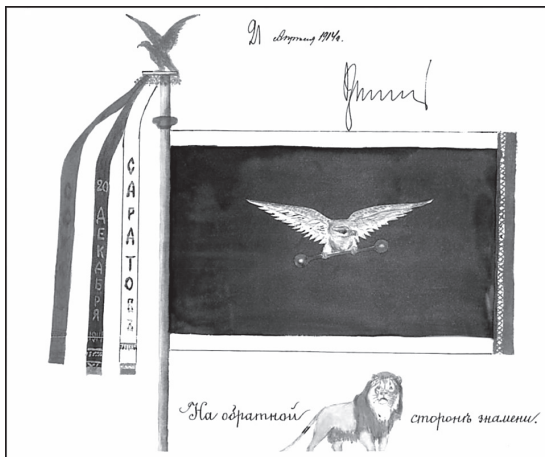
Гимнастическое отделение яхт-клуба продолжило свою работу и в годы Первой мировой войны. Хотя число членов в нём в 1915 году было «очень невелико», они делились на две группы, а занятия под руководством главного инструктора А. Штеина проходили два раза в неделю.

Заниматься «гимнастическими <...> упражнениями под наблюдением сведущих лиц...» предполагали с момента создания и члены Саратовского общества велосипедистов-любителей. Кроме того, в Саратове имелись частные гимнастические залы, например, у дворянина Готовицкого.

Организации соревнований мешала неразработанность их правил, но 18 марта 1907 года в Саратове удалось провести состязания на призы-жетоны с участием всего пяти спортсменов. В программу входили упражнения на перекладине, брусках, кольцах, махи на коне и опорный прыжок через «козла». Победителями состязаний стали А. Львов (служащий РУЖД), А. Энгель и Е. Коптилкин.

Позднее журнал «Русский спорт» сообщал, что 20 марта 1910 года в Саратове предполагается гимнастический вечер с призами, где «будет показана вся шведская гимнастика⁵, начиная с вольных упражнений и кончая трудными номерами на аппаратах». О росте популярности занятий гимнастикой среди саратовцев свидетельствует и письмо профессора Саратовского университета В. Д. Зёрнова, который 10 июня 1912 года сообщал жене, что на дачах у Трофимовского разъезда «дачевладелец для дачников устроил <...> карусель и гимнастику⁶».

Дальнейшему развитию гимнастики в Саратове способствовало создание нового спортивного общества – «Сокол». 25 февраля 1913 года шесть учредителей подали прошение о его регистрации, а 5 марта оно было уже зарегистрировано и начало свою деятельность под председательством коллежского асессора В. П. Минкевича. Действи-

Знамя Саратовского спортивного общества «Сокол». 1914 г.
Государственный архив Саратовской области

⁵ Она была создана в Швеции П. Х. Лингом в 1813 году. Основная цель шведской гимнастики – укреплять здоровье молодых людей, гармонически развивать их тело, готовить к военной службе.

⁶ Т. е. установил гимнастические снаряды.

тельные члены общества, участвовавшие в соревнованиях, платили шесть рублей в год, члены-посетители, занимающиеся в обществе гимнастикой, – один рубль в месяц. Штаб-квартира общества «Сокол» располагалась по адресу: улица Вольская, 27. По данным журнала «Вестник русского «сокольства» на январь 1914 года, в состав Союза русского «сокольства» оно не входило.

Общество культивировало «сокольскую» гимнастику и регулярно устраивало «сокольские» игры. В 1913 году газета «Саратовская копейка» писала: *«Учениками частной гимназии Добровольского⁷ были организованы под руководством сокола-чеха г. Гошека «сокольские» игры. Учащимися красиво и уверенно были проделаны гимнастические упражнения. Присутствовало много публики.»*

Однако «сокольство» не было нацелено на достижение серьёзных спортивных результатов, а больше увлекалось показом гимнастических упражнений. Это ярко отражает репортаж о благотворительном вечере в пользу «недостаточных» учеников мужской гимназии А. М. Добровольского, состоявшемся 30 декабря 1913 года в залах Коммерческого собрания. На этом вечере группа дам исполнила под рояль вольные упражнения и упражнения с булавами, которые *«имели полугимнастический, полупластический характер...»*

Осенью 1914 года на ипподроме в рамках благотворительной акции в пользу раненых состоялись показательные выступления местных гимнастов: Кульнева, Шевелева, Августыньяка, Бухгольца и др. Они *«исполнили упражнения на турнике и параллельных брусьях. Особенно хорошо и стильно работал Кульнев.»*

«Сокольской» и шведской гимнастикой занимались члены «Общества бой-скаутов», созданного в 1-й Саратовской мужской гимназии (1915); «сокольскую» гимнастику культивировали и в обществе «Цикл» (или «Стэнд») Саратовского отдела «Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты» (1915). А вот попытки распространения «сокольского» движения на территории Саратовской губернии поддержки у властей не получили. Во всяком случае, в ответ на просьбу бухгалтеров С. М. Бушина и П. Ф. Шашнина в 1911 году о регистрации спортивного кружка «Сокол» в Царицыне Саратовское губернское по делам об обществах присутствие ответило отказом.

Таким образом, до 1917 года гимнастика в дореволюционном Саратове получила некоторое развитие, но её общее состояние находилось на низком уровне.

⁷ Имеется в виду Саратовская полноправная мужская гимназия А. М. Добровольского (ныне в её помещении находится Саратовский областной педагогический колледж, ул. им. А. Н. Радищева, 20).

Сергей
ФОЛИМОНОВ

Впечатления о «Впечатлениях»

*Видеть, чувствовать, выражать —
в этом всё искусство.*

Братья Гонкур. «Дневник»

В 2014 году в Саратове вышел второй номер литературного альманаха «Впечатления». Это уже само по себе свидетельствует о том, что идея основателя и редактора издания Виктора Бирюлина заинтересовала саратовских литераторов. Об этом же говорят и имена, вошедшие в книгу: Иван Шульпин, Яша Удин, Николай Болкунов, Иван Васильцов и другие.

Решив собрать под одной обложкой впечатления пишущих саратовцев о жизни, Виктор Бирюлин, конечно же, понимал, что открывает перед авторами безграничные возможности, позволяет им жить в слове вне каких-либо рамок, форматов и вместе с тем поднимает планку художественности так высоко, как того, собственно, художественность и требует. Всё здесь знак, всё — мера. Выбор темы, характер осмысления факта, стилевые и жанровые предпочтения — знак. Качество, глубина создаваемых образов, одухотворённость и искренность — мера.

На мой взгляд, Виктор Бирюлин со сложной редакторской задачей справился: из разнообразнейшего литературного материала сумел соткать живую, дышащую, пульсирующую ткань.

Как правило, любой альманах — это «собрание пёстрых глав», идея, его объединяющая, — формальный принцип. Здесь иное. Здесь нельзя было допустить подобного «формализма». Идея *впечатления* требовала полнота цельного, не рассыпающегося на фрагменты. Читатель не должен был ощутить какофонии — только гармоничный вселенский оркестр, где каждый инструмент на положении ему месте.

Основной тон в альманахе задают прозаики, что и понятно. Времена сейчас непозитивные, суетность современного человека оставляет ему не слишком много времени для лирических и философских медитаций, поэтому прозаическому тексту проще найти путь к сердцу читателя.

Авторами заявлены разные жанры: рассказ, эссе, очерк и даже многообещающие «затравки». Однако большинство из них можно отнести к тому роду художественных миниатюр, которые А.И. Солженицын точно и бережно назвал «крохотками».

Главный тематический стержень прозаического текста — прошлое, что очень характерно для современной русской провинциальной прозы. А самый мощный источник вдохновения — детство. Чаще деревенское. С полным погружением в природную стихию, без романтических затей, развёрнутых пейзажей с глубоким философским подтекстом, зато с удивительным умением видеть, подмечать, выхватывать детали, чья художественная сила доступна лишь глазу ребёнка и художника: вишнёвый клей — у Ивана Шульпина, огромный арбуз, распластанный отцом на обеденном столе, и пораненная виноградная лоза — у Яши Удина, матерый задумчивый дуб — у Николая Болкунова, и другие.

Творчество многих из представленных в альманахе писателей, безусловно, достойно отдельного разговора, но это невозможно сделать в рамках одной статьи. Поэтому позволю себе остановиться на самом ярком и самобытном. На двух именах. На двух совершенно непохожих друг на друга и в то же самое время удивительно родственных художественных мирах. Первый принадлежит Ивану Шульпину. По-чеховски строгому и лаконичному. Умеющему отсечь ненужную словесную шелуху и заставить читателя видеть главный образ. Сквозь каждую строчку. Сквозь каждое движение. Такое под силу лишь настоящему мастеру. Ни для кого не секрет: чтобы персонаж оставался «живым», им нельзя управлять. Приходится выключить внутреннего цензора, дать потоку творческого сознания изливаться

ся свободно. С другой стороны, бог знает, куда заведёт нас этот самый неоскудевающий поток, какое «варево» в результате получится. Приходится искать золотое сечение, тот путь, когда найденное слово становится единственно возможным, потрясающим до глубины, оставляет зарубку в капризной эмоциональной памяти.

Показателен в этом плане рассказ «Кеша» — о ручной серой вороне, которую «шаромыжники» приучили пить вино и тем самым обрекли на одиночество и гибель. Параллели автора понятны и не требуют разъяснений: в печальной судьбе Кеша недвусмысленно отражена типичная судьба человека. Впечатляет иное — то, как выстроен образ, как писатель в рамках коротенького рассказа сумел показать процесс деградации героя, т. е. реализовал важнейший принцип движения, трансформации, сохраняя при этом интригу до самого финала. Удачной композиционной скрепой в рассказе стало обыгрывание красного цвета и его оттенков. *Вымазанная чем-то красным грудь птицы воспринимается как роковая метка, пылающее клеймо; затем этот цвет неизменно возвращается, связанный с деталями-знаками: поплавки с красными верхушками (птица поймана на незримый крючок), красные нитки, выдёргиваемые из варежки, краснуха на снегу.* Кроме идейно-символического цвет имеет и чисто эстетическое значение. Яркие красные пятна на белом создают выразительный зрительный эффект. Объективности ради следует заметить, что с точки зрения науки различие воронами конкретных цветов и оттенков — не бесспорный факт. Однако поэтическую вольность ещё никто не отменял, да и художественная правда всегда дороже.

Ещё один рассказ Шульпина, мимо которого едва ли пройдёт вдумчивый читатель, — «Мотыка и соловей». Перед нами разворачивается своеобразно преломлённый конфликт Моцарта и Сальери, вылившийся в подлинную трагедию. Способность свободно и ярко выражать переживаемое и пережитое — великий дар. Прикосновение к нему возвышает и очищает. Но в тёмном, грубом сердце он не способен вызвать всеисцеляющей любви. Мотыка с ожесточением *выкручивает баян, выжимает его, ломает через колено.* Страдальческая гримаса героя, глупая улыбка, чувство, похожее на обиду, — точные психологические штрихи, довершающие портрет. Вообще, психологическая точность образа и всех деталей — главный инструмент, которым чеканился текст. Особое внимание хочется обратить на короткие, но очень ёмкие пейзажные зарисовки. Вот одна из них: *«За рекой, над черёмухой,*

всплывала ещё не округлившаяся луна. В её свете голубовато поблёскивали плоские листья осины в углу палисадника и совсем синими казались пучки бутонов на молодой яблоньке. Какое чувство цвета и объёма! Всего-то три строчки — и целая картина. Однако пейзажные зарисовки не только воссоздают место действия, они выстраивают сквозную антитезу: вечная гармония природы, храма любви и творчества — замкнутый в себе самом эгоизм, мертвящий, беспощадный. Мотыка безнадежно слеп, и царящая вокруг красота ему не доступна.

Второй художественный мир создан фантазией Яши Удина. Сказать, что Яша Геранович пришёл в литературу со своей темой, было бы неточно. Эта тема выбрала его, сделала летописцем целого народа, стала писательской судьбой. Важной стилевой чертой Удина является тщательное моделирование повествовательного пространства. Пустот и «заставок», каких бы то ни было условностей мы у него не найдём. Каждая деталь быта, каждая черта национального уклада находит своё место, складываясь в художественное целое. В теме детства доминируют образы дома, домашнего очага, семьи, отца и матери. Особенно значимо отцовское начало. Сама осознанная детская жизнь автобиографического героя начинается с того момента, как заболел отец. Образ отца — сквозной почти во всех миниатюрах, вошедших в цикл «Хорошие времена». Он явно и неявно присутствует в сознании мальчика, выручает и поддерживает. Он — точка опоры, дающая силу и уверенность в себе.

Кульминацией в развитии образа отца можно считать рассказ «Сон». Остро переживаемое детское горе мальчика, вновь и вновь теряющего отца посреди бескрайнего пшеничного поля, в гуще многоголовой, буйно цветущей жизни, ещё за минуту до того казавшейся сказочной и совсем ручной, передано очень точно: *«Папа!» — испуганно вскрикиваю я, но голос мой вязнет в звоне кузнечиков, в кипении марева, в шелесте уплывающих облаков. И я с ужасом вижу вдруг, что отец мой сидит на мягком белом облаке, которое уже далеко-далеко, на краю неба. Я снова зову отца, машу руками, плачу, размазывая слёзы по лицу, а отец верхом на облаке всё удаляется и удаляется. «Папа!.. Па-а-па-а!.. — кричу в отчаянии. — Ну, па-а-па-а-а!..»* Нет здесь той элинджеровской пропасти рядом с ржаным полем, где играют ничего не подозревающие о смертельной опасности дети, но есть вдруг охватившее маленькую душу одиночество, оттого что некому беречь её покой, некому привязать к штурвалу убе-

гающие тени. Как удаётся писателю быть таким пронзительно искренним? В этом, думаю, и заключена притягательная тайна его творчества.

Миру отца противостоит мир женский, одухотворённый, повседневный, домашний, пропахший забродившим тестом, теплом жестяной печки, прикосновением нежной шершавости крепдешина. Мама, бабушки, тётя... Их образы нарисованы кистью скупой, но точной. Примечательно, что мальчик не ощущает себя частью женского мира (хотя такое восприятие характерно для ребёнка до определённого возраста). Во всех эпизодах мы видим взгляд извне, оценивающий, аналитический. С одной стороны, это объясняется принятием на себя в раннем возрасте некоторых функций главы семейства, чувством ответственности не только за себя; с другой – особенностями национальной психологии, менталитета, сохраняющих в неприкосновенности традиции патриархальности. И всё-таки сквозь все напластования прорывается признание: внешне незамысловатый мир мамы счастьем пахнет.

В чём же родство, кровная близость этих двух очень разных писателей? В их лучезарности. Именно она вызывает у читателя желание жить и верить в жизнь.

***

Особую культурную и духовную значимость придают альманаху страницы, посвящённые творческому наследию ушедших поэтов и писателей. В самом начале дана подборка стихов талантливого саратовского лирика Игоря Алексеева «Мы уже никогда не умрём». Главный нерв представленного лирического текста – пронзительность. Такое качество невозможно себе представить без абсолютной искренности, когда все покровы сорваны, когда нет кожи, когда боль становится мерилом и смыслом сущего, единственной формой существования. Лирический герой и автор во многом сливаются в читательском восприятии благодаря вступительному слову Андрея Руфанова, близкого друга Алексеева.

Во всех представленных стихах Игоря Алексеева ярко, образно и живо проступает Саратов – «город ветхих надежд». Трогательно и свежо звучит «медицинская» метафора: «Главный врач средневолжских широт вновь меняет зелёнку на йод», вводя первый штрих к портрету лирического героя, живущего неспешной жизнью провинциального города, с его узнаваемыми персонажами, ситуациями и приметами.

Игорь Алексеев – талантливый художник, искусно работающий со словом. Его глубоко философские образы слагаются

из мельчайших частиц обыденного, бытие вдруг неведомо откуда вырастает из стёртого, привычного взгляду быта. Стилистической приметой поэзии Игоря Алексеева можно считать повторы – анафорические, эпифорические, а также композиционное кольцо, являющееся, к примеру, прекрасным решением художественной задачи в стихотворении «Воспалённые слёзы утешь»:

*...А на небе один самолёт.
А на небе другой самолёт.
Ты случайную кофту надень.
Засвищи посреди тишины.
Будто нету убитых людей.
Будто нету гражданской войны.
Кошка глупая кресло соглотит.
Мимо сонная муха ползёт.
А одни самолёт долетит.
А другой самолёт упадёт.*

Ставшие классическим композиционным приёмом троекратные повторы с небольшими вариациями строк, завершающие развитие лирического микроэпизода, звучат под его пером оригинально, навевая на читателя воспоминания о детстве. Наконец, в стихах-завещаниях повторы создают неповторимую ритмику заклинания, некоей мантры, пролагающей путь в непостижимое небытие.

*Выбери, выбери чистое, чистое поле.
Выведай, выведай числа оставшихся
дней...
Выкраси в чёрное белую,
белую пряжу...
Выдели, выдели самую главную книгу.
И дочитай, дочитай до конца,
до конца...*

Широко используются поэтом потенциалы звуковой гармонии. Например, глагольные рифмы, воспринимаемые как нечто избитое, несложное, малооригинальное, позволяют автору создать эффект неожиданности проявления великого в малом, непостижимого в заурядном. Поэт не боится рифм неточных, имитируя средствами стихотворной речи речь разговорную. Параллельно с этим он демонстрирует высокую требовательность в отборе рифмуемых слов.

Стихотворения, включённые в подборку, можно назвать диалогом жизни со смертью, а медиатором диалога выступают и лирический герой, и сам поэт.

***

Пожалуй, идея впечатлений не была бы реализована в полной мере, не ворвься в слаженный оркестр полутонов и оттен-

ков милого сердцу прошлого поэт Светлана Кекова. Разрывая границы времён, прямо с газетных страниц, с накалившегося от информационных битв телеэкрана она заставляет читателя шагнуть в ту поэтическую реальность, которой не суждено кануть в Лету. Как это можно было сделать, не сфальшивив, не слукавив, не плав в искус сочинительского ремесла? Наверное, единственный путь – писать, поужожа руку на книгу откровений Иоанна Богослова. Ведь солгать здесь нельзя не только словом, но даже и тайным движением души. Внимая стихам Светланы Кековой, понимаешь, что поэтическое слово в России живо, оно способно пробуждать сердца, его миссия не закончилась с наступлением эпохи всё омертвляющего расчёта, хотя мысль об этом не одно десятилетие пытаются нам внушить новоявленные культурные лидеры.

Поэтика цикла «И истоптаны ягоды в точиле за городом» богата художественными находками, выразительными деталями. Ритм поэтической речи под стать нашему смутному, запутавшемуся, изолгавшемуся времени. Приём культурно-исторических аналогий, положенный в основу лирического сюжета, давно известен в литературе и не раз давал прекрасные художественные плоды, при условии, что автору удавалось наполнить древнюю, замысловатую мудрость живительным соком пульсирующего мгновения. Думаю, что удалось это и Светлане Кековой.

В её стихотворном цикле реалии библейского и мифического прошлого тесно переплетены с настоящим. Образ торжествующего над миром золотого тельца, оттиснутая на теле Европы злоежащая печать безжалостного Рима, города кровавой славы, где нет места душе, взыскающей духовного просветления, гармонии, любви, прорывают сквозь тонкое сти-

хотворное кружево. В яркой метафорической вязи слышится то эпический голос Ярославны, плачущей на стене в Путивле, то суровый, словно спрессованный из тысяч и тысяч горьких судеб ахматовский стих военной поры.

Цикл очень точно выстроен в интонационном плане. Постоянное чередование контрастов, смелое соединение разновременных пластов, неожиданное сочетание острого драматизма с беззащитным лиризмом – всё это заставляет сопереживать, не позволяет выключиться, отстраниться от страшного действия, чей лик встаёт не только из-за спины ангела, кричащего в огромный рупор обезумевшей толпе, но и из-за мирных, казалось бы, цветущих киевских каштанов, из-за картинки обманчиво мирного неба со стрижами.

Однако, несмотря на обилие апокалиптических метафор, образов горя, смерти, слово Светланы Кековой призвано рождать не ужас безысходности и скорби, а торжество Света над Тьмой. «Но ангел просиял своим нездешним ликом, чтоб мы сквозь дым и гарь узрели знак Креста», – закончит она одно из самых трагичных своих стихотворений – «И крики, и мольбы...» И, как это уже не раз случалось в русской литературе, подарит своим читателям надежду на спасение:

*Но вдруг их невидящим взглядам
иной открывается вид:
с какою-то женщиной рядом
какой-то Прохожий стоит...*

В заключение хотелось бы пожелать литературному альманаху «Впечатления» долгой творческой жизни, ярких, даровитых авторов и вдумчивых, способных чувствовать и сопереживать художественному слову читателей.

Елизавета
МАРТЫНОВА

Воля к жизни

РОДИНЕ. Саратовские писатели-фронтовики о войне.
Выпуск второй/Составитель С. Б. Дурнова.
Вступительная статья — проф. А. И. Ванюков. —
Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2015. — 172 с.

Сборник вышел к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и стал продолжением одноимённого саратовского сборника 1943 года. В книге представлены произведения саратовских писателей-фронтовиков, для творчества которых военная тема является одной из главных. Авторы сборника — Борис Озёрный, Дмитрий Гребенщиков, Вадим Земной, Георгий Соловьёв, Исай Тобольский, Григорий Боровиков, Лев Прозоровский, Александр Вольф, Виктор Тимохин, Михаил Поликарпов, Николай Палькин, Юлий Чепурин.

По сравнению с предыдущим выпуском состав авторов иной. Опубликовано в этой книге то, что уже отобрано временем — лучшие творения саратовских писателей-фронтовиков. Профессор А. И. Ванюков, автор развёрнутого предисловия к сборнику, так сказал о цели его выхода: «... теперь к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне современному читателю, особенно подрастающему поколению, необходимо дать возможность исторического обзора лучших творческих достижений саратовских писателей-фронтовиков, представить своеобразную антологию их художественных произведений о войне».

Действительно, издание представляет собой антологию, собрание не только лучших, но и характерных, тематически взаимосвязанных произведений авторов, во-первых, одного поколения, во-вторых, живших в одном городе. Хорошо, что перед каждой подборкой отражено творческое кредо писателя — цитата из его произведения. Многожанровость сборника (стихи, проза, драма) позволяет показать картину Великой Отечественной войны с наибольшей полнотой.

Издание, обладающее такой целостностью, правильнее было бы назвать книгой — с единым внутренним содержанием

и стержнем, общим пафосом, даже с похожими интонациями, особенно в лирике. И в этом большая заслуга редактора и составителя — Светланы Борисовны Дурновой, подошедшей к его созданию не только профессионально, но и с литературной чуткостью отбора — и лучшего, и характерного для авторов этой книги. Таким способом создаётся не только образ эпохи, картина военного времени, но и портрет поколения. Поколения, беззаветно верящего в свою правоту, мужественного, героического, наделённого романтическими устремлениями.

В книге представлены не просто документальные свидетельства (хотя многим прозаическим произведениям присуща очерковость, неизбежная при передаче недавно произошедших событий, ведь написано всё это было или во время войны, или сразу после неё) — важно, что перед нами талантливые, профессионально написанные стихи и проза. Только жизненный, фронтовой опыт не дал бы возможности так написать о войне, нужны ещё и литературный дар, и литературный труд. Пишу это на тот случай, если составителя будут «обвинять» в том, что в издание вошли «не все» произведения «не всех» фронтовиков. Это и невозможно, потому что уровень «всего» написанного о войне очень и очень разный. По крайней мере, отобранный материал легко воспринимается читателем, и выдержана высокая планка профессионализма. Поэтому издание вполне можно рекомендовать для внеклассного чтения, для уроков литературного краеведения, ведь все произведения будут понятны и интересны и школьникам тоже. Никакого другого «специального» патриотического воспитания при помощи общих и громких фраз не потребуется, потому что у писателей-фронтовиков — патриотизм не формальный, а живой, искренний, облечённый в художественную форму.

Было бы замечательно, если бы книга «Родине» была бы распространена по школам города хотя бы в количестве 500 экземпляров (таков указанный на служебной странице тираж). Но думается, здесь не обойтись только одной инициативой составителя, должны участвовать и сами школы, и министерство образования, и библиотеки, и СМИ. А то получается, что в Год литературы, чтобы её, литературу, хоть как-то «приблизить» к читателю, проявляют инициативу и энтузиазм только отдельные люди. Это не совсем правильно. И не так эффективно, как хотелось бы.

Теперь — о литературной части книги. Прекрасную её характеристику с подробным анализом опубликованных произведений дал во вступительной статье А.И. Ванюков. Но, думаю, не лишними будут и мои читательские впечатления.

Лирика, напечатанная в сборнике (поэтические произведения Бориса Озёрного, Вадима Земного, Исяя Тобольского, Льва Прозоровского, Виктора Тимохина, Николая Палькина), на первый взгляд, обманчиво-проста и не может поразить «литературных гурманов» какими-то сверхоригинальными поэтическими находками, изяществом и разнообразием технических приёмов. Но за этой прозрачностью стоит главное — понимание жизненной Правды.

«Чаще всего, когда писателю нечего сказать людям, он прячется за вычурностью и цветастостью стиля, нарочитого поиска в области формы, языка, исполнения и прочего оригинальничания (...) Можно обвести вокруг пальца человеческий разум, но сердце человеческое обмануть сложнее, наша интуиция, наше чувство не подводят нас (...) Вся цветастость идёт обычно из головы, а я стараюсь писать сердцем, — говорит поэт Александр Соколов в своей книге «Стихи, написанные ночью». — А всё, что идёт от сердца, всегда просто. Разве великое горе, великая боль или великое счастье говорят вычурным или цветастым языком?»

В стихах «военных» поэтов — именно «великое горе, великая боль и великое счастье». Они писали сердцем, так, как говорили и мыслили: на пределе, в пограничной — между жизнью и смертью — ситуации. И удивительно — и в то же время естественно — что главным в их стихах становятся воля к жизни, восхищение жизнью. Ведь рядом со смертью любое проявление жизни обретает особую ценность.

И ещё. Для нас эти стихи звучат как голос из прошлого, как голос памяти, как завет.

*Я иногда глаза закрою
И вижу прошлое ясней:
За мир шли молча в бой герои,*

*С презреньем к тысяче смертей.
Так пусть, листая наши годы,
Потомок выпишет резцом
Глухие ночи непогоды,
Снег вперемежку со свинцом.
Пусть этот памятник, сверкая,
Сердечной горестью храним,
Стоит, бои напоминая,
Как назидание живым.*

(Борис Озёрный,
поэма «Бессмертие»)

Как завет потомкам звучит и отточенно-хрестоматийное стихотворение Льва Прозоровского (в нашем журнале оно уже было процитировано в статье С.Б. Дурновой, посвящённой этому автору, но всё же оно будет уместно и здесь):

*Когда окончится война
И в руки плуг возьмёт пехота,
Я привезу тебя сюда,
В просторы эти и болота.*

*Как гостьюжданную — домой,
Введу тебя в мою землянку,
Я дам зажечь тебе самой
Коптилку из консервной банки.*

*При свете меркнушем её
Увидишь ты во всём убранстве
Моё походное жильё,
Одно из мест военных странствий,*

*Рубцы осколков на бревне,
Печурку в копоти и дыме,
И над печуркой на стене
Твоё совсем простое имя.*

*Не загремит орудий гром,
Не оживут немые дзоты,
И в круглой роце за бугром
Не станут квакать миномёты.*

*Тем ярче в этой тишине
В сознании воскреснут были,
Как мы когда-то на войне
И умирали, и любили.*

Война и мир зеркально отражаются друг в друге. Виктор Тимохин писал о мире — мирном времени, достигнутом войной:

*Нам хотелось вдалеке от дома
В памяти надолго уберечь
Ширь степную, огонёк знакомый
И лесов и рек родную речь.
Звонкий лепет детворы счастливой...
Боль разлуки, ожиданье встреч...
Соловьёной песни переливы...
Всё это для нас — родная речь.
И во имя этого, родного,
Поднимались воины с земли,*

*Вновь шагали фронтовой дорогой,
Вновь в атаку по сигналу шли.*

(«Родная речь»)

Мир, обычная человеческая жизнь – мерило и цель героев этой книги. И пишут они о войне так, чтобы у читателя возникли воля и любовь к обычной, мирной жизни, желание её защищать и оберегать: своих родителей, друзей, детей, любимую. Вот рассказ Михаила Поликарпова «Пятидесятый из отряда», жуткий и честный. В жизни у Виктора, пожертвовавшего собой, ничего и нет, кроме любящих его родителей и девушки Наташи, написавшей ему письмо. И при этом о любви говорится «не в лоб», не прямолинейно, а тонко и тактично, и рукавицы, подаренные Наташей, становятся для Виктора вещественным символом его земной жизни. А остальное – подвиг и бес-смертие.

Необычностью стиля, настроенностью на «сказовый» лад отличаются рассказы Георгия Соловьёва «Поединок», «Кок Федя». Пожалуй, ни у одного из прозаиков в этой книге нет такого глубокого психологизма, проникновения в душу героя и одновременно – естественности речи, приземлённо-беспарфюжного повествования: «Да, он человек военный, втянувшийся в службу. Мысль, что он весь принадлежит стране, что он человек, цель жизни которого – бой, а быть может, и смерть в бою, давно для него стала привычной. Он думал, что в войну он должен будет войти, отбросив всё личное. А вот вышло, что он в боевой жизни оказался самым обыкновенным

человеком. Он тосковал по семье, мечтал о встрече с ней, с большей силой, чем когда-либо, чувствовал нежность к сыну, писал жене письма и просил простить за былые, тогда казавшиеся маленькими, а теперь очень большими, обиды. Втайне он сознавал, что боится гибели. И только большая усталость в походах делала его безразличным к смерти. Он боялся, что не суждено ему будет вернуться в тёплый мир его семьи...»

Главный герой рассказа «Поединок», Виктор Андреевич Ермихин, совершает подвиг – уничтожает вражескую подводную лодку – и продолжает думать о своём: о жене, о сыне, о маленьких человеческих радостях.

А ведь действительно возникает вопрос: как совмещается подвиг с жизнью, с обычной жизнью человека? В рассказе Александра Вольфа «В шестнадцать мальчишеских лет...» есть такой эпизод: школьники, задавшись именно этими вопросами, пишут ветерану Великой Отечественной войны, Валентину Кирилловичу, письмо, в котором есть такие слова: «...могут ли ребята нашего поколения быть духовно зрелыми людьми, познать всю меру гражданской ответственности? А мы? Может ли каждый из нас сказать, что способен на подвиг?» И Валентин Кириллович по своему дневнику восстанавливает прошлое, чтобы снова прийти к десятиклассникам и ответить им.

Есть надежда, что похожие вопросы возникнут и у юных читателей этой книги, ведь для того она и издана.

Сны и сказки Кселены Литвиновой

Литвинова К. Я пришлю тебе солнце. – Саратов: Издательство «Десятая муза», 2015. – 96 с.

«Я пришлю тебе солнце» – второй стихотворный сборник саратовской поэтессы Кселены Литвиновой. Первая её книга вышла в 2014 году в Будапеште на русском и венгерском языках и называлась «Отражение снов». Действительно, почти все стихи Кселены Литвиновой можно назвать «отражениями снов», ведь она пишет не о реальном, а о пригрезившемся, приснившемся мире. Более того, явления реальной жизни, явления природы под её

пером обращаются в иллюзию, в прекрасную грёзу.

Это сознательная творческая установка поэтессы. Она пишет о прекрасном, выбирает из своих «снов» то, что складывается в целостную, гармоничную картину.

*Когда усталый месяц молодой
Уснёт за тучей в полумраке сонном,
Я стану в небе маленькой звездой –
Песчинкой яркой на квадрате тёмном.*

«ДРУГИХ ПИСАТЕЛЕЙ У МЕНЯ ДЛЯ ВАС НЕТ...»

– Вы – не Достоевский <...>
– Ну, почём знать, почём знать...

(Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита»)

*Мы не читали романа,
но Пастернаку нет места в нашей среде...*

(цит. По книге Ирины Емельяновой
«Пастернак и Ивинская»)

В номере № 27 (124) от 7 августа 2015 года саратовской газеты «Глас народа» появилась статья со знаменательным названием «Волгу в XXI веке погубили писатели?» за подписью Елены Столяровой, главного редактора газеты.

Поскольку в статье содержится значительное количество противоречий и несоответствий, подтасовок фактов и просто неприкрытых оскорблений в адрес авторов журнала, я, как главный редактор, обязана ответить на материал, опубликованный в «Гласе народа», указать действительные факты, а также выявить мотивацию – для чего написана эта статья.

Мотивация очень простая.

Е. Столярову раздражает именно внутренняя свобода, искренность и талант авторов, которые не могут «по приказу» и «по госзаказу» написать то, что надо, чтобы «помогать области». Сделать ей это тем легче, что судит она (в отличие от членов редколлегии журнала) с непрофессиональной, «неписательской» точки зрения.

Логика в статье нет никакой («журналу платили бюджетные миллионы» – «журнал перестал существовать» – «журнал погубили писатели»). Непосвящённый человек не поймёт, куда всё делось.

А логика простая: есть средства на журнал – он выходит. А если нет...

Но об этом в статье ничего не сказано.

Зато виновными оказываются писатели, т. е. люди, отвечающие только за творческую часть. Короче говоря, в Год литературы «виновата сама литература, виноваты писатели».

Чтобы доказать их «виновность», Е. Столярова старательно создаёт вокруг журнала некие «мифы», в которых действуют два «монстра»: АСП (Ассоциация Саратовских Писателей) и нынешний главный редактор журнала. Да, ещё к «отрицательным героям» относятся «иногородние» авторы, которых якобы нельзя печатать за счёт бюджета.

Итак, *Миф первый*. Главный редактор, повинный в том, что он состоит в Ассоциации, старательно занимается «вредительством»: выбирает для публикаций, по словам Е. Столяровой, «самое гадостное», а «гадостное» оно потому, что принадлежит авторам, не обладающим «саратовской пропиской».

Для подтверждения того, что в журнале печатается именно «гадостное», приведена якобы «цитата» и обозначено «имя» автора: «Виктор Зазыкин». Этот отрывок я не привожу – читателю можно самому посмотреть и убедиться, что такого бессмысленного набора фраз в журнале просто нет, да и писателя «Зазыкина» тоже нет.

Этот запрещённый приём называется «подтасовкой фактов».

Даже если бы Е. Столярова привела нормальную цитату, вырванную из контекста, по ней одной нельзя было бы судить о журнале в целом.

«Такое и в школьную библиотеку не отдашь, и бабушке в доме престарелых на ночь не прочитаешь», – продолжает Е. Столярова. «Такое» действительно не отдашь, потому что «такого» не существует. Так что пусть Е. Столярова читает старушке в доме престарелых на ночь что-нибудь другое. Например, «Пиковую даму» А. С. Пушкина или «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского... Да что там! Появись сейчас сам Фёдор Михайлович («иногородний», московский, и – «не молодой», что тоже, по мнению Столяровой, является большим «недостатком» для писателя), он будет объявлен автором «самого гадостного», ведь в знаменитом романе есть сцены убийств и самоубийства, главные герои – убийца и продажная женщина...

Миф второй. «Ещё в 2008 году председатель региональной писательской организации Вл. Масян буквально отрёкся от АСП». Владимир Васильевич Масян никогда не входил в Ассоциацию Саратовских Писателей, поэтому и отречься ему не от чего.

Из этой же «сказочки»: «...учредитель – региональная организация Союза писателей России откровенно не хотела конфликта, поскольку связываться с АСП – всё равно что плевать против ветра».

Большинство членов АСП являются одновременно членами региональной организации Союза писателей России и, значит, одновременно и представителями учредителя. Да и фактически вся редколлегия состоит из членов Союза писателей России, можно открыть первую страницу журнала и прочитать список. АСП никогда не противопоставляла себя другим творческим организациям, наоборот, способствовала объединению писателей и изданию их книг.

Миф четвёртый: *«Особое пристрастие к «Волге–XXI век» имела заместитель министра культуры области Наталья Ипатова. При её поддержке и АСП, и журнал буквально процветали в финансовом плане».*

Журнал «Волга–XXI век» не имел и не имеет никакого отношения к министерству культуры. Да и вряд ли можно говорить о «финансовом процветании» журнала, когда средств хватало только на содержание одной штатной единицы (главного редактора) и типографские расходы.

Миф пятый – об истории журнала.

1) *«...журнал... как раз к началу Года литературы практически перестал существовать».* Журнал не перестал существовать ни в бумажном, ни в электронном виде, иначе бы Е. Столярова не смогла в своей статье писать о 5–6 номере 2015 года, выпущенном в июне.

2) *«...первым редактором журнала стал саратовский писатель Николай Шундик...»* Николай Шундик не был саратовским писателем, он приехал из другого города, назначенный на должность главного редактора журнала «Волга». К «Волге–XXI век» Николай Шундик никакого отношения не имеет.

3) *«Потом снова переворот: журнал вновь принялась делать свободлюбивая «боровиковская» команда».* В 2007 году тендер выиграла не «боровиковская» команда, а Сергей Гришин, издатель журнала.

4) *«Как рейдерский захват» охарактеризовал смену власти в журнале «Волга–XXI век» поэт и критик Дмитрий Кузьмин...»* Подождите, ведь чуть выше написано: *«...был объявлен конкурс на издание, его выиграло подведомственное мининформу предприятие «Саратов-Медиа».* Так что Е. Столярова противоречит сама себе: проведение конкурса и «рейдерский захват» – вообще-то вещи разные. А почему «авторитетом» для Столяровой выступает либерал Дмитрий Кузьмин, отношение к которому в литературном мире ещё более «неоднозначное», чем к АСП, остаётся загадкой.

5) *«В 2013 году гонорары авторам не выплачивались, в счёт их выдавались экземпляры журнала...»* В 2013 году перестали выплачивать не гонорары – прекратилась оплата редакторского труда внештатных сотрудников журнала, т. к. Е. Столярова (тогдашний издатель) отказалась подписывать с ними договоры.

6) *«А до этого (до того, как перестали выплачивать гонорары) авторы откровенно графоманских трудов получали за них ещё и деньги».*

Писательство – такая же работа, как и всякая другая, и также требует оплаты. Ну а что касается «графоманских трудов»... Получается, что Е. Столярова откровенно оскорбила всех, опубликованных в журнале (и членов местной писательской организации в том числе). Между тем, в журнале печатаются лучшие авторы современной России, художественный уровень журнала поддерживается профессионализмом членов редакционной коллегии, в которую входят и представители СП России (их большинство), и представители других творческих союзов. Кстати, соавтор статьи Е. Сто-

ляровой, И. Пырков тоже неоднократно публиковался в журнале, соответственно, тоже мог бы считать себя одним из тех самых «графоманов».

Показательно, что ни одной фамилии ни одного автора (кроме несуществующего «Зазыкина») Е. Столярова в статье не приводит. Соответственно, журнал она не читала. Иначе бы знала, что в журнале публиковались произведения Евгения Носова, его же переписка с писателем Виктором Политовым, переписка Виктора Астафьева, произведения известного русского философа Владимира Кантора, стихи известных современных поэтов Дианы Кан, Евгения Семичева, Владимира Скифа, Игоря Тюленева, Татьяны Брыксиной, Анатолия Аврутина, Валерия Дударева – авторов, печатающихся по всей России. Знала бы, что регулярно в журнале появляются новые имена, в каждом номере ведётся точно такая же «дебютная» рубрика, как и в 2004–2006 годах, когда редактором был Н. Болкунов. Перечисляю эти новые – и именно саратовские – имена: Анна Илюнчева, Оксана Мухина, Наталья Крякина, Анастасия Ястребкова, Александр Зрячкин, Евгений Мельников, Елена Литвинова, Гульсара Туктарова, Ирина Татарова, Алексей Никитин и др. Редакция журнала регулярно участвует в проведении молодёжных областных литературных конкурсов, поэтому прекрасно осведомлена, какие «новые яркие имена» каждый год появляются в области.

Миф шестой – о «недоступности»: *«...пробиться в журнал саратовскому писателю было делом чрезвычайной трудности».*

Саратовские писатели являются постоянными авторами журнала «Волга–XXI век», это Михаил Муллин, Владимир Вардугин, Валерий Кремер, Светлана Панкратова, Олег Молотков, Виктор Политов, Алексей Бусс, Иван Шульпин, Виктор Бирюлин, Иван Печавин, Нелли Кременская, Виктор Шептицкий, Галина Рогожина и многие другие. Покажите мне список местной писательской организации – могу «галочки» поставить напротив фамилий тех авторов, которые постоянно и активно пишут и приносят материалы для публикации, а если кто-то просто не пишет и не приносит рукописи, силком заставить их это сделать я не могу. «Других писателей у меня для Вас нет», – как сказал когда-то И. В. Сталин.

«Зато вполне доставало места прозаикам и поэтам, к нашему региону и нашему бюджету отношения не имеющим».

Места доставало всем хорошим писателям – и саратовским, и не саратовским – талант не зависит от прописки. Писатель «имеет отношение» не к региону или бюджету – а к читателю, и познакомиться последнего с творчеством лучших современных авторов России являлось и является главной задачей редакции. В современной России вы не найдёте такого «толстого» литературного журнала, который публиковал бы только авторов из своего региона. Кроме того, сделать журнал только на базе местной литературы невозможно – не хватит материала для публикаций.

Рассказав шесть мифов, Е. Столярова неожиданно переходит к почти басенным нравоучениям: *«Думается, учредителям, и именно*

в Год литературы, стоит набраться мужества (!!! – Е. Д.) и провести ещё одну революцию в журнале...»

Революция – дело нехитрое. Ломать – не строить. Гораздо сложнее нормально и спокойно работать, безо всяких конфликтов, сторонником и участником которых я не являюсь.

Поскольку мифология статьи маловероятна, Е. Столяровой понадобился ещё «комментарий писателя». Что ж, «прокомментируем» и его.

Писатель И. Пырков призывает литераторов *«прекратить конфликты, деление на группы и междусобойчики, междоусобицы. Хватит склок и навешивания ярлыков!»* Согласна. Но чем является статья Е. Столяровой, как не продолжением ненужного конфликта и навешиванием ярлыков?

«Журналу необходимо издание, опирающееся на силы города и области, издание, создающее литературную атмосферу, открывающее молодым имена, активно задействующее интернет-сферу, читаемое молодёжью, как это происходит в Пензе, Ульяновске, Волгограде...» Так журнал на них и «опирается». Именно на эти силы. Только вот на Вас, Иван Владимирович (а ведь Вы до сих пор – член редколлегии журнала), «опереться» ну никак не может: на письма не отвечаете, «новых ярких имён» не предлагаете... По-видимому, Ваше любимое занятие – наблюдать со стороны, как главные редакторы журнала *«погибают, бросившись с открытым забралом на врага»* (цитирую Вас), а Вы в это время будете учить читателей «Гласа народа» *«набивать перцы мясом»* (см. Вашу статью в этом же номере).

Ну что ж, каждому своё... Можно было бы тратить всё время на бесконечную газетную полемику, отстаивать свои идейные позиции, доказывать, что авторы, печатающиеся в журнале, действительно профессионалы (хотя бы потому, что их и другие российские толстые журналы печатают), но... сам журнал-то когда делать? Это ведь работа ежедневная и ежечасная.

А чтобы прозвучал не только мой «ответный голос», я выбрала из присланных в редакцию писем часть читательских, пришедших в журнал в разные годы. Важно, что написаны они библиотекарями, учителями, художниками, писателями, студентами – это действительно «глас народа», и свидетельствует он о необходимости существования журнала и постоянного его выхода в свет. И ещё эти отклики говорят о том, что журнал читают и интересуются современной периодической литературой.

Постараемся по мере возможности вести эту рубрику и в следующих номерах.

Елизавета Данилова

Елизавета, добрый день!

От Нины Шаталиной слышала о тех трудностях, которые переживает журнал, и, конечно, огорчилась. В кои-то веки у нас появилось свежее, незашоренное издание, с интересными авторами, со своим взглядом!.. Впрочем, наверное, тут всё как у людей: умному, талантливому человеку, не идущему на компромиссы и не подыгрывающему «линии партии», в жизни всегда труднее. От всей души желаю Вам преодолеть эти трудности и не сдаваться!

*С уважением,
Татьяна Кузнецова*

Уважаемая Елизавета Сергеевна, спасибо за журнал. При Вашем руководстве он опять приобрёл своё лицо. Много интересного и захватывающего, читается на одном дыхании. Стихи Татьяны Брыксиной читала в журнале «Наш современник» («Я слезами цветы поливала»). Очень тронула её повесть «Трава под снегом», опубликованная в вашем журнале. Всё хорошо, только жаль, что журнал дорожает – это создаёт трудности с подпиской.

*С уважением,
Зинаида Аркадьевна*

Елизавета, здравствуйте!

...Рассказы Меренченко мне тоже понравились, особенно в журнале, я так поняла, что в сборнике опубликованы более ранние вещи. То есть – мастерство растёт (...) Ещё в журнале мне понравилась работа Ивана Васильцова, он просит, чтобы люди откликались. Я откликаюсь... вещь потрясающая, особенно для нас, коренных жителей Саратова. Моё детство прошло на Зелёном, дед – не родной мне, росла у них с бабушкой – сторожил там огороды. И написано очень и очень здорово (...) Теперь думаю, что достаточно будет, если Вы передадите благодарность читателей, когда он свяжется с вами или с кем-то из редакции.

*С уважением,
Панкратова*

Мне очень понравилось читать журнал, особенно повесть Алексея Солодова «Квартирант» меня тронула. Очень интересно читать саратовских писателей, знакомиться с их творчеством.

*А. Шаранеева,
студентка*

Елизавета, здравствуй!

Спасибо тебе за журнал. Номера потрясающе выглядят, качество печати отличное. Ты молодец, что так подняла журнал. Сейчас жёсткие времена, и он должен быть на высшем уровне. Вчера только почтальон принёс, буду теперь читать (...)

Виталий Ковалёв

Уважаемая редакция, здравствуйте!

Я – Людмила Борисовна Панкова, работаю в Центральной городской библиотеке города Саратова. Давно и с удовольствием читаю Ваш журнал, искренне считаю его журналом, который интересен всем – независимо от возраста и уровня образования.

Уважаемая Елизавета!

С большим интересом ознакомилась с новым выпуском Вашего журнала. Рада его второму рождению. Желаю ему процветания, больших и востребованных тиражей, хороших читателей и талантливых авторов. Очень люблю Волгу, пишу о ней, поэтому Ваш журнал дорог мне вдвойне.

*С уважением,
Галина Елисеева*

«Администрация и профсоюзный комитет коммунального заведения «Лисичанская централизованная библиотечная система» выражает благодарность Союзу писателей России (Саратовскому отделению), газете «Саратовские вестн», телерадиокомпании «Саратов» за проявленную инициативу в объединении славянских народов России и Украины. Отдельная благодарность всем писателям, передавшим свои произведения для наших читателей, а также главному редактору журнала «Волга–XXI век» Елизавете Даниловой и члену Союза журналистов России Нине Шаталиной, передавшей этот бесценный дар читателям нашего города.

*Директор КЗ «Лисичанская ЦБС»
Н. А. Радюшина;
Заведующая отделом библиотечного маркетинга
и менеджмента Т. А. Фролова»*

Из анкет для библиотек города Саратова и Саратовской области:

«Журнал интересен тем, что в нём можно познакомиться с современным творчеством наших соотечественников. Именно поэтому он необходим. У нас в библиотеке имеются пока всего два номера вашего журнала. Так вот эти два номера пригодились для исследований нашего литературного кружка. По этим номерам библиотекари и читателя знакомятся с творчеством современников, так как фонд краеведческой литературы очень слабый, и эти два номера дали хоть малейшую возможность изучить творчество наших литераторов.

Поэтому регулярное поступление журналов в библиотеки даст возможность подготовить новые интересные литературные мероприятия».

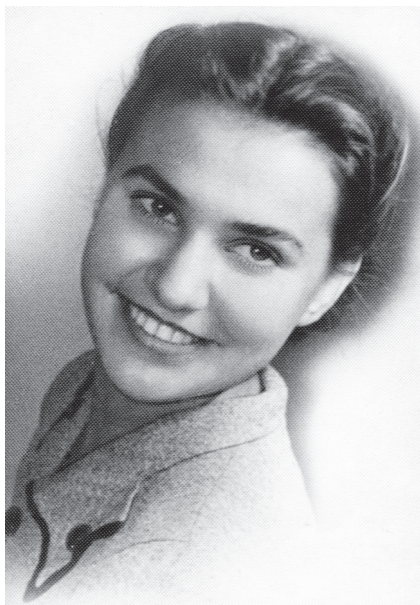
«Мы регулярно получаем журнал. Количество читателей – 3615 человек. Возраст читательской аудитории от 15 лет и старше. Журнал нам необходим, особенно в краеведческой работе. Интерес вызывают литературные новинки. У старшего поколения пользуется популярностью раздел «На волне памяти». Любители поэзии регулярно следят за разделом «Поэтоград». И в дальнейшем хотелось бы

читать в журнале новые произведения писателей и поэтов Саратовской области и произведения поэтов и писателей Саратовской области, получивших литературные премии». (РМУК «Екатериновская межпоселенческая центральная библиотека»)

«Читателями журнала в основном являются люди, заинтересованные в краеведческой информации, среди них – местные краеведы, журналисты, библиотекари, учителя средних общеобразовательных школ и сами школьники. Такой журнал необходим, так как является источником информации по истории края, знакомит с новыми авторами, а также даёт возможность молодым авторам впервые опубликоваться в серьёзном издании». (Межпоселенческая центральная библиотека Балаковского муниципального района)

«У каждого сдвоенного номера 27–30 читателей: служащие, пенсионеры, студенты. Контингент читателей постоянный, есть тенденция к росту читателей. В городе существует литературный центр имени Ф. И. Панфёрова (заседания проходят на базе центральной библиотеки), члены которого читают и обсуждают журнал коллективно. Журнал должен быть в библиотеке, так как он позволяет следить за литературной, творческой жизнью области, знакомит с новыми авторами. Мы с интересом читаем всё, что будет опубликовано в журнале, так как качество предлагаемых материалов высокое» (Вольск)

Юлия Киргоф
(«Невыдуманные истории» Татьяны Лисиной, с. 150)

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Подписано в печать 28 августа 2015 года.

Дата выхода в свет 31 августа 2015 года.

Журнал отпечатан в типографии «Буква».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Астраханская, 102.

Заказ № 01/2808

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Соборная, 42.

Тел. (факс): (845-2) 28-63-49.

E-mail: lizamar1@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2015.

© «Волга–XXI век», 2015.